

**Контекстуально обусловленная
вариативность единиц языка**

Министерство народного образования Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. П.Стучки
Кафедра иностранных языков

КОНТЕКСТУАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1989

36

КОНТЕКСТУАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЕДИНИЦ
ЯЗЫКА

Контекстуально обусловленная вариативность единиц
языка : Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Агамджано-
вой. Рига: ЛГУ им. П. Стучки, 1989. 208 с.

На материале германских, романских, а также ла-
тышского языков в сборнике рассматриваются контекстные
условия варьирования языковых единиц всех уровней: фо-
нетического, морфологического, синтаксического.

Сборник предназначен научным работникам, препода-
вателям, аспирантам и студентам филологических факуль-
тетов.

Список лит. - 211 библиогр. назв.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Агамджанова В.И. (отв. ред.),
Байкова З.М. (зам. отв. ред.),
Озолия О.Л., Соколова В.А.

Печатается по решению Издательского совета
ЛГУ им. П. Стучки

К 460200000-018y 102.89
MB12(11)-89

Латвийский
государственный
университет
им. П. Стучки,
1989

ВВЕДЕНИЕ

В сборнике контекстуально обусловленная вариативность рассматривается на всех уровнях, начиная с фонетического и кончая текстовым, как в синхронии, так и в диахронии. Рассмотрены различные проявления вариативности, такие как синонимия, варьирование различных компонентов отдельных устойчивых словосочетаний (т. е. варьирование по форме), варьирование значений отдельных словоформ, а также семантики грамматических форм в зависимости от контекста.

Анализ проведен на материале художественных и научных текстов на английском, немецком, французском и латышском языках.

Все материалы сборника имеют как научное, так и практическое значение и могут быть использованы при чтении теоретических курсов и в практике преподавания языка.

ФУНКЦИИ АКТУАЛИЗИРУЮЩЕГО КОНТЕКСТА

Контекст относится к высшим лингвистическим единицам. Постигание его онтологии, изучение принципов внутреннего строения контекста "есть исторически изменчивая и развивающаяся категория, где каждая последующая ступень развития надстраивается над всеми предшествующими и вбирает в себя положительные итоги прошлого" [1, с.128]. Приведенное высказывание С.Д.Кацнельсона как нельзя лучше характеризует современное состояние контекстологии.

Обращаясь к контексту, современный исследователь не только выявляет условия снятия многозначности слова, но ставит принципиально новые задачи, стимулируемые функционально-коммуникативным подходом к анализу семантики языковых единиц. Современная теория контекста стремится выявить функциональное назначение и способы материализации категориального состава инварианта лексического значения слова [2,3] и того содержания, которое формирует его вариант. Сегодня контекстуальный анализ может дать конструктивный ответ на вопрос, поставленный Ч.Хоккеттом: "Я однажды хотел сказать: "people born and raised in a culture" "люди, рожденные и воспитанные в культуре", а выпалил: "people braised in a culture" "люди, тушеные в культуре". Каждый понял и то, что я сказал, и то, что намеревался сказать. Я не знаю, как анализировать данную фразу, чтобы выявить редукцию. Но до тех пор, пока мы не найдем пути к этому, наши грамматические теории будут оставаться неадекватными" [4, с.166]. Данная оговорка Ч.Хоккетта обернулась метафорой. Braise (тушить - варить на медленном огне в закрытой посуде в собственном соку) вступило в противоречие со своим лексическим окружением, и фраза "people braised in a culture" представляла бы собой абракадабру, бессмысленный набор слов, если бы не диалектика отношений согласования на глубинном, категориальном уровне и несогласования на поверхностном лексическом

уровне. Говорящий (в данном случае ненамеренно) мог позволить себе нарушить норму и употребить *braised* вместо *born and raised* только потому, что категориальный состав *braised* согласуется со словами *people, in a culture*. Признак "быть, существовать" является имплицитруемым элементом в семантической конфигурации, отражающей типовую жизненную ситуацию, в которой "кто-то подвергается воздействию со стороны кого-то". Пассивная форма *braised* выражает семантический признак "воздействие". Семантические категории "жить" и "подвергаться воздействию" создают ту основу, которая обеспечивает сочетанию "*people braised in a culture*" коммуникативную значимость, а слову *braised* возможность реализовать всю характеризующую функцию [5] и сравнить воздействие общества на человека с варкой пищи на медленном огне в закрытой посуде. В проанализированном примере типовая семантико-синтаксическая структура материализует скрытые, но обязательные, инвариантные категории в составе слова *braised*, которые в конечном итоге определяют характер его речевого поведения.

Повышенный интерес к функциям актуализирующего контекста связан с необходимостью четко различать типовое и разовое, инвариантное и вариантное, что далеко не просто при коммуникативном подходе, когда контекст рассматривается как фактор, который обеспечивает заключительную фазу акта коммуникации - речевую деятельность, направленную на восприятие текста и представляет собой межуровневую целостную совокупность элементов с иерархической структурой, включающей ядро и периферию.

Данная статья является попыткой взглянуть на контекстуальные условия внутрисловного членения под углом зрения функций актуализирующего контекста. Известно, что без разработки теоретического аппарата нельзя моделировать структуру конкретного знания об объекте и способах его описания. Этим обстоятельством оправдывается наша попытка интерпретировать понятие "актуализация" и "функция".

Принято считать, что общее определение "актуализации" дал Ш.Балли: "функция актуализации заключается в переводе языка в речь" [6, с.87,93].

Явления речи представляют собой относительно устойчивые системы, взаимодействующие в таких структурах как "порождение речи - текст - восприятие речи". Порождение речи - текст - восприятие речи являются компонентами акта речевой коммуникации, образующей "две деятельностные фазы - коммуникативная деятельность отправителя сообщения и коммуникативная деятельность адресата" [7, с.9].

Актуализирующий контекст служит читателю или слушающему и обеспечивает движение от формы к ее значению. Он выходит в структуру заключительной фазы коммуникации и обеспечивает языковой форме референционную определенность.

"Подлинная актуализация всегда совершается только в высказывании (предложении), так как только в предложении завершается акт обозначения: языковые формы сопоставляющие с отрезками действительности" [8, с.10]. Приведенные соображения уточняют общее определение актуализации как перевода виртуальных (потенциальных) знаков в речь.

Актуализация не может рассматриваться без учета специфики вида речевой деятельности. Механизм актуализации при порождении речи не может не отличаться от механизма актуализации при восприятии речи.

Мы можем выделить следующие самые общие характеристики актуализирующего контекста лексического значения слова:

- актуализирующий контекст лексического значения слова входит в структуру речевой деятельности, направленной на восприятие текста и обеспечивает заключительную фазу акта коммуникации;
- единицей актуализирующего контекста является высказывание - предложение, сверхфразовое единство, целый текст - в зависимости от границ, определяющих завершенность акта обозначения и обеспечивающих референционную определенность слова;

- актуализирующий контекст представляет собой совокупность разноуровневых средств (морфологических, синтаксических, лексических), организуемых на категориальной основе лексического значения слова;
- межуровневый характер актуализирующего контекста определяется включенностью грамматических категорий в состав признаков лексического значения слова;
- актуализирующий контекст - целостная совокупность элементов с иерархической структурой, включающей ядро и периферию;
- формирующая сила актуализирующего контекста распространяется на всю (предметную и призначную) лексику, вовлеченную в создание текста и вступившую в отношение семантического согласования;
- актуализирующий контекст эксплицирует те семантические признаки, которые являются основой семантического согласования актуализируемого и актуализатора.

Текст и актуализирующий контекст (текстовое пространство, которое определяет завершенность акта обозначения и референционную определенность языковой единицы) обеспечивает коммуникацию - "социальное взаимодействие речевыми средствами" [7, с.17], которое может включать передачу информации или сообщения, воздействие на адресата речи, согласование практических действий и т.д. [7, с.42].

Текст и актуализирующий контекст всегда когнитивны, они отражают познавательный процесс и его результаты, они являются средством формирования и выражения мысли. Текст и актуализирующий контекст воплощают чувственно-эмоциональную сферу жизни человека. Эмоциональная функция реализуется стилистическими средствами в разных функциональных стилях.

Итак, актуализирующий контекст - то текстовое пространство, в котором слово реализует лексическое, грамматическое, стилистическое значение, - является носителем трех базовых функций - коммуникативной, когнитивной и

эмоциональной. Если это признать, то должно быть снято разделение функции языка и функции речи, т.к. "базовые функции представляют собой сущностные свойства языка и взаимообуславливают друг друга подобно тому, как связаны время и пространство в явлениях окружающего нас объективно существующего мира" [9, с.37].

Базовые функции актуализирующего контекста приводят в действие специфическим, свойственным только актуализирующему контексту, механизмом. Этот механизм направлен на идентификацию и конкретизацию языковой единицы, лексического значения в данном случае. Идентифицирующая и конкретизирующая функции актуализирующего контекста реализуются на базе закона семантического согласования.

Итак, идентификация лексического значения, а это значит снятие многозначности слова, и конкретизация как осложнение отобранного лексического значения слова семантическими признаками, возникающими в речи, являются специфическими функциями актуализирующего контекста и подчинены базовым.

Анализ речевых условий снятия/формирования лексической вариативности предполагает договоренность о содержании, вкладываемом в термин "функция". Понятие функции широко обсуждается в современной науке и имеет обширную литературу [10, 11]. Мы выделим инвариантное содержание, распространяемое и на актуализирующий контекст. Это содержание может быть сведено к следующему. Функция это:

- целевое назначение объекта (актуализирующего контекста);
- способ поведения и строение системных отношений между языковыми единицами в процессе актуализации;
- способ сохранения системного строения языковых единиц в процессе актуализации;
- способ осложнения системного строения языковых единиц в процессе актуализации;
- способ раскрытия внутреннего строения языковых единиц в процессе актуализации.

Актуализирующий контекст как условие внутрисловного членения и выделения лексического значения слова представляет собой типовой контекст.

Типовой контекст составляет центр актуализирующего контекста, его инвариантную лексико-синтаксическую структуру, заданную семантическими категориями интенционала. Типовой контекст размежевывает устойчивое от разового, постоянное от переменного, в составе лексического значения слова. Оставаясь функциональной единицей, типовой контекст, тем не менее, снимает беспределность конкретного речевого опыта, сужает или устраняет вариативность лексем.

Проиллюстрируем реализацию идентифицирующей функции контекста на примере слова "egg" в коротком рассказе Шервуда Андерсона "The Egg" [12, с.45-56]. На основании английских типовых словарей [13,14,15,16,17] лексическое значение (состав интенционала) слова egg представляется в следующих признаках: egg - яйцо: тело, овальной формы, имеющее защитное покрытие, состоит из женской половой клетки и питательной среды, кладется определенными животными (птицами, пресмыкающимися, рыбами, насекомыми), является средством воспроизведения, размножения животных, может быть продуктом питания. Семантическая категория предметности, которая составляет базу системного членения содержания лексемы и заложена в слове egg в силу принадлежности к морфологическому классу существительных, получает свое эксплицитное выражение, когда egg становится членом предложения и означает неодушевленный предмет, на который направлено действие, осуществляемое одушевленным существом (человеком или животным). Предложения: He held an egg in his hand. Then he laid the egg gently... on the table. ... father took an egg from the basket on the counter. He stood the egg on the counter.... являются реализациями семантико-синтаксической структуры.

"агентив → направленное действие → объектив → локатив". Данная семантико-синтаксическая модель (ССМ)

актуализирует семантическую категорию "предмет" в составе лексического значения *egg* и представляет собою типовую концептуальную структуру, в пределах которой осуществляется идентификация семантических признаков интенционала *egg*. Семантический признак "круглый, овальный" актуализируется глаголом *to roll* - катить, вращать: *He tried the trick again and again, each time rolling the egg between the palms....* Семантический признак "кладутся определенными животными (птицами)" в составе *egg* идентифицируется названием птицы и глаголом *to lay* - класть, наполняющих данную ССМ: *The hens lay eggs ...*. Идентификация семантического признака "имеющее защитное покрытие" осуществилась при замещении *egg* словом *shell* - скорлупа: *I will put it (the egg) through the neck of a bottle without breaking the shell*, а признак "продукт питания" получает свое выражение, когда направленное действие представлено такими глаголами приготовления пищи как *to boil* - варить, *to fry* - жарить. Идентификация семантического признака "является средством размножения, воспроизведения животных", связана с семантико-синтаксической структурой, "живое существо → появление на свет → источник жизни", организуемой глаголами существования. В предложениях типа: *On a chicken farm where hundreds and even thousands of chickens come out of eggs surprising things sometimes happen; it (a chicken) is born out of an egg.* Слово *egg* несет семантический признак "средство размножения, воспроизведения животных".

Постоянные семантические категории *egg*, его интенционал, опознанный на основе закона семантического согласования лексики в условиях семантико-синтаксических структур: агентив → направленное действие → объектив → локатив; результатив (живое существо) → действие (появление на свет) → композитив (источник жизни)

[18, с.52-56] осложняется переменными семантическими признаками, т.е. импликационалом *egg*.

Импликационал значения *egg* в контексте данного рас- сказа представлен семантическими признаками "определенно- го размера", "хрупкий", "предмет направленной интеллек- туальной деятельности". Актуализаторами этих признаков является лексика: названия емкостей (*put the egg through the neck of a bottle* - протолкнул яйцо через горлышко бу- тылки; *father carried the egg on a spoon* - отец нес яй- цо в ложке) глаголы разрушения (*The egg broke under his hand* - яйцо разбилось в его руке), глаголы интеллектуаль- ной деятельности (*my tale will center on the egg* - мой рассказ будет посвящен яйцу; *no one knows more about eggs than I do* - никто не знает о яйцах больше чем я).

Семантико-синтаксическая организация конкретизирующе- го контекста принципиально не отличается от семантико- синтаксической организации идентифицирующего контекста и, как видно из приведенных выше примеров, включает: агентив направление действия → объект —→ локатив; объек- тив → направленное действие → агентив.

Итак, актуализация лексического значения в речи про- текает как диалектический процесс, с одной стороны, актуа- лизирующий контекст направлен на снятие многозначности, он выбирает одно из значений, закрепленное за данной лек- семой в системе языка, с другой - осложняет опознание значения, формируя речевую вариативность лексического зна- чения. Снимая и формируя вариативность лексического зна- чения слова, актуализирующий контекст одновременно реали- зует идентифицирующую и конкретизирующую функции. Меха- низм опознания интенционала (постоянных семантических признаков ЛЭС) и осложнения его импликационалом (перемен- ными семантическими признаками ЛЭС) осуществляется при одновременном действии парадигматических (системно-языко- вых) и синтагматических (речевых) связей и представляет собой способ сохранения системного строения лексического значения слова и в то же время способ осложнения этого системного строения лексического значения слова в про- цессе актуализации. Целевое назначение опознания интен-

сионала и осложнения его импликационалом - обеспечить слову его референционную определенность и тем самым участвовать в процессе коммуникации и познания.

Отношение между лексемой и ее актуализирующим контекстом является индикатором внутреннего семантического устройства лексических значений. Изучая семантическое согласование как способ поведения актуализируемой языковой единицы и его актуализаторов, исследователь проникает в онтологию объекта.

Библиографический список

1. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1966.
2. Шведова Н.Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 142-154.
3. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории. Глубинные синтаксические структуры и семантические основания процессов речевой деятельности. О грамматической семантике // Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1966. С. 107-152.
Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М., 1988.
4. Хоккетт Ч. Грамматика для слушающего // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965. С. 139-166.
5. Агамджанова В.И. Синтагматические и парадигматические связи слова при метафорическом переносе // Вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков. Тига, 1971. С. 35-53.
6. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
7. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М., 1967.
8. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1966.

9. Слосарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1961.
10. Слосарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
11. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. М., 1984.
12. Sherwood Anderson. The Egg// Short Story Masterpieces. New York: Dell Publishing Co., INC. 1954. P.45-56.
13. Chambers Twentieth Century Dictionary. London, 1972. 1972.
14. Longmans English Larousse. Harlow and London, 1968.
15. The Concise Oxford Dictionary. Oxford, 1972.
16. Beginning Dictionary.- Houghton Mifflin Company, 1979.
17. The advanced Learners Dictionary of Current English. London, 1958.
18. Семантико-синтаксические категории приводятся по Болданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.

Г.К. Асаналиева

КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ВАРИИРОВАНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ
ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В КОНСТРУКЦИЯХ
С ГЛАГОЛАМИ РЕЧИ В НОВОАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Указательные наречия образа действия (УНОД) *so, thus* и их эквиваленты (ЭНОД) – синтаксические сочетания *like this (that), (in) this (that,...) manner (way)*. Относясь в системе языка к разным грамматическим уровням, в синтагматике образуют микросистемы синонимических единиц, являющихся носителями близкого смыслового качества. В семантической структуре УНОД и ЭНОД совпадают важнейшие семантические компоненты: 1) значение указательности,

2) синсематичности, 3) значение качественной характеристики действия.

Принадлежность УНОД и ЭНОД к указательным средствам языка обуславливает их функционирование в особом типе контекста - гиперфразе - минимальной текстовой единице, состоящей из коррелята и глагольной конструкции. Под коррелятом мы понимаем элемент в структуре гиперфразы (ГФ), с которым соотносится УНОД (ЭНОД) и благодаря которому конкретизируется значение УНОД или ЭНОД. Коррелят можно рассматривать в качестве семантического контекста УНОД (ЭНОД). Глагольную конструкцию, в которой непосредственно функционирует наречие (эквивалент) и которая определяет его синтаксическую функцию, можно считать синтаксическим контекстом УНОД (ЭНОД). Таким образом, ГФ предстает как семантико-синтаксический контекст УНОД (ЭНОД).

Являясь носителями близкого смыслового качества, УНОД *so, thus* и ЭНОД *like this (that), (in) this (that,...) manner (way)* обязаны варьировать условия своего употребления, чтобы не вытеснять друг друга из языка. Дифференциация условий их употребления достаточно четко проявляется в конструкциях с глаголами речи.

Цель статьи - рассмотреть причины варьирования УНОД (ЭНОД) в конструкциях с глаголами речи и проследить динамику сочетаний "глагол речи + УНОД (ЭНОД)" в последние три столетия. На каждый век было проанализировано по 1600 страниц художественного текста.

Как показал анализ материала, условия, определяющие выбор конкретного УНОД (ЭНОД), следующие:

- 1) группа глаголов речи;
- 2) синтаксическая функция УНОД (ЭНОД);
- 3) направленность коррелятивной связи (анафора/катафора (А/К));
- 4) коммуникативный тип ГФ:
 - а) повествовательного характера (ГФ₁);

б) ГФ с прямой речью, в которой коррелятом УНОД (ЭНОД) является прямая речь, а глагольная конструкция представляет собой слова автора (ГФ₂);

в) ГФ - диалогическое единство (ГФ₃)¹.

Глаголы речи, с которыми в 18 веке отмечены УНОД *so*, *thus* и ЭНОД *in this (that, ...) manner* (другие элементы в этот период не отмечены), четко делятся на две группы в зависимости от их семантико-синтаксических особенностей. Первую группу образуют глаголы речи, которые могут принимать в качестве прямого дополнения придаточное предложение, это так называемые "объектно-сентенциальные глаголы" [2, с.4]: *say, tell, answer, explain, express, inform*. Вторая группа объединяет глаголы, которые указанной способностью не обладают. В нее входят как собственно глаголы речи: *speak, talk, accost, address, converse, debate, relate*, так и фазисные глаголы: *begin, finish, go on, proceed*, в анализируемых конструкциях с которыми глагол речи присутствует имплицитно.

Исследование показало, что происходит четкая дифференциация УНОД и ЭНОД с этими двумя группами глаголов речи: *so* встречается в конструкциях с глаголами I группы, а *thus, in this (that, ...) manner* - главным образом, с глаголами II группы. (Отмечены лишь единичные случаи употребления *thus* и *in this (...) manner* с глаголами I группы).

... heard the sick man talking to himself in the following manner: "O most adorable Pamela! most virtuous sister! (F., W., p.53).

Mrs. Slipslop... spoke thus: "There has been a strange alteration in our family, Mr. Adams, since Sir Thomas's death" (F., W., p.88).

... so that it was not much to be wondered at, if the boy made small progress; and yet whoever told him so, ... (S., R., p.19).

¹ Классификация типов ГФ заимствована из работы Г.Т.Рева [1, с.62].

При определении синтаксической функции *so*, *thus* и *in this (...)* manner мы исходили из отмеченных особенностей глаголов I и II групп. Так как *so* употребляется с глаголами, которые принимают в качестве дополнения придаточное предложение, позицию которого занимает *so*, то это наречие выполняет ту же синтаксическую функцию, что и замещаемая им предикативная единица, то есть функцию дополнения. Не случайно, именно с этой группой глаголов речи наряду с *so* в качестве заместителя объектной предикативной единицы широко распространены указательные местоимения *this*, *that*, *it* [3, с.195]. В силу этого можно говорить о том, что у *so* в данном случае происходит ослабление категориального значения - квалификация действия, и на первый план выступает значение указания.

УНФ *thus* и ЭНФ *in this (...)* manner употребляются с глаголами II группы, которые, как было отмечено, не могут принимать придаточные дополнительные предложения. Более того, в некоторых случаях позиция прямого дополнения уже занята другой единицей (простой структуры). Следовательно, *thus* и *in this (...)* manner выполняют обстоятельственную функцию.

I debated this very often with myself thus: "How do I know what God himself judges in this particular case?..." (D., R., p.126).

Выбор конкретного элемента микросистемы определяется направленностью связи: *so* употребляется только анафорически, а *thus* и *in this (...)* manner осуществляют оба вида коррелятивной связи (анафорическую и катафорическую), однако катафора для них более характерна (см. таблицу).

Общи для УНФ *so*, *thus* и ЭНФ *in this (...)* manner в этот период является лишь преимущественное функционирование в ГФ₂. Таким образом, в 18 веке УНФ *so* противопоставлено УНФ *thus* и ЭНФ *in this (...)* manner, которые, как можно заметить, полностью дублируют друг друга. Не случайно, по-видимому, изменения, которые происходят в течение 19-20 веков, главным образом затрагивают

эти варианты.

Общее, что характеризует динамику исследуемых глагольных конструкций на протяжении 19-20 веков, заключается в сокращении общего количества конструкций примерно в 8 раз. Это объясняется тенденцией к сокращению функционирования в $\Gamma\Phi_2$ всех элементов микросистемы в 19 веке, и фактический их выход из $\Gamma\Phi_2$ в 20 веке за счет упрощения глагольной конструкции: глагол речи вводит прямую речь без помощи УНОД (ЭНОД):

Another officer spoke. - "It is you and such as you that have let the barbarians onto the sacred soil of the father land" (H., A., 201).

Одновременно с выходом из $\Gamma\Phi_2$ УНОД и ЭНОД возрастает их активность в $\Gamma\Phi_3$ - в 20 веке функционирование в этом типе $\Gamma\Phi$ становится для них основным.

Сокращается в 19 веке и полностью исчезает в 20 веке катафора. Это приводит к тому, что количество примеров с *thus* уменьшается к 20 веку в 10 раз, а *in this (that,...) manner* фактически выходит из употребления, так как этот вариант полностью дублировал *thus*. На смену *thus* и *in this (...):manner* развиваются новые средства *like this (that), in this (...): way*, которые, начиная с 19 века зарегистрированы во всех типах $\Gamma\Phi$ и которые в отличие от старых средств употребляются только анафорически. В 20 веке они используются в основном в $\Gamma\Phi_3$.

"Bet, that woman drinks a pint for breakfast every morning - know she drinks two glasses here. Seen her?" - - "Don't talk like that Dill", said aunt Alexandra (L., K., p.218).

"You know how the ladies are. If there's a jug goes along, or a case of beer, they think it's hell and damnation".

"I voted against prohibition to please him, and because I like a little beer in the house and then he talks that way" (H., P., p.82).

Таким образом к 20 веку сохраняется противопоставление УНОД со всем другим элементам микросистемы по синтаксической функции и по группе глаголов. Противопоставление по направленности связи исчезает - все элементы употребляются только анафорически. Происходит перераспределение функциональной нагрузки элементов микросистемы в различных типах ГФ: если в 18 веке все элементы микросистемы использовались преимущественно в ГФ₂, то к 20 веку складывается другое соотношение: ГФ₂ практически отсутствует (всего 4 примера), со распределяется приблизительно равномерно между ГФ₁ и ГФ₃, другие элементы используются главным образом в ГФ₃.

Новые элементы микросистемы, которые встречаются только с глаголами II группы, вытеснили ЭНОД in this (...) manner и постепенно вытесняют thus .

so - единственный элемент микросистемы, который не знает конкуренции в пределах данной микросистемы на протяжении 3 веков, что объясняется общностью его в функции заместителя объектной предикативной единицы с другой группой указательных слов, а именно с указательными местоимениями this, that, it.

Следующие таблицы отражают особенности употребления УНОД и ЭНОД с глаголами речи в 18-20 веках.

18 век

тип ГФ, нап-ть связи	ГФ ₁		ГФ ₂		ГФ ₃		Всего
	А	К	А	К	А	К	
УНОД (ЭНОД)							
so	14(19,8%)	-	48(67,2%)	-	8(12%)	-	70(100%)
thus	8(8%)	-	26(26%)	64(64%)	1(1%)	-	94(100%)
like this (that)	-	-	-	-	-	-	-
~ manner	2(4,6%)	-	10(28%)	30(69%)	1(2,3%)	-	43(100%)
~ way	-	-	-	-	-	-	-

19 век

тип ГФ, нап-ть связи УНД (ЭНД)	ГФ ₁		ГФ ₂		ГФ ₃		Всего
	А	К	А	К	А	К	
so	11 (45%)	-	2 (8,9%)	-	12 (46%)	-	24 (100%)
thus	-	-	7 (48,8%)	8 (50%)	1 (6,2%)	-	46 (100%)
like this (that)	8 (16,5%)	1 (5,5%)	2 (11%)	-	12 (66%)	-	18 (100%)
~manner	-	-	-	-	-	-	-
~way	2 (50%)	-	1 (25%)	-	1 (25%)	-	4 (100%)

20 век

тип ГФ, нап-ть связи УНД (ЭНД)	ГФ ₁		ГФ ₂		ГФ ₃		Всего
	А	К	А	К	А	К	
so	12 (50%)	-	2 (8%)	-	10 (42%)	-	24 (100%)
thus	-	-	-	-	9 (100%)	-	9 (100%)
like this (that)	8 (18%)	-	2 (12%)	-	11 (70%)	-	16 (100%)
~manner	-	-	-	-	2 (100%)	-	2 (100%)
~way	4 (24%)	-	-	-	13 (76%)	-	17 (100%)

Библиографический список

1. Рого Г.Т. История становления заместителей зависимой предикативной единицы в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.

2. Левина Л.Б. Глаголы, выступающие ядром структуры V + придаточное дополнительное предложения (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ...канд. филол.наук. Л., 1976.
3. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб.пособ. /Под ред. В.В.Бурлакова. Л., 1983.

Сокращения

- F., W. - The Writings of Henry Fielding. - London, 1878.
D., R. - Defoe D. The Life and Adsentures of Robinson Crusoe. - Moscow, 1935.
H., A. - Hemingway E. A Farewell to Arms. - Moscow, 1976.
H., P. - Hemingway E. Fiesta. Moscow, 1981.
L., K. - Lee H. To Kill a Mockingbird. - London, 1974.
S., R. - Smollet T. The Adventures of Roderick Random. - London, 1904.

З.М. Байкова

КОНТЕКСТУАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВАРИАНТЫ ЗНАЧЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ

В статье прослеживается образование вариантов значений прошедшего индифинитного на материале композиционно-законченного отрезка художественного текста. Специфика художественного (сюжетного) времени, описанная З.Я Туревой, имеет, как известно, целый ряд особенностей, из которых мы отметим только то, что художественное время идеально и иллюзорно и что как таковое, оно используется для построения временного плана сюжета (т.е. вторичной моделирующей системы), вследствие чего при отображении времени действуют другие законы, отличные от тех, что имеют место в ситуации непосредственного общения. Главным отличием, определяющим в конечном итоге все остальное,

является произвольность выбора точки (или точек отсчета) времени [1, с.15-18]. Анализ текста показал, что семантика вариантов значения прошедшего индифинитного в художественном тексте обусловлена ориентацией хода сюжетного времени относительно произвольно выбранной точки отсчета, референцией лица, от которого ведется повествование, а также сменой планов повествования, например, переход от физического плана в план ментальный, где время движется по-другому (имеет свои законы). Поэтому для графического представления временной соотнесенности временных форм понадобилась бы пространственная система координат, причем в этом пространстве пришлось бы выделить участки, имеющие различные временные характеристики: участки, соответствующие физическому пространству, где время однонаправлено, и участки, представляющие пространство ментального мира в разных его разновидностях, где допустима ретроспекция (обратимость времени), где время может останавливаться либо утрачивать свою актуальность, так как человеческому сознанию свойственно манипулировать временем.

Для анализа взята актуализирующая временная рамка повести Моризель Слак "На публику" (The Public Image) [2, с.21-22, 51-52], в основном построенная на употреблении форм прошедшего индифинитного и перфектного. Рамка, наложенная ассиметрично, задает точку отсчета сюжетного времени для всей повести: "Пятница, утро". Таким образом, с точки зрения зафиксированного повествованием времени, структура повести имеет следующий вид:

"Пятница, утро" - - - потом - - - "Пятница, утро" - - - потом. Подобно значению любой грамматической формы, значение использованных в актуализирующей рамке форм прошедшего индифинитного можно выяснить, только установив их референцию. Для временных форм самым важным является соотнесение с точкой отсчета и референция лица (автор, персонаж). Существенным является также применение постулата о множественности миров. Так Е.В.Падучева предлагает

"отличать те пропозиции в семантической структуре высказывания, которые соотносятся с миром знаний, предположений, чувств и тому подобное [3, с.249], где, как уже отмечалось, для человеческого сознания время обладает качественно другими характеристиками.

В повести эти разные планы (физический, ментальный), взаимопроникают и переплетаются друг с другом, однако достаточно четко выделены формально. Текст повести (рамка) начинается с того, что задается точка отсчета сюжетного времени на физическом плане (Пятница, утро), и на этом же плане развивается сюжетная канва, которая в вычленном виде такова:

It was the middle of Friday morning. The sun shone gold-brown on the expanse of parquet floor, in room after room. (1), (2)¹. The baby was asleep, tucked into a white pillow. The house was very still. The room where she stood ... was at the back of the building ...

The door of the room started to shift open as if moved by a slight breeze . She started walking across the room to close it properly. But in lumbered tall, red-faced Billy O'Brien, her husband's oldest friend. (4), (5), (6). She said, "...". He said, "...". Billy stood back against the wall of the room ... He looked round. He said, "...". She said, "...". [2, с.21-22].

It was the middle of Friday morning. The spring sunshine touched the parquet floors (3)
The flat was empty, waiting for furniture. The baby was tucked into a makeshift bed on the floor. [2, с.51-52].

Это план физических реалий и событий, описываемый от лица автора и в его пространственно-временной системе. Опираясь на инвариантное семантическое значение прошедшего индефинитного, заключающееся в том, что для него харак-

¹ В круглых скобках пронумерованы фрагменты, опущенные при препарировании текста. Их анализ дается далее.

терна отнесенность к прошлому и отсутствие связи с настоящим, мы можем констатировать, что в данном препарированном отрывке текста инвариантное значение присутствует полностью, а развитие сюжета на физическом плане диктует логику семантического приращения: выражение совокупности следующих друг за другом действий. Этот вариант значения прошедшего индифинитного зафиксирован всеми грамматиками, однако там не указывается на связь этого значения с физическим планом действия.

Сигналом перехода на другой план, ментальный план персонажа, является несобственная прямая речь. Формальным показателем этого перехода можно считать употребление форм was + Inf., выражающих в данном случае взаимную договоренность (mutual agreement):

(1) The furniture was to be delivered ... The English nurse was to arrive... The housemaid, too, was to come ... (p.21).

Здесь тоже присутствует автор со своей пространственно-временной системой, но уже присутствует и персонаж, еще не названный, тот кому понадобится мебель, английская няня, горничная. Действие, через автора соотносено с точкой отсчета "Пятница, утро", однако протекает не в физическом, а в ментальном плане и не автора, а персонажа. После сентенций общего характера (от лица персонажа) вводится временной план персонажа "сейчас и здесь", представленный такими временными маркерами, как for the present, so far, tonight, и именно здесь впервые назван персонаж: (Annabel Christopher, the tawny-eyed actress):

(2) But for the present, everything had happened that was necessary. Annabel Christopher, the tawny-eyed actress ... was astonished at the calm achievement so far. For one who was unaccustomed to organize anything... (p.22).

(3) Again, Frederick was away somewhere; he had not shown up for five days and nights. Tonight would be the sixth (p.51).

Здесь, как мы видим, инвариантная семантика, присущая прошедшему индефинитному (отнесенность к прошлому и отсутствие связи с настоящим) вступает в противоречие с семантикой временных маркеров, имеющих в своем составе сему настоящего. Семантическое приращение или вариант значения форм прошедшего индефинитного здесь можно рассматривать как чисто контекстуальное явление. Это некое актуализованное прошедшее, возникшее в результате специфического построения несобственной прямой речи, в которой переплетены и слиты в нечто целое пространственно-временные системы персонажа и автора.

Следующий переход с физического плана автора на ментальный план персонажа не имеет никаких формальных показателей:

(4) How did he get into the flat? This man irritated her, stopping up as he did. (P.22).

Это предложение общего характера, не соотношенная непосредственно с точкой отсчета (Пятница, утро), благодаря чему происходит нейтрализация инвариантного значения формы прошедшего индефинитного, а само использование этой формы связано с необходимостью сохранения установленного временного плана.

Следующий переход с физического плана на ментальный план персонажа, где происходит действие, выраженное формой прошедшего индефинитного, непосредственно соотносится с заданной точкой отсчета:

(5) But then, she was relieved to see him for the sake of the news he might brought. (P.22).

Семантика формы прошедшего индефинитного получает приращение - констатация единичного факта, действия, имевшего место в прошлом.

В этом же отрывке встречается форма прошедшего индефинитного со значением кратности действия:

- (6) Annabel Christopher's neighbours had already toured the flat, smiling and exclaiming about the beauty of the wallpaper whenever she arrived to see how the work was proceeding (P.22).

Это значение возникает в результате отрыва от заданной точки отсчета и введения временного маркера *whenever*.

Таким образом, вариативность значений форм прошедшего индефинитного есть результат взаимодействия четырех факторов: собственно инвариантного значения (отнесенность к прошлому, отсутствие связи с настоящим); соотношение с заданной (выбранной) точкой отсчета времени; соотношение с лицом (автор, персонаж); отнесенность к определенному плану действия (физический, ментальный).

В рассмотренном тексте формы прошедшего индефинитного употребляются для 1) передачи последовательности действий на физическом плане, 2) для актуализации описания протекания действия, 3) для передачи соображений общего свойства, с нейтрализацией инвариантного значения, 4) для указания на единичное действие в прошлом, 5) для указания на кратное действие в прошлом.

Библиографический список

1. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М., 1979.
2. Spark M. The Public Image Stories. М., 1976.
3. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.

А.Я. Банкав

СИНОНИМИЧЕСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ ГАЛЛИЦИЗМОВ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

Заемствования являются одним из источников лексической синонимии. Они входят в определенные семантические отношения с исконными лексическими единицами языка-реципиента и способствуют совершенствованию языковых средств, внося в язык точность выражения, стилистическое и эмоционально-экспрессивное разнообразие. Эти отношения между заимствованиями (в данном случае из французского языка) и исконно латышскими лексическими единицами внутри синонимических рядов зависят не только от причин появления галлицизмов, но и от функций, выполняемых ими в латышском языке.

Галлицизмы представляют весьма значительный пласт заимствованной лексики латышского языка. Среди более 2000 галлицизмов, которые пополнили лексический фонд латышского языка, преобладают единицы, которые являются единственными средствами наименования, без наличия соответствующего обозначения в языке-реципиенте. К таким заимствованиям могут относиться галлицизмы, обозначающие как конкретные реалии терминологической направленности, так и слова общеупотребительной лексики.

В другую группу входят галлицизмы, образующие синонимические ряды со словами латышского происхождения. Галлицизмы образуют неоднородный пласт заимствованной лексики и имеют в основном периферийный характер. Диахронный анализ их употребления позволяет обнаружить существенные сдвиги в ходе исторического развития латышского языка. Так, часть галлицизмов полностью вышла из лексического состава и заменена соответствующим синонимом латышского языка. Особенно интенсивно за последние 50-80 лет вышли из употребления прилагательные:

bizars (нем. bizarr) - dīvains;
egals (нем. egal) - vienāds, vienlīdzīgs;
eklatants (нем. eklatant) - sprožs;
frapants (нем. frappant) - pārsteidzošs;
komplets (нем. komplett) - pilnīgs и т.д.

Сократилось также количество глагольных галлицизмов, напр.:

deženēt (< нем. dejeuner) - brokastot;
etablēt (< нем. etablieren) - dibināt;
komprimēt (< нем. komprimieren) - saspiest;
retirēt (< нем. retirieren) - atkāpties;
turnēt (< нем. turnieren) - griezties и др.

В меньшей степени замена галлицизмов синонимами латышского языка коснулась существительных (ср. например:

ataka (< нем. Attacke, русск. атака) - uzbrukums;
kamerats (< нем. Kamerad) - biedrs;
tāža (< нем. Etage ; русск. этаж) - stāvs;
volontieris (< нем. Volontär ; русск. волонтер) -

brīvprātīgais

Ввиду того, что галлицизмы проникли в латышский язык через языки-посредники (немецкий и/или русский), то в свое время целая группа синонимов, проникших через немецкий язык, имела статус варваризмов. Эти слова используются в основном в эмоционально-экспрессивной функции. Несмотря на общую тенденцию латышского языка к уменьшению количества варваризмов, которые проникли из/или через немецкий, таких слов довольно много, и они относятся к бытовой лексике, например:

antreja (< нем. Entrée < фр. entrée) - priekšnams;
branža (< нем. Branche < фр. branche) - nozare;
kante (< нем. Kante < ст. фр. cant) - mala;
kuvērs (< нем. Kuwert < фр. couvert) - aplokane;
plezīrs (< нем. Plaisier < фр. plaisir) - izprieca;
promenēt (< нем. promenieren < фр. se promener) -
pastaigāties;

sorte (нем. Sorte ; русск. сорт. < фр. -sorte) - šķira;
labums;
soste (нем. Sauce ; русск. соус < фр. sauce) - mērcs
и т.д.

Нередко в латышском языке отмечаются случаи, когда заимствуются слова для обозначения явлений с исконными двучленными наименованиями. Как показывает фактический материал, такие заимствования прочно закрепляются в языке, образуя синонимические ряды с описательными оборотами:
aviācija - gaisa flote; fasāde - šķas ārsiena; fizelāža -
- lidmašīnas korpuss; kalambūns - vārdu spēle; šoferis -
autovadītājs и т.д.

Анализ синонимических рядов показывает, что преобладающими являются идеографические синонимы. При этом доминантой может выступать как галлицизм, так и слово латышского происхождения. Так, по данным Частотного словаря латышского языка [1], предпочтение отдается таким галлицизмам как *profils* и др.:

Галлицизм	Частота употребления		Летизм
	галлицизма	летизма	
<i>profils</i>	65	-	<i>sānskats</i>
<i>tranšeja</i>	25	20	<i>ierakums</i>
<i>velosipēds</i>	19	9	<i>divritenis</i>
<i>avangards</i>	15	2	<i>priekšpulka</i>
<i>vitriņa</i>	9	4	<i>skatlogs</i>

Напротив, у общеупотребительной лексики латышского происхождения частота употребления выше, чем обусловлено различием семантического объема синонимических единиц. Латышские семантические эквиваленты по сравнению с французскими имеют обычно более абстрактный характер и более развитую семантическую структуру, что отражается на синонимической избирательности единиц, напр.:

Летицизм	Частота употребления		Галлицизм
	летицизма	галлицизма	
pārbaudīt	195	46	kontrolēt
tēvocis	30	2	onkulis
gaitenis	28	9	koridors
ainava	22	-	peizaža
ietve	21	6	trotuārs
pasūtīt	16	2	abonēt
viesnīca	15	-	hotelis
pretstats	14	9	kontrasts
locīt	11	-	deklinēt

Абсолютные синонимы свойственны как общеупотребительной лексике (напр.: ainava - peizaža; aleja - gatve; apertīte - ēstgriba; dekorēt - izrotāt; ērtības - koforts; metiēns - tirāža и др.), так и научной терминологии (напр.: locīt - deklinēt; piedziedājums - refrēns; spārnis flange; uzsvārs - akcents; vāpe - glazūra и др.).

В латышском языке абсолютные синонимы употребляются в основном в функции замещения, что связано со стремлением избежать повторений одних и тех же лексических единиц.

Вместо автохтонного латышского слова в синонимической паре вместе с галлицизмом может выступать также и калька (напр. avīze (нем. Avis < фр. avis) - laikraksts (< нем. Zeitschrift), или даже интернациональное слово другого происхождения, напр. bazīne (< нем. Posaune < ст. фр. buisine) - trombons (< ит. trombone); krevete (< нем. Krevette < фр. crevette) - garnele (< нем. Garnele < голландск.); servjete (фр. serviette) - salvete (< нем. Salvette < ит. salvietta).

Проанализированный материал показывает, что при исследовании синонимической избирательности галлицизмов сле-

дует прежде всего учитывать роль языков-посредников и степень активности употребления галлицизмов в этих языках. В связи с явным уменьшением роли немецкого языка в пополнении лексики латышского языка, постепенно выходят из употребления те галлицизмы, которые проникли через немецкий и отсутствуют в русском языке. Русский язык в настоящее время не только является главным (практически единственным) языком-посредником для проникновения галлицизмов в автохтонную лексику латышского языка, но и оказывает активное воздействие на употребление галлицизмов. Так, например, слово biskvīti постепенно вытесняется автохтонным словом seriņi (ср. употребление синонимической пары в русском: бисквит и печенье). Исходят или уже вышли из употребления те галлицизмы, которые не были заимствованы или не усвоены русским языком. Анализ синонимических отношений между галлицизмами и словами латышского происхождения показывает важную роль социальных факторов в развитии языка, так как словарный состав является наиболее открытым для всякого рода влияний участком языка.

Библиографический список

- I. Jakubaite T., Ozola V. u.c. *Latviešu valodas biežuma vārdnīca. Arvienotais (1.-4.) sēj. R., 1973.*

О.И. Бродович

ЯЗЫКОВАЯ ПЕРЕМЕННАЯ И КОНТЕКСТ: ФАКТЫ И СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Под языковой переменной понимается набор языковых форм, имеющих тождественное содержание [1]. Речь идет о формах, которые находятся в отношении так называемого "свободного" варьирования. Однако У.Лабов показал [2,3], что такого рода варьирование испытывает воздействие социостилистических факторов, а также то, что

реализация того или иного варианта в конкретном акте коммуникации зависит от чисто лингвистических причин, в первую очередь от окружения варьирующей формы, т.е. от контекста.

Целью настоящей статьи является осмысление некоторых теоретических проблем, возникающих при изучении характера взаимодействия языковой переменной с лингвистическим контекстом.

Обратимся сначала к фактам. В английском языке есть переменная (-t/-d) : слова с постконсонантным -t/-d в ауслaute имеют варианты с опущением этого последнего. Так, just [dʒʌst] / [dʒʌs], left [left] / [lef], dust [dʌst] / [dʌs], old [ould] / [oul] и т.д. У.Лабов показал, что частота появления формы без конечных -t/-d зависит от факторов правого контекста. В положении перед согласной (just now) опущение наиболее часто; перед паузой (only just) оно отмечается реже; перед гласной (just a minute) опущение наименее вероятно [3]. Дж. Чеймберс исследовал переменную (-t/-d) в северных диалектах Англии. Он показал, что левый контекст здесь тоже играет роль, а именно после сонорного опущение более вероятно, чем после шумного [4, с.152-158]. Мы исследовали переменную (-t/-d) во всех английских диалектах. Материалом нам, так же, как и Дж.Чеймберсу, послужили диалектные реализации слов с постконсонантным -t или -d, собранные в "Обзоре английских диалектов" [5]. Наш анализ позволил уточнить и дополнить представления о влиянии как правого, так и левого контекстов. Оказалось, что разные согласные в правом контексте по-разному воздействуют на процесс опущения постконсонантных (-t/-d) в зависимости от типа согласного в левом контексте. Так, в последовательностях -nd n- и -ndz формы с опущением преобладают в положении перед носовым, в то время как в последовательностях -st n- и -st s-, напротив, формы с опущением встречаются чаще в положении перед зубным. Ясно,

что на процесс опущения конечных $-t/-d$ влияет фактор совпадения согласных правого и левого контекста. Этот фактор увеличивает вероятность опущения $-t/-d$.

В одном случае удалось проследить влияние контекста на глубину двух согласных (в трехчленных комплексах типа $-dnt, -znt, -vnt$). Мы имеем в виду отрицательную форму некоторых глаголов, таких как $isn't, shouldn't, haven't$. Во-первых, оказалось, что увеличение числа согласных в комплексе увеличивает вероятность опущения конечного согласного. Во-вторых, существенным оказалось качество согласного, находящегося слева от $-nt$. Наиболее высокий процент опущений показала группа $-dnt$. В этом контексте число форм без $-t$ было выше, чем в любом другом сочетании, причем на всей территории Англии. Что же касается двух других контекстов, то их роль оказалась различной на севере и на юге страны. В северных диалектах контекст $-znt$ оказался более благоприятным для опущения, чем $-vnt$. В южных - наоборот, в сочетании $-vnt$ процент опущений больше, чем в $-znt$.

Существенную роль играет ударность/неударность того слога, который замыкается сочетанием согласный $+t/d$. Конечный $-t/-d$ в ударных слогах значительно меньше подвержен опущению, чем в неударных. Так, при одном и том же правом контексте (в положении перед паузой) в таких словах, как $fist, dust, wrist$, наивысший процент форм с опущением составляет 25-30%, в то время как в словах $breakfast$ и $almost$ он возрастает до 80%¹. Особенно заметен этот скачок в тех случаях, когда удается сравнить данные по одному и тому же слову в ударном и безударном положении. В нашем материале эти примеры оказались отрицательные формы глаголов $can't$ и $don't$. В тех случаях, когда они выступали в качестве ремы ответа (No, I can't, No, I don't) и поэтому несли на себе основное фразовое ударение, число форм с опущением не превышало

¹ Наименее характерен процесс опущения конечных постконсонантных $-t/-d$ для северных диалектов. По мере продвижения на юг число форм с опущением возрастает во много раз, для некоторых контекстов с 3% до 90%.

5-10%. В тех же случаях, когда эти глаголы выступали в более обычной для них роли служебной, неударной части сказуемого, доля форм с опущением возрастала до 60% (can't) - 80% (don't). Думается, что разница между данными по can't и don't не случайна и соответствует разнице в степени их служебности.

Следует отметить, что сокращенные отрицательные формы глаголов вообще составляют своего рода исключение. Дело в том, что в ауслатных сочетаниях с контрастной звонкостью согласных, по свидетельству У.Лабова [3, с.130], опущение не происходит. И действительно, в словах типа faint, aunt формы с -t составляют 100% на всей территории Англии. Но в глагольной форме, как мы видели, примеры с опущением конечного -t столь же вероятны, как и в положении после глухого согласного, т.е. как в словах типа fist, left и т.п.

В данном случае грамматический субстрат, на котором реализуется вариативность, снимает контекстные ограничения. В другом случае, напротив, грамматичность субстрата усиливает ограничения на вариативность. Мы здесь имеем в виду случаи, когда конечные -t/-d выступают показателями претерита, как в finished, slammed. В нашем материале встречаемость форм слабого претерита без -t/-d составила доли процента. Снижение уровня вариативности форм с семантическими -t/-d понятно: опущение показателя претерита может нанести ущерб успешности коммуникации. Однако причина того, что грамматический субстрат форм с -nt повышает вероятность опущения -t, не столь ясна.

При обсуждении этого вопроса нужно учесть, что помимо отрицательных глагольных форм, в нашем материале имеется пример неглагольной формы с исходом на -nt, где также отмечаются случаи опущения -t, хотя число примеров такого рода единично. Это сложный предлог in front of. Интересно, что опущение проходит при этом в наименее выгодном для него контексте - перед гласной. Этот единственный пример, однако, показывает, что снятие контекстных ограни-

чений на опущение -t осуществляется не за счет глагольности форм типа *isn't, don't* и т.п., а за счет их служебности, поскольку таким же свойством обладает и предлог. Очевидно, основной причиной является систематическое употребление этих форм в неударном, фонетически ослабленном положении.

Такое асемантическое объединение в один класс служебных глаголов и предлога возможно только в языковой переменной. Но для этой последней оно весьма характерно. Так, переменная (*ing*) (вариативная реализация неударного [ɪŋ] как [ɪn] или даже [ɪ]) объединяет такие разнородные образования, как глагольные формы, патронимические существительные и неопределенные местоимения. Вместе с тем, полный охват этой вариативностью всех возможных форм с исходом на -*ing* не встречается ни в одном диалекте. Либо патронимические существительные, либо местоимения, либо и те, и другие исключаются из сферы действия переменной в большинстве диалектов.

Итак, на примере (-t/-d) можно видеть, что для языковой переменной характерно одновременное воздействие контекстных факторов разных языковых уровней. Это свойство переменной было названо нами ее кроссуровневым характером. [I]. Кроссуровневый характер переменной обуславливает важнейшее отличие в ее взаимоотношениях с контекстом, по сравнению с теми, которые характерны для языковых единиц^I. Так, за пределами языковой переменной не бывает и не может быть случаев влияния грамматического контекста на фонологическую единицу. Обратное возможно: в морфонологических явлениях фонологические чередования выступают "на службе" грамматики. Но "вмешательство" грамматики в фонологический процесс возможно только в сфере переменной.

^I Заметим попутно, что, учитывая это же свойство переменной, нельзя согласиться с У.Лабовом и его последователями [6; 4] в том, что переменная есть такая же структурная единица, как фонема, морфема или лексема.

Другим важнейшим отличием во взаимоотношениях контекста с переменной является их полная асемантичность. Мы уже видели, что глагольная форма и предлог принципиально одинаково влияют на процесс опущения конечного *-t*. Столь же безличен в семантическом отношении и контекст, способствующий вариативности безударного *-ing*. Но особенно очевидно это на материале тех переменных, которые каким-либо образом затрагивают лексику. К их числу относится переменная (*-s*) : вариативная реализация глагола в презенсе с окончанием *-s* во всех лицах обоих чисел. Эта переменная характерна для многих диалектов Англии, но особенно для юго-западных. Исследовав ее на материале говора города Рединга, Дл.Чешир выяснила, что одним из факторов, повышающих вероятность распространения окончания *-s* за пределы 3 л. ед.ч., является принадлежность глагола к просторечной лексике. Формы типа *I legs it* (я удираю) или *they boots him* (они пинают его) встречаются чаще, чем формы типа *I knows, we thinks*. Примеры же типа *they considers* или *we appears* вообще почти не отмечены [7]. Но просторечную лексику отличает от общенародной не семантический компонент, а социально-ценностный [8], поэтому наиболее типичными для форм с *-s* оказываются глаголы практически любой семантической аффилиации: *go* в значении "сказать", *leg it* в значении "убегать", *learn* в значении "обучать", *bus* в значении "ехать на автобусе" и т.д. и т.п. Здесь, как и в случае с формами на *-nt*, основной фактор — степень употребительности формы, на которой реализуется переменная. Чем она выше, тем выше уровень вариативности формы.

Итак, взаимодействие языковой переменной с контекстом характеризуется свойствами, не существующими за пределами такого рода вариативности. Этих основных свойств три: 1) "вмешательство" единиц более высокого языкового уровня в процесс вариативности единиц более низкого уровня; 2) полная асемантичность, в том числе и в области лексического контекста; 3) вероятностный характер воздействия

контекста.

Это последнее свойство необходимо прокомментировать подробнее. До недавнего времени исследователь, обнаружив факт чередования разных вариантов какой-либо формы в одном и том же контексте, в одном и том же окружении, прекращал поиски причин, управляющих появлением того или иного из них в конкретном акте речи, считая, что закономерных причин в таком случае быть не может. Открытие феномена переменной проложило путь к выявлению причинности там, где ее прежде не подозревали. Мы видим, что вариативность, называемая "свободной", оказывается в действительности детерминированной: она проявляет зависимость от контекста. Но взаимоотношения "свободно" варьирующей формы, т.е. переменной, с контекстом детерминированы не жестко, а вероятно. В конкретном контексте в принципе может быть реализован любой из вариантов, составляющих в совокупности переменную, но вероятность реального использования разных вариантов в данном контексте различна.

Изучение языковой переменной в ее взаимодействии с контекстом позволяет приподнять завесу таинности, отделяющую от исследователя мир повседневной речи с ее зыбкой и по видимости хаотичной изменчивостью, и дает возможность обнаружить упорядоченность там, где прежде виделся лишь хаос случайных событий.

Библиографический список

1. Бродович О.И. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории. Л., 1988.
2. Labov W. Contraction, deletion and inherent variability of the English copula // Language 1969. Vol.45. No.4. P. 715-762.
3. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. М., 1985. Вып.7. С.96-181.
4. Chambers J.K., Trudgill P. Dialectology. Cambridge, 1980.

5. Orton H. et al. Survey of English Dialects. Introduction and four volumes. Leeds, 1962 1971.
6. Labov W. The linguistic variable as a structural unit// Washington Linguistic Review 1966. N 3. P.21-29.
7. Cheshire J. Present tense verbs in Reading English// Sociolinguistic Patterns in British English / Ed. by P.Trudgill. London, 1978. P.52-68.
8. Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. Л.,1985.

Л.А. Возняк

АТРИБУТИВНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ "ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ
(ПРИЧАСТИЕ)+СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ" В НЕМЕЦКОМ
ЯЗЫКЕ
(лингвистический аспект)

Атрибутивные словосочетания типа "прилагательное (причастие) + существительное" чрезвычайно распространены в немецком языке. На это указывает Г.Майер, который пишет: "Etwa 25% aller Substantive haben vorangestellte Adjektive oder Partizipien bei sich"¹[1, с.205].

Определительное словосочетание "Adjektiv (Partizip) + Substantiv" может быть представлено следующей моделью:

$$A (P) + S^2$$

или расчлененно: A + S; P + S.

В свою очередь, модель P + S включает в себя две модели: P_I+S и P_{II} + S [2, с.297].

Каждая из трех моделей: A+S, P_I + S и P_{II}+S состоит из нескольких микромоделей в зависимости от того, какой детерминатив стоит перед словосочетанием. Например, модель A + S объединяет следующие пять микромоделей из

¹ Почти 25% всех существительных имеют прилагательные и причастия, стоящие непосредственно перед ними.

² Список сокращений приведен в конце статьи.

отобранного нами грамматического минимума:

1. BA + A + S die deutsche Zeitung
2. UA + A + S eine deutsche Zeitung
3. Ø + A + S - stabiler Frieden
4. DPr + A + S diese deutsche Zeitung
5. PPr + A + S unsere letzte Arbeit.

Модель $P_I + S$ включает четыре микромоделю, обозначающие активный характер признака, и одну микромодель, которая выражает признак необходимости (долженствования):

1. BA + P_I + S der lesende Student.
2. UA + P_I + S ein lesender Student
3. Ø + P_I + S - kochendes Wasser
4. DPr + P_I + S dieser lesende Student
5. BA + zu + P_I + S das zu lesende Buch
DPr dieses zu lesende Buch.

Модель $P_{II} + S$ обозначает пассивный характер признака и объединяет в себе следующие микромоделю:

1. BA + P_{II} + S das gelesene Buch
2. UA + P_{II} + S ein gelesenes Buch
3. Ø + P_{II} + S - gekochtes Wasser
4. DPr + P_{II} + S dieses gelesene Buch.

Сочетания с притяжательными местоимениями в моделях $P_I + S$ и $P_{II} + S$ малоупотребительны и малопродуктивны, вследствие чего они не рассматривались.

Для всех вышеприведенных моделей характерна одинаковая структура: прилагательное или причастие, выражающие качество, + главный член (имя существительное) и одно и то же синтаксическое значение: во всех случаях - это характеристика качества.

Данные модели атрибутивного словосочетания существуют вне модели предложения и наряду с ней, в процессе общения они наполняются конкретным языковым содержанием и включаются в структуру предложения. Хотя в предложении атрибутивное словосочетание может вступать в разнообраз-

ные внешние связи, но его внутренняя структура, взаимоотношения между его членами (компонентами) всегда остаются стабильными. Для определительного словосочетания, как и для любых словосочетаний, характерна неограниченная грамматическая сочетаемость в пределах лексически сочетающихся слов.

Как указывает Н.И.Филичева [3, с.33], коммуникативность словосочетания проявляется в составе предложения. Если в предложении представлена абсолютная или полная коммуникативность, то словосочетание обладает относительной или частной коммуникативностью. Направление коммуникации у словосочетания одно - это конкретизация, детализация, уточнение уже известного о предметах, явлениях, процессах и т.п.

Для атрибутивного словосочетания "Adjektiv (Partizip) + Substantiv" характерна номинативная функция, что приближает его к слову, однако, "номинация, осуществляемая словосочетанием, предполагает не только соотнесение наименования (в данном случае составного) с определенным предметом или явлением действительности, но и обозначение отношений между ними" [4, с.53]. В сравнении с отдельным словом словосочетание более точно, более конкретно называет предмет как явление, так как обозначает тот или иной их отличительный признак.

Основным условием синтаксического объединения слов в словосочетании "прилагательное (причастие) + существительное" является смысловая связь между членами (компонентами) всей группы. Это объединение слов в группе существительного оформляется и закрепляется синтаксическими, морфологическими и ритмико-интонационными средствами.

К синтаксическим средствам относятся: 1) порядок слов, выступающий в форме контактного расположения слов в группе, и 2) рамочная конструкция, которая охватывает все согласующиеся члены группы существительного.

Характерной особенностью немецкого определительного словосочетания "Adjektiv (Partizip) + Substantiv" явля-

ется то, что подлинные согласуемые определения располагаются между служебными компонентами и определяемым именем существительным, например:

Die Begegnung verlief

in einer herzlichen und kameradschaftlichen Atmosphäre.

Именно в этом проявляется большая связанность немецкого атрибутивного словосочетания по сравнению с русским и латышским языками, для которых характерен свободный порядок слов: определение может стоять и после имени существительного. Кроме того, для определения в русском и латышском языках характерно согласование в роде, числе и падеже с определяемым существительным (избыточная флексия), например:

Русский язык - новая интересная книга и книга новая, интересная;

латышский язык - jauna un interesanta grāmata; grāmata jauna un interesanta;

немецкий язык - ein neues interessantes Buch, das neue interessante Buch

Из арсенала морфологических средств в рассматриваемом словосочетании широко используется согласование. Своеобразным развитием принципа согласования в немецком языке является **м о н о ф л е к с и я**.

В русском и латышском языках, которые являются языками ярко выраженного флективного строя, определительное словосочетание "прилагательное (причастие) + существительное" характеризуется избыточной флексией, т.е. все члены группы имени существительного принимают участие в выражении рода, числа и падежа имени существительного. Таким образом, одни и те же окончания повторяются и в местоимении, и в прилагательном, а часто и в самом существительном, ср., например,

русский язык: этому новому городу:

латышский язык: Šai jaunajai pilsētai.

В противоположность русскому и латышскому языкам, в немецком языке, который сочетает в себе черты флективного строя с ярко выраженными аналитическими тенденциями, для синтаксической группы имени существительного характерна монофлексия, т.е. "тенденция снабжать лишь один член во всей синтаксической группе существительного грамматическим показателем, выражающим синтаксические отношения всей группы, а частично и грамматический характер самого существительного" [5, с.261], например:

der (dieser, jener) interessante Artikel;

ein (sein, kein) interessanter Artikel.

Таким образом, для склоняемой формы немецкого прилагательного характерны "переменные" окончания: атрибутивное имя прилагательное согласуется не только с определяемым существительным, но и с предыдущим словом — артиклем или местоимением, выражая род и падеж своими сильными окончаниями или же получая нейтральные слабые окончания.

Ритмико-интонационное оформление находит свое выражение в отсутствии пауз между компонентами, а также в том, что один из членов группы получает более сильное ударение.

Сокращения, используемые в статье

- A — Adjektiv — имя прилагательное
- BA — der bestimmte Artikel — определенный артикль
- DPr — Demonstrativpronomen — указательное местоимение
- Ø — Nullartikel — нулевой артикль
- P — Partizip — причастие
- PPr — Possessivpronomen — притяжательное местоимение
- S — Substantiv — имя существительное
- UA — der unbestimmte Artikel — неопределенный артикль

Библиографический список

1. Meier H. Deutsche Sprachstatistik. Hildesheim, 1964. I/II.
2. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwarts-sprache. Издание 2-е. М., 1975.
3. Филичева Н.И. О словосочетаниях в современном немецком языке. М., 1969.
4. Купалова А.Ю. Словосочетание и предложение в школьном курсе синтаксиса. М., 1974.
5. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955.

С.В.Воронин

ИЗ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ФОНОСЕМАСИОЛОГА:
МОДЕЛЬ И ФОНЕМОТИП

Нам уже приходилось отмечать, что, вступая в сферу звукоизобразительности, исследователь, подобно Алисе в Зазеркалье, делает шаг в мир, где многое "не так", где многое "иначе"; здесь приходится быть готовым отказаться от многих привычек, освященных вековой языковедческой традицией представлений, и быть готовым к выработке новой системы ценностей [1, с.4].

В языковедческом инструментарии исследователя звукоизобразительности — фоносемасиолога — видное место принадлежит понятиям модели и фонемотипа.

О моделях, как известно, говорят применительно к производным словам, рассматривая их образование (словообразовательные модели) или же строение, структуру (морфологические модели).

В одной из ранних работ [2] нами была продемонстрирована применимость понятия модели при изучении образования английских производных слов звукоподражательной

(ономатопеической) сферы. Рассмотрение таких слов показало наличие черт, присущих словособразовательным моделям: существование рядов, имеющих общий для них элемент строения (структуры) и объединенных общностью значения (подобно тому, как это наблюдается, например, в частных моделях аффиксального словообразования).

Цель настоящей статьи — двоякая: во-первых, на звукоподражательном материале (как наиболее четко организованном) продемонстрировать применимость понятия модели при изучении строения (фонетической структуры) английских производных звукоизобразительных слов¹; во-вторых, обратить внимание читателя на важную роль фонемотипа как компонента модели и как своеобразной инвариантной рамки, в которой происходит варьирование фонем звукоизобразительных корней.

Английские ономатопы различных типов образуют целый ряд структур; последние могут быть оптимально описаны с помощью моделей — назовем их звукоизобразительными моделями, — примеры которых и будут рассмотрены ниже.

Прежде, однако, расскажем о выборе компонентов звукоизобразительных моделей, о важности оптимального выбора степени обобщенности компонентов этих моделей.

Как было установлено ранее [3, с.12], в ономатопее широко действует принцип гомогенности, который следует понимать в смысле звукоизобразительной передачи элементов денотата элементами (и, следовательно, фонемами), принадлежащими к тем же акустическим типам, что и сами элементы обозначаемого "внешнего" звучания. Из этого следует, что фонемы в составе производного звукоподражательного слова соотносимы с элементами звучания-денотата не непосредственно, а опосредованно, через посредство того или ино-

¹ Вообще говоря, применимость моделей при описании звукоизобразительных слов вытекает в частности, уже из признака I звукоизобразительной системы: "Система относительно упорядоченная" (о последней см. С.В.Вороженин [1, с.158-159]).

го акустического типа фонем, или акустического фонемотипа¹.

Попытки обобщения строения непронизводных звукоподражательных слов предпринимались и ранее; однако они не были успешными, поскольку выбираемые на роль компонента возможной модели "кандидаты" обладали либо недостаточной, либо, напротив, чрезмерной обобщающей силой. Так, Х.Марчанд [4] выделял начальные и конечные "символы" - просто фонемы либо сочетания фонем; ср. t-, pl-, -ing: tick "тикать", plor "бульк; бултых"; ring "высокий звенящий звук (например, при ударе пули о жесткую преграду)". Напротив, Н.К.Дмитриев [5, с.63-64] оперировал (на материале турецкого языка) такими компонентами, как согласный (C₁, C₂ и т.д.) и гласный (Г) - в формулах типа C₁+Г+C₂ и т.д.; ясно, что подобные структурные формулы, вследствие чрезмерной общности и недостаточной дифференцированности компонентов, применимы фактически к любому типу звукоподражательных - как, впрочем, и незвукоподражательных - слов и не обладают необходимой диагностирующей силой.

Модели же, компонентами которых являются фонемотипы, оптимально ("необходимо и достаточно") описывают строение различных типов звукоподражательных и - шире - звукообразительных слов.

Приведем примеры.

Тип I: Инстанты (обозначения удара, т.е. "мгновенного" звучания). Обобщенная модель:

$$\underline{\text{PLOS (+SON)}} + \overset{\sim}{\text{VOC}} \text{ L/H, S/W} + \text{PLOS,} \\ \text{AFFR}$$

где PLOS - взрывной, AFFR - аффриката, SON - сонорный (факультативный элемент модели), VOC L/H, S/W - краткий гласный, низкий либо высокий, интенсивный либо

¹ О введенном нами понятии фонемотипа см. там же [3, с.12-15].

неинтенсивный. Примеры инстантов: tap "стучать, постукивать", tick "почти бесшумно постукивать; тикать", rip "высокий отрывистый звук радиосигнала", chop "рубить", clack "стук, громкое щелканье; кудахтать", click "щелкать", plor "звук падения в воду (бульк)", twit "подражание отрывистому щебету, пisku маленькой птицы". Среди согласных в составе инстантов преобладают взрывные. Это и понятно, если учесть, что как обозначаемые инстантами звучания, так и взрывные фонемы в составе инстантов принадлежат к одной и той же акустической категории - ударам. Инстанты, содержащие интенсивный гласный, обозначают более громкие звучания (и наоборот). Противопоставление гласных типа /a/ или /ɔ/ (с одной стороны) и /i/ (с другой) отражает также противопоставление по высоте звучания.

Тип II: Тоновые континуанты (обозначения тонового неударя, т.е. тона). Модель имеет следующий вид:

$$\left[\text{CONS (+ SON LAT/LAB)} \right] + \text{VOC L/H, S/W (+ PLOS)},$$

где CONS - любой согласный, VOC - долгий гласный. Важнейшей составной частью английских тоновых континуантов и единственным звукоизобразительно валентным компонентом их структуры является долгий гласный: акустически это - тон. Примеры: hoot "кричать, ухать (о сове); гудеть (о рожке)", whoot уст. (то же), toot "трубить в рог; давать гудок", woo/-woo "подражание гудению или завыванию ветра", sneer "пищать" (о птенцах, мышках), bleer "писк передатчика на борту спутника".

Тип III: Чисто шумовые континуанты (обозначения чисто шумового неударя, т.е. собственно шума). Модель здесь такова:

$$\text{FRIC}^{\wedge} (+ \text{SON LAT/LAB}) + \text{VOC}^{\sim} \text{L/H, S/W} + \text{FRIC}^{\wedge}$$

где FRIC^{\wedge} - фрикативный глухой, SON LAT/LAB - сонорный

латеральный либо лабиальный. Примеры ономастов: hiss- "шипеть; свистеть", hiss диал. (то же), swish "двигаться со свистящим или шелестящим звуком", flush "взлетать (с шелестом крыльев)"; hush сев. "шум воды (текущей быстро, но не турбулентно)". Глухой характер ффрикативных здесь обусловлен глухим, т.е. чисто шумовым, характером изображаемого звучания: как и обозначаемое звучание, этот компонент структуры принадлежит к акустическому типу чисто шумовых ударов.

Тип IV: Тоншумовые континуанты (обозначения тоншумового удара, в котором одновременно с чисто шумовым ударом наличествуют ощутимые элементы тонового удара). Модель наиболее характерной структуры такова:

$$\text{CONS} (+ \text{SON}^{\text{LAB}}) + \overset{\sim}{\text{VOC}} \text{L/H, S/W} + \text{FRIC}^{\text{V}},$$

где FRIC^V - ффрикативный звонкий. Примеры: buzz "жужжать, huzz (то же), z-z-z "ж-ж-ж", vzz подражание жужжанию - например, пилы, цикад, пчелы", bzzz "подражание жужжанию (пчелы)", whizz "звонко свистеть (например, от рассеивания воздуха); звонко шипеть, тонко жужжать", chizz. "пронзительное жужжание (кузнечика)". Важнейший звукообразительно валентный компонент модели - звонкий ффрикативный (собственно, звонкий сибиллянт); акустически последний - есть шумовой удар с элементами тона.

Тип V: Тоновые "послеударные" инстанты-континуанты (обозначения удара с последующим - вызываемым ударом - резонаторным тоновым ударом). Модель наиболее характерной структуры:

$$\frac{\text{PLOS} (+ \text{SON}^{\text{LAT/LAB}})}{\text{AFFR}} + \overset{\sim}{\text{VOC}} \text{L/H, S/W} + \text{SON}^{\text{NAS}},$$

где SON^{NAS} - сонорный носовой. Примеры ономастов: tong "издавать низкий звенящий звук (например, о колоколе при ударе)", ting "издавать высокий негромкий звеня-

щий звук при ударе (например, о колокольчике)", *clang* сев. "издавать грохкий резонаторно звонкий звук", *bing* амер. "подражание высокому звенящему звуку удара", *clap* "производить гул", *clap* "подражание резонаторно звонкому звуку натянутой струны или удара в барабан". Наиболее частый в анлауте взрывной передает взрывной, "ударный" характер звучания в его начальной стадии; ауслатный же носовой сонорный передает тоновый, длительно звенящий характер звучания в его конечной стадии.

Зная акустическую структуру звучания-денотата, мы можем уверенно (более чем в 90% случаев) предсказать фонетическую (фонемную) структуру и, следовательно, звукоизобразительную модель соответствующего ономотапа. Предсказуемость эта действительна в терминах акустических фонемотипов, но не отдельных конкретных фонем.

При моделировании строения непроизводного звукоизобразительного слова основным, центральным является, следовательно, понятие фонемотипа [4, с.12; 6] (но не фонемы, как это принято считать).

Фонемотип оказывается той достаточно жесткой предсказуемой инвариантной рамкой, в пределах которой происходит гибкое и чаще всего непредсказуемое варьирование фонем звукоизобразительных корней.

Звукоизобразительная модель и фонемотип - надежный инструмент исследования не только в фоносемантике отдельных языков (например, английского языка), но и в типологической фоносемантике (фоносемантической типологии) языков мира. К осознанию этого начинают приходить и типологи, включающие в круг своих интересов палеолингвистику; так, у Р.Уэскотта находим: "...межъязыковые звуковые соответствия значительной хронологической глубины должны формулироваться либо на субфонемном уровне, в терминах артикуляторных или акустических признаков, либо на уровне трансфонемном, в терминах морфофонем (т.е., по существу, фонемотипов! - С.В.)" [7].

Понятия звукоизобразительной модели и фонемоти́па помогают прийти к пониманию необходимости отказа от привычного и освященного вековой традицией представления, о принципиальной структурно-семантической (фонетико-семантической) неделимости морфемы (непроизводного слова).

Библиографический список

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
2. Воронин С.В. Словообразование и ономотопея // Исследования по английской филологии. Л., 1971. Сб. IV. С. 36-42.
3. Воронин С.В. Английские ономотопы. (Типы и строение): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1939.
4. Marchand H. Phonetic symbolism in English word formation // Indogermanische Forschungen, 1959. Bd. 64. Hf. 2. S. 146-168; Hf. 3. S. 256-277.
5. Дмитриев Н.К. К изучению турецкой мимологии // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 63-64.
6. Voronin S.V. The phonemotype: a new linguistic notion // Implications for typological phonosemantics. Proceedings, XIth ICPHS. The Eleventh International Congress of Phonetic Sciences. Tallinn. 1987. V. 4. P. 197-200.
7. Wescott R. Protolinguistics: the study of protolanguages as an aid to glossogonic research // Origins and evolution of language and speech. Annals of the New York Academy of Sciences. New York, 1976. Vol. 280. P. 112.

Т.А.Гусева

ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ НОМИНАЦИИ ПРИ
ОБРАЗОВАНИИ СУФФИКСАЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
АБСТРАКТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Научно-технический прогресс, вызывающий радикальную перестройку понятийного аппарата многих наук, а также развитие человеческого общества в целом ставят перед языком задачу обеспечить различные сферы деятельности человека новыми наименованиями. Важная роль в решении этой задачи принадлежит словообразованию, в котором "все ... приемы и модели возникают и существуют для того, чтобы служить задачам номинации" [1, с.223].

Выявление особенностей функционирования всего продуктивного словообразования и возможностей этой языковой подсистемы при образовании наименований в конкретной социальной среде имеет не только исключительно научное, но и прикладное значение. Оно дает возможность определить и строго отобрать те общие и типовые образцы построения производных слов, которые в первую очередь должны стать основой для системы упражнений в процессе обучения студентов беглому чтению научных, газетных и художественных текстов на иностранном языке.

Целью настоящей работы является анализ, составление и выявление специфики номинативно-деривационных приемов, используемых в регулируемом и управляемом процессе образования стандартных абстрактных имен - наименований научных понятий и нестандартных имен абстрактной семантики с общей стилистической сниженностью, функционирующих в живой разговорной речи. Конечные результаты проводимого исследования могут быть использованы в практической работе со студентами для формирования навыков закономерной семантизации производных слов с опорой на компоненты словообразовательной структуры.

Анализ материала позволил установить вполне конкретную специфику номинативно-деривационных процессов, действующих при образовании терминов и просторечных лексических единиц¹.

Особенностью функционирования словообразования в терминосистемах и в просторечии является прежде всего его разная тематическая направленность. Если в первом случае словообразование служит лингвистическому выражению строгой и логичной системы научных понятий, то во втором случае оно используется для обозначения таких явлений окружающей действительности, которые вызывают шутивно-ироническое, пренебрежительное или даже презрительное отношение говорящих, например такие виды деятельности, как развлекательная, преступная и т.п.

Специфика словообразования в указанных лексических подсистемах проявляется также в том, что оно осуществляется на разной номинативно-деривационной базе. Язык научной прозы отличается широким использованием в нем латино-греческих словообразовательных элементов, например: -ation (conservation), -ism (behaviorism, separatism), -itis (laryngitis), -osis (chlorosis). Словообразовательные процессы в конкретных подъязыках химии, физики, биологии, математики имеют вполне определенные закономерности. Как отмечает Т.М.Беляева, ведущее место в терминообразовании занимают модели с аффиксами латино-греческого происхождения, формируемые основани той же этимологии. В суффиксальном словообразовании основы могут подвергаться фонологическим и акцентологическим изменениям, которые возникли в английском языке на неолатинской словообразовательной базе [2, с.20].

В просторечном словопроизводстве доминирующую роль играют исконно германские по своему происхождению основы и суффиксы, что в значительной степени обуславливает

¹ Здесь и далее речь идет о терминах и просторечных единицах абстрактного значения.

полночленимую структуру дериватов. Специфической чертой немногочисленного разряда просторечных абстрактных имен является то, что для их образования часто используются такие германские суффиксы, которые обычно не участвуют в формировании стандартных, тем более терминологических, абстрактных существительных, а именно: *-er*, *-ie/-y/-ey* (*sidewinder* "a hard swinging blow with a fist", *baddie* "an unsuccessful attempt").

Использование в отдельных случаях таких, например, терминологических суффиксов, греческого и латинского происхождения, как *-ism*, *-osis*, *-us* и др., взаимодействующих с просторечными или нейтральными основами, обуславливает шутливо-ироническую экспрессию создаваемых в таких случаях терминоподобных единиц, например *garosis* "a mythical disease, the symptom of which is a customary gap in one's clothing, as between buttons".

Как известно, в терминообразовании количество аффиксов постоянно растет за счет морфем латино-греческого происхождения [2, с.20]. В просторечии новые деривационные морфемы, экспрессивные по своему характеру, формируются на базе заимствований из живых языков (итальянского, испанского, французского, русского и др.). В образовании просторечных имен абстрактного значения приняли участие такие, например, стилистически отмеченные суффиксы, как *-eroo/-roo*, *-o*, *-ola*, *-ville* (*switcheroo* "a switch or reversal of position").

Сопоставляя разряды стандартных и нестандартных абстрактных имен, следует выделить особую, не свойственную терминосистемам категорию просторечных дериватов, вызванную к жизни установками на экспрессивную сниженность просторечия как лексической прослойки в целом. Это такие производные, в которых суффикс практически не несет содержательной нагрузки, т.е. не оформляет ни ономаσιологический базис, ни ономаσιологический признак, а играет лишь семантическую роль экспрессивного усилителя значения. В качестве морфологического усилителя при образовании имен абстрактного

значения могут выступать такие морфемы, как: -eroo/-roo, -o, -ola, -ie/-ey/-y, -um, -us ("zippo "zip, zing, vim"; zip sl. "vitality, vim, energy"; brushola "brush-off"; bunkum "nonsense, bunk").

Присоединению экспрессивного суффикса могут сопутствовать процессы семантической деривации, например, сужение значения мотивирующей единицы при образовании деривата cлeмo "executive cлeмeнcы".

Характеризуя семантические аспекты процессов номинации, следует отметить важное отличие в типах мотивационных связей и в характере обобщенных (словообразовательных) значений, носителями которых являются производные наименования научных понятий и просторечные абстрактные существительные. Терминообразование, являющееся по своей сути процессом обобщенным и регулируемым, осуществляется в строгом соответствии с моделями языка, которые часто однозначны или имеют несколько вполне определенных обобщенных значений, отражающих устойчивые, логически правильные, лежащие на поверхности связи между вещами и явлениями. Возникающая вследствие этого прозрачная мотивированность дериватов, которая проявляется в точном соответствии между компонентами словообразовательной структуры и научной категоризацией, является одним из важнейших свойств терминов, призванных однозначно выразить определенные понятия и не вызывать ложных ассоциаций: cerebration "working of the brain (cerebrum)"; gravity^uweight "(the state of being grave)". Этот фактор имеет большое значение для интернационализации языка науки и эффективного международного обмена научной информацией.

Анализ обобщенных значений, выражаемых просторечными дериватами абстрактной семантики, свидетельствует о том, что номинация абстрактных понятий в просторечии чаще осуществляется на базе не свойственных стандарту, необычных ассоциаций, что естественно отражает стихийный, ситуативный, индивидуальный, нередко образный характер

просторечного словотворчества и приводит к образованию дериватов с высокой степенью идиоматичности семантики. Закреплению результатов номинативного акта в таких случаях служат как стандартные, так и нестандартные структуры¹, в том числе и такие, которые традиционно используются для образования имен конкретной семантики. Это становится возможным благодаря расширению диапазона действия стандартных моделей, приобретающих новые обобщенные значения, часто в связи с изменением семантики деривационного форманта. Для иллюстрации сказанного интересно сравнить медицинский термин tonsill(1)itis "inflammation of tonsils" и просторечный дериват Charlestonitis "a frequent desire to dance the "Charleston".

Затемнению семантической мотивированности просторечных производных с абстрактным значением способствует абсолютно не свойственное терминообразованию косвенное выражение в производном наименовании дифференцирующего признака предмета, когда не все значения, передаваемые компонентами словообразовательной структуры находят соответствия среди компонентов лексического значения деривата. Следствием такой семантической двуплановости является экспрессивная образность как метафорического, так и метонимического характера, делающая речь человека экспрессивной, индивидуальной и неповторимой. Такие дериваты не только называют объект номинации, но и характеризуют его, чаще с неприглядной стороны, что обуславливает их стилистическую сниженность, например: puffery "free advertising" (the act or an instance of puffing), puff sl. "to praise something unduly".

Дериваты типа stopper "in boxing "a knockout", , finisher "a knockout blow", характерные для разряда просторечных абстрактных имен, также позволяют воспринимать объект номинации образно: a blow that stops the

¹ Эти структуры лишь условно можно называть моделями, учитывая индивидуальный и ситуативный характер просторечного словотворчества.

round ; a blow that finishes the round. Образная экспрессивность этих наименований может быть порождением разных явлений: а) следствием метафоры, имеющей место в самом номинативном акте; б) результатом подведения не свойственных стандартным номинативным актам (но вполне естественных) ассоциаций (a blow with which the round finishes) под стандартную структуру, передающую значение "that which does" . Мотивация метонимического характера свойственна, например, деривату earful "news or gossip ", в котором "субстанция" обозначена через смежное понятие "количества" (the quantity that fills the ear). Соприкосновение двух явлений в пространстве, делающее возможным метонимический перенос, в данном случае состоит в том, что слитки обычно рассказываются на ухо, а потому в переносном смысле они могут "наполнять ухо".

Особенностью косвенно мотивированных абстрактных существительных является относительно конкретный характер создаваемых ими образов, что отражает желание говорящего представить абстрактные понятия через нечто конкретное, осязаемое главным образом путем присвоения им признаков и действий живых существ. Структура дериватов этого типа, часто строящаяся путем сочетания глагольной основы с суффиксом -er, способствует формированию интуитивно воспринимаемой "опредмеченности" объекта номинации.

Выявленные особенности функционирования словообразовательной подсистемы при номинации абстрактных понятий в просторечии и в терминосистемах наглядно иллюстрируют степень и характер варьирования номинативно-деривационных средств в зависимости от потребностей говорящего и определенной социальной ситуации общения. Проведенный анализ подтверждает тот факт, что использование или неиспользование в речи потенциальных возможностей языковой подсистемы в значительной степени предопределено фактором социальным.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Ганкова номинации. М., 1977. С.202 - 303.
2. Беляева Т.М. Некоторые проблемы словообразования в социолингвистическом аспекте // Словообразование и фразообразование: Тез. докл. науч. конф. М., 1979. С.19-21.

Н.Н.Данченко

ВАРЬИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЗМА
В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Проблема вариативности языковых единиц привлекает все большее внимание лингвистов. Вариативность языковых единиц в языке и речи обусловлена различными факторами: прагматической направленностью языковой коммуникации, постоянным развитием и совершенствованием языковых средств, развитием его стилистической функции и др. Тезис о вариативности языковых единиц особенно справедлив в отношении устойчивых сочетаний слов идиоматического характера, иными словами фразеологических единиц.

Следует различать узусальное (языковое) фразеологическое варьирование от окказионального (речевого). Именно в речи проявляется стремление к видоизменению стереотипных оборотов. Мы наблюдаем в ней действие диалектического закона единства и борьбы противоположностей: употребления привычных, закрепленных узусом выражений с одной стороны, и постоянное стремление к их обновлению с другой.

В настоящей статье рассматривается вариативность фразеологических единиц в языке и речи на примере замены одного из ее компонентов. Проблема вариативности фразеологизмов рассматривается как совокупность их значений и

формы. Языковая вариативность фразеологических единиц встречается среди всех типов фразеологизмов - глагольных, субстантивных, адverbиальных и междометных. Этому вопросу посвящена специальная статья А.В.Кунина [1], где варианты фразеологизмов рассматриваются в сопоставлении со структурной синонимией. Фразеологические варианты определяются в ней как разновидности фразеологической единицы, тождественные друг другу по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами, как имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающихся словоформами или порядком слов [1, 146].

Приведем несколько примеров:

to burn one's boats/bridges - отрезать путь к отступлению,

to draw/pull a/the long bow - сильно преувеличивать,

to be weak/a little light/wrong in the upper story - у него не все дома,

straight away/off - тотчас, сразу,

to go/row/strive/swim against the stream - работать в неблагоприятных условиях

Различные типы варьирующихся компонентов были выделены Н.А.Стебелковой [2]. Подавляющее большинство фразеологизмов не имеет вариантов, но онтологически в них заложена возможность вариативности. Раздельно оформленность фразеологических единиц предопределяет потенциальные замены ее компонентов. Однако такие свойства фразеологизмов как устойчивость и семантическая сложность не позволяют этой возможности реализоваться в полную меру, т.к. во многих случаях это привело бы к потере фразеологичности. Языковые (узуальные) варианты фиксируются словарями и выбор варианта, (но не самого фразеологизма) свободен от контекста. Законом фразеологической вариативности является нейтрализация семантических и грамматических различий варьирующихся компонентов в их свободном употреблении [3, 106].

Совсем иное явление мы наблюдаем при окказиональной замене компонента фразеологизма. При замене компонентов фразеологической единицы ее значение всегда меняется, а синтаксическая структура может сохраняться в неизменности или меняться. Изменения могут затрагивать как сигнификативный аспект значения идиомы, так и ее стилистическую окраску [4]. Контекстуальная замена компонента фразеологизма всегда происходит в определенных коммуникативно-художественных целях, диктуемых художественным заданием и в отдельных случаях (например, в поэзии) художественной формой. Замены компонента носят самый различный характер. Наиболее распространенной является замена синонимом или антонимом. Встречаются также замены паронимом, тематически близким словом, семантически не связанным, и другие. Словозаменитель становится как бы одноразовым, стилистически маркированным компонентом фразеологизма. Обратимся к нескольким примерам. В следующих строках из поэмы "Дон Жуан" замена компонента "slip" во фразеологизме "a slip of the pen" его латинским синонимом "larsus" способствует соблюдению более строгой формы стиха, двусложное "larsus" в сравнении с односложным "slip" дает более четкий классический счет слогов пятистопного ямба, одновременно создавая юмористический эффект.

Now if the "court" and "camp", and "grove" be not
Recruited all with constant married men,
Who never coveted their neighbour's lot,
I say that line's a lapsus of the pen; -
Strange too in my buon comarado Scott.

(Don Juan, XII-XVI)

Контекстуальная, т.е. окказиональная замена компонента фразеологизма - весьма распространенное явление в английской поэзии и прозе. Оно хорошо описано во фразеологической литературе [4, 5, 6 и др.], но реже встречается в художественных текстах, а потому двойная замена компонентов фразеологизма представляется более выразительной.

Наиболее частыми являются замены компонентов коммуникативных фразеологических единиц, пословиц и поговорок, что вполне закономерно, т.к. эти виды идиом легче идентифицируются читателем. В сказках Льюиса Кэрролла, например, мы часто встречаемся с различными видами окказиональных замен компонентов фразеологизмов, в том числе и двойных. Знакомя своих маленьких читателей с волшебным миром сказок, автор одновременно приобщает их к самобытному языку английской идиоматики, творчески преобразуя ее в соответствии со своим замыслом. Вот как Л. Кэрролл перифразирует в "Алисе в стране чудес" известную английскую поговорку:

"Take care of the pence and the pounds will take care of themselves"

"Take care of the sense and the sounds will take care of themselves".

"Alice in Wonderland", p.134.

В силу распространенности поговорки двойная замена ее компонентов легко обнаруживается, звучит не менее назидательно, чем исходная форма, но более остроумно. Примечательно, что автору даже удалось сохранить ее ритмическую структуру и наличие аллитерации.

Стилистический прием замены компонента или компонентов фразеологизма другим словом или словами построен на том, что в тексте реально представлен окказиональный компонент фразеологической единицы, а интуиция читателя подсказывает ему ее узуальную форму. Обратимся еще к одному примеру из Байрона:

It is not that I adulate the people:
Without me, there are demagogues enough,
And infidels to pull down every steeple,
And set up in their stead some common stuff
Whether they may sow scepticism to reap hell
As is the Christian dogma rather rough,
I do not know:

Don Juan, II-XXV

"To sow scepticism to reap hell" является окказиональной формой коммуникативного фразеологизма "to sow the wind and reap the whirlwind". Компоненты-заменители сохраняют общую семантическую направленность фразеологической единицы, т.е. что результат пагубен при недобрых предпосылках, хотя "wind-scepticism" и "whirlwind-hell" не являются синонимическими парами. Следует также отметить, что все дополнительные стилистические смыслы возникают внутри самого фразеологизма, без помощи контекста.

В отдельных случаях идентификация замены двух компонентов идиомы может представлять сложность, особенно для иностранца, поскольку писатель или поэт полагаются на компетентного читателя. Степень постижения глубины авторского стиля непосредственно зависит от эрудиции читателя, например, почти неузнаваемым в тексте предстает английское выражение "nine tailors make a man" в поэтическом произведении А. Попа "Послание доктору Арбутноту":

It is not poetry, but prose run mad:

All these, my modest satire bade translate,

And owned that nine such poets made a Tate.

(*Epistle to Dr Arbutnot, lines 187-190*)

Замена двух компонентов фразеологизма обусловлена художественным заданием: А. Поп выражает таким образом свое язвительное суждение о придворном поэте Тейте.

В своих статьях о стилистическом использовании английских пословиц С.И. Вьяльцева [5; 7] не останавливается специально на вопросе двойной замены компонентов, так как считает, что с точки зрения предсказуемости замена конечного компонента является самой выразительной. Нам представляется, однако, что двойные замены дают больший диапазон варьирования, а значит и большую степень непредсказуемости.

Итак, многокомпонентный состав и образная основа большинства фразеологизмов делает их потенциально воспри-

имчивыми ко всякого рода преобразованиям, и в частности заменам, но реализация этих потенций происходит только в процессе функционирования. Семантическая изношенность многих широко распространенных фразеологических единиц способствует их обновлению для создания дополнительного или нового стилистического эффекта. Особенно частыми признаны синонимические замены, которые возникают вследствие необходимости уточнить или усилить соотношение фразеологизма или его компонента с контекстом. Происходящее при этом нарушение устойчивости приводит к тому, что окказиональный вариант может повторяться в речевом употреблении, а затем и закрепляться в нем. По существу, все языковые изменения фразеологических единиц, кроме нормативных грамматических, первоначально были окказиональными. Они возникали в речи как индивидуально-авторские образования и постепенно становились нормативными, обогащая язык. В применении к заменам компонентов фразеологизмов это означает, что все фразеологические варианты, являющиеся сейчас достоянием языка, первоначально носили окказиональный характер и были контекстуально обусловленными, т.к. фразеологическая единица при своем возникновении является безвариантной. Язык закрепляет речевое употребление тех вариантов, которые воспроизводятся наиболее часто. Поэтому далеко не все замены компонентов предрасположены к постепенному поглощению языком. Большинство контекстуальных замен остаются уникальными, они фиксируются контекстом. Чем они менее предсказуемы, тем ярче их стилистический эффект. Таким образом, следует заключить, что вариативность компонента фразеологизма в языке образует варианты, фиксируемые, как правило, словарями и представляющие экспрессивное средство в любой своей вариации. Диапазон вариативности при этом строго ограничен и предсказуем, он определяется синтаксическими, позиционными и некоторыми другими отношениями. Контекстуальная замена компонента или компонентов фразеологизма в

речи является всегда уникальной, образует стилистический прием и определяется художественным заданием. Диапазон вариативности в этом случае неограничен и, как правило, непредсказуем.

Библиографический список

1. Кунин А.В. Фразеологическая вариантность и структурная синонимия//Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967. С.146-152.
2. Стебелькова Н.А. Варьирование и структурно-семантические аспекты тождества фразеологической единицы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986.
4. Кунин А.В. Замена компонента фразеологизмов как стилистический прием//ИЯШ. 1977 № 2 С.3-12.
5. Вяльцева С.И. Замена компонентов фразеологизмов как стилистический прием//Исследования по лексикологии и фразеологии. М., 1976. С.66-90.
6. Волосевич С.П. Замена компонентов фразеологизмов в аспекте ретроспекции: Сб. научных трудов МГПИИЯ им.М.Тореза. М., 1987. Вып.287. С.14-24.
7. Вяльцева С.И. Окказиональное использование английских пословиц//Исследования лексической сочетаемости и фразеологии. М., 1975. С.245-270.

В.И. Заботкина

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ НОВОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Под прагматической вариативностью мы понимаем варьирование в употреблении лексических единиц в различных ситуациях общения в зависимости от социального, профессионального, национального, возрастного, полового и пр. статус-

сов участников коммуникации, а также от других параметров прагматической ситуации [1, 207].

Прагматическая вариативность соотносится с несколькими подвидами вариативности: а) социальным варьированием [2; 3]; б) пространственным (или территориальным) варьированием [4]; в) функционально-стилистическим и г) жанрово-стилистическим. В данной статье речь пойдет о стратификационной вариативности, учитывающей изменения в социальной структуре общества.

Одна и та же лексема может по-разному реализовываться в различных ситуациях общения представителями различных социально-профессиональных групп. В результате употребления слова представителем иного социального слоя оно приобретает новое значение, развивает в своей семантической структуре новый лексико-семантический вариант. Иными словами прагматическая вариативность диалектически связана с семантической вариативностью.

Рассмотрим эту связь на примере прагматического взаимодействия между общеупотребительной лексикой и социолектом, лингвистическим вариантом, определяемым на основе социальных параметров (в противоположность региональным), коррелирующим с определенным социальным классом (группой) или профессиональной группой [5, с.324]. По мнению В.А.Хомякова, социальные диалекты входят в социально-профессиональное просторечие, которое непосредственно противопоставит литературному стандарту, экспрессивному просторечию и территориальным диалектам. Социально-профессиональное просторечие включает в себя все профессиональные и корпоративные жаргоны, различные арготизмы (кент) деклассированных групп [6, с.48]. Происходит миграция общеупотребительных слов в новые профессиональные жаргоны и в новые социолекты в связи с появлением новых малых групп (неформальных объединений).

Так, в 70-е годы Америку захватила волна радиолобительства с целью местной коммуникации при помощи шкалы определенной частоты. Особенно сильно распространили

это явление получило среди автолюбителей и профессиональных водителей для переговоров во время поездки (взаимопомощи и т.д.). Появился новый термин СВ (citizen band) - полоса частот для локальной коммуникации и СВ-er (радиолюбитель, использующий СВ). В данном социолекте закрепились такие общеупотребительные слова, как apple (радиоператор-любитель), ears (радиоприемник), hammer (акселератор), boots (нелегальный усилитель), barefoot (не имеющий нелегального усилителя), beaver (женщина). Важно, что связь между социолектом и литературным языком носит не односторонний, а диалектический характер. Многие термины социолекта совершают обратную миграцию в общелитературный пласт. Происходит "диффузия" субкультуры, ее язык может распространяться на другие периферийные пласты и в стандартный язык. Как показали результаты тестов с носителями языка, многие слова социолектов джазовых музыкантов, радиолюбителей, наркоманов, являющие собой новые ЛСВ слов стандартного языка (возникшие в результате прагматической вариативности), вернулись в стандартный язык, в своих социолектных значениях. Так, из социолекта наркоманов в общее употребление вошли такие ЛСВ, как speed (стимулянт), acid (галлюциногенный наркотик ЛСД), trip (галлюцинация).

Из социолекта джазовых музыкантов-негров в общее употребление вошли такие слова неформального общения, как to badmouth (to disparage), nitty-gritty (practical details) cool (selfcontrol), особенно в выражениях: to get down to nittygritties; to loose ones cool, to blow ones cool.

Одним из самых ярких примеров данного типа является The Apple или the Big Apple (a nickname for New York City) вошедшее в общее употребление из социолекта негров-джазистов, где оно употреблялось с 30-х годов в значении a big city, esp. in the north.

На переходной стадии из социолекта джазовых музыкантов-негров в общеупотребительный слэнг нахдятся та-

кие слова, как bad ^I (в значении good) и dozen (a context of exchanging insults against mothers) в свое время развившие новые ЛСВ в результате прагматической вариативности.

Многие новые слова воспринимаются как новые в силу того, что они незнакомы носителям нормированной речи, хотя они могут давно существовать в языке определенной группы. Когда же доминирующая культура после определенного периода времени больше не находит слово полезным, оно может вернуться в языковой пласт-источник или же перейти в другой периферийный пласт в том же или новом значении.

Взаимодействие между общеупотребительной лексикой и жаргоном менее разнообразно. Здесь преимущественно преобладает движение из общестандартного ядра на периферию (или из одного жаргона в другой). Обратное обогащение менее характерно для современного английского языка. Так, слово host обязано появлением в его семантической структуре нового ЛСВ специалистам, работающим с компьютерами: a computer used simultaneously by various operators at different terminals; multiple-access computer. Ср.: "The example is the situation where a central computer - a host in the current jargon - wishes to communicate with a variety of different types of terminal". [7, с. 244].

^I Слово bad в данном значении широко употреблялось джазовыми музыкантами-неграми в 50-х годах. По мнению Барнхарта, это было связано со стремлением музыкантов скрыть от аутсайдеров прямое выражение одобрения. Африканист Дэвид Дэлби связывает происхождение данного значения со спецификой африканских языков, в которых часто для описания крайних степеней положительного употребляются отрицательные термины. По данным словаря Барнхарта [7] и Новейшего словаря слэнга Чапмана [8] bad вошло в общий слэнг, однако по результатам опроса информантов это слово еще сохранило в себе сильные ассоциации с черной культурой.

Богатым потенциалом в аспекте прагматической вариативности отличается слово *box*¹. В жаргоне пользователей компьютерами слово приобрело значение (an electronic computer), в жаргоне работников медицинской сферы *to box*² имеет значение (to die). Ср.: "Any action in 612?" "Year. He boxed around midnight". [8, с. 8].

Иногда слово проходит несколько стадий прагматической вариативности. Так, слово *glitch*, заимствованное в 1962г. из идиш в значении (a sudden mishap or malfunction) мигрировало из общеупотребительного пласта, в жаргон астронавтов в двух значениях: 1) an operating defect; 2) a sudden change in rotation of a celestial body esp. a pulsar. В 80-е годы оно проявило дальнейшую прагматическую вариативность и стало использоваться в компьютерном жаргоне (a sudden interruption of electrical supply, program function).

Слово *feed-back* из компьютерного жаргона (the portion of output fed back to the input in an automatic control circuit or system) мигрировало в общеупотребительный пласт, развив новый ЛСВ "response, esp. information and opinion" через жаргон *bureaucratese*.

Таким образом, можно говорить о сложном диалектическом взаимодействии прагматики и семантики в аспекте стратификационной вариативности. Слово, будучи употребленным носителем иного социолекта или жаргона, приобретает новое значение, прагматически закрепленное за конкретным социолектом. Затем через некоторое время в силу дальнейшего прагматического варьирования данный ЛСВ может войти в общеупотребительный пласт лексики, изменив при этом свою прагматическую маркированность. Иными словами, новые ЛСВ сло-

¹ Ср. с новыми значениями этого слова в общеупотребительной просторечной лексике: в британском варианте *the box* употребляется по отношению к телевизору, в американском варианте — по отношению к портативному приемнику или магнитофону; для обозначения телевизора в американском просторечии используется *the tube* развившее в своей семантической структуре новое значение.

² В данном случае имеет место конверсия по модели *И* → *V*.

ва, появившийся в результате прагматической вариативности, расширяет семантическую структуру и прагматический потенциал всей лексики в целом. Прагматическое варьирование возможно и на уровне отдельного ЛСВ. Речь идет о тех ЛСВ, которые имеют амбивалентную прагматическую оценку, то есть знак оценки варьирует в зависимости от позиции адресанта. Иными словами, речь идет о единицах, зависимых от социума.

В зависимости от того, кто употребляет социолектную форму - носитель социолекта или представитель доминирующей культуры, социально маркированный амбивалентный ЛСВ будет актуализировать положительную или отрицательную оценку.

Внутри группы оценка носит положительный характер, вне группы - отрицательный, что связано с дивергенцией словесных знаков [9, с.96], которая в свою очередь определяется расхождением социальных ценностей и установок различных социальных групп. Так, как показали тесты с носителями языка, слова *freak* (наркоман), *drop-out* (человек, порвавший с конвенциональным обществом, выпавший из общества), с позиций "вне группы" воспринимаются отрицательно; с позиций "внутри группы" подобные единицы несут положительную оценку. На уровне глубинных семантических процессов подобная амбивалентность соотносится с знантисемией. С точки зрения семантики амбивалентностью отличаются, как правило, предикатные (характеризующие) ЛСВ.

Однако не все социолектные формы и жаргонизмы по своей природе являются предикатными именами. Среди них значительную долю составляют идентифицирующие единицы, которые представляют собой систему номинативных средств. Ср.: *slam dance* (a type of punk-rock dance involving the energetic crashing of one pair of dancers into another pair), а также *bovver boot* (heavy boot) внутри группы панков, выполняет чисто идентифицирующую функцию, то есть имеет нейтральную оценку. Как показал опрос информантов, за пределами группы эти единицы воспринимаются от-

рицательно.

Таким образом, социолектные формы и частично жарго-низмы проявляют прагматическую вариативность как на уровне всей лексемы, так и на уровне отдельного значения. Однако отмеченная выше амбивалентность характерна не только для новых ЛСВ слова, но и для других разрядов новой лексики, в частности морфологических неологизмов.

Так, один из немногих неологизмов 80-х годов, образованных при помощи суффикса *-nik* значительно снизившего свою активность по сравнению с 60-ми и 70-ми годами, является слово *Warrnik - a journalist, employed by News International who has refused to cross the print unions picket line to work at the company's new plant in Wapping.* Слово ограничено в употреблении по территориальному параметру Британскими островами; по профессиональному - журналистскими кругами. Из цитаты, приведенной ниже, с очевидностью явствует положительная прагматическая оценка с позиции "внутри группы". Ср.: *The Warrniks are treated with respect and sympathy by other journalists.* [10, с.209].

С другой стороны, сланговый суффикс *-nik* несет уничижительное значение [11, с.316] и с позиции "вне группы" данное слово воспринимается резко отрицательно.

Анализ взаимодействия семантической и прагматической вариативности на уровне отдельного ЛСВ позволяет говорить о возможности деления всей новой лексики на амбивалентные и моновалентные единицы. Оценка первых зависит от социума, оценка вторых не зависит от социума и будет создавать либо только положительный прагматический эффект в высказывании, либо только отрицательный.

В результате взаимодействия прагматической и семантической вариативности появляются новые лексические единицы, то есть единицы, несущие коннотации новизны. Иными словами, имеет место временная вариативность. Таким образом, можно говорить о наличии в языке системы различных видов варьирования, диалектически связанных между собой.

Библиографический список

- I. Заботкина В.И. Соотношение прагматической и семантической вариативности в лексике современного английского языка// Вариативность в германских языках: Тез. докл. всесоюзной конференции. Калинин, 1988.
2. Labov W. The social stratification of English in New York City. Washington, 1966.
3. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.
4. Ярцева В.Н. Соотносительность региональных и социальных вариантов языка в плане стиля и нормы// Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
5. Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics.- Oxford, 1985.
6. Хомяков В.А. Социальные варианты речи в функциональной системе языка// Проблемы вариативности в германских языках: Тез. докл. Всесоюзн. научн. конф. М., 1988.
7. Barnhart C.L., Steinmetz S., Barnhart R.K., The Second Barnhart Dictionary of New English. N.Y. 1980.
8. Chapman R. American Slang. N.Y., 1987.
9. Швейцер. Современная социолингвистика. М., 1977.
10. Longman Guardian collection of new words. Lnd., 1986.
- II. Barnhart C.L., Steinmetz S., Barnhart R.K. a Dictionary of New English. (1963-1973). Lnd., 1973.

А.В. Зеленчиков

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ ДИЗЪЮНКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Семантическое описание дизъюнктивных конструкций (ДК), образуемых с помощью союза OR, неизбежно сталкивается с проблемой соотношения союза и его логического аналога — пропозициональной связи "дизъюнкции". Как известно, значение логических связей задается с помощью функционально-истинностных таблиц и не учитывает того, что принимается за наиболее существенную часть содержания языковой конструкции $A \text{ OR } B$, а именно, очевидное наличие смысловых, нефункционально-истинностных, связей между членами A и B . То, что такая связь действительно характеризует дизъюнктивные предложения в языке, сомнения не вызывает, и лингвисты, в отличие от логиков, справедливо рассматривали бы выражения, подобные "Виктор — студент или Платон смертен", как семантически аномальное на том основании, что части этого сложного предложения "не связаны по смыслу". Г.П.Грайс полагает, что значение так называемых формальных слов в естественном языке, в принципе не отличаясь от значения их логических аналогов, приобретает дополнительный смысл, участвуя в образовании высказываний, содержание которых подчиняется действию принципов речевого общения [1].

Принимая по существу такую точку зрения, необходимо, тем не менее, отметить, что роль самого союза в организации семантической структуры предложения определяется не столько его способностью устанавливать истинностное значение предложения в зависимости от истинностного значения его компонентов, сколько другим, более содержательным в некотором смысле, аспектом его лексического значения, а именно, способностью указать на определенный тип отношений между связываемыми в предложении пропозициями. Для союза OR таким типом отношений является отношение альтернативности. Пользуясь понятийным аппаратом современ-

ной модальной логики (семантики возможных миров), можно сказать, что пропозиции связаны отношением альтернативности, если они выполняются (являются истинными) в разных возможных мирах, каждый из которых мог бы быть реализован вместо другого, альтернативного, возможного мира, т.е. утверждая $A \text{ OR } B$, говорящий называет различные возможные варианты направления действительного хода событий.

Здесь, видимо, будут уместны два замечания, непосредственно связанные с семантикой дизъюнктивных конструкций. Во-первых, многие исследователи считают, что союз OR является "эксклюзивным", предполагающим, что реализоваться может лишь одна из представленных альтернатив (см., например, Р.Лакоф [2]). При этом упускают из виду (и это убедительно показано в работе Ф.Дж.Пеллетье [3]), что единственным различием между эксклюзивностью и инклюзивностью дизъюнкции является, соответственно, ложность или истинность всего высказывания в целом при истинности его обоих компонентов. Это означает, что если невозможно дать такую интерпретацию всему предложению, в соответствии с которой оба члена дизъюнкции были бы истинными, то из этого не следует делать вывод об эксклюзивности самого союза. Предложения, в которых только один из альтернативных членов дизъюнкции может быть истинным, образует, по-видимому, один из семантических типов дизъюнктивных конструкций, отличающийся по своему содержанию от других типов раздельных предложений, в которых описываемые ситуации не исключают друг друга. Второе замечание касается известного утверждения, что, употребляя дизъюнктивные высказывания, говорящий не располагает достаточной информацией об истинностном значении выражаемых пропозиций и поэтому утверждает только, что по крайней мере одна из них — но не известно, какая именно — является истинной. Значение этого, в целом справедливого утверждения, однако, не следует абсолютизировать. Некоторые контексты, например, показывают, что говорящий может придерживаться впол-

не определенного мнения об истинности или ложности членов ДК. Так, целью риторического вопроса, обращенного к толпе разбушевавшихся ребят *Are we savages, or what?* (Golding, p.254) является убедить их в том, что *We are not savages* и, следовательно, пропозиция *we are savages* оценивается говорящим как ложная. Высказывание *Are we students, or not?* может быть произнесено и в условиях, когда говорящий знает, что "мы - студенты". Кроме того, нельзя не учитывать, что семантика союза OR тесно связана с модальностью: стандартная интерпретация высказывания A OR B представляет собой указание на возможность осуществления A и/или B (напомним при этом, что "возможность" принято понимать как истинность в одном из возможных миров).

Итак, дизъюнктивные конструкции, организуемые с помощью союза OR, являются средством описания ситуаций, представляющих различные варианты развития событий в мире, и употребляются, как правило, в условиях недостаточной информации, необходимой для более определенного утверждения. Такая общая характеристика содержания ДК охватывает различные семантические типы предложений, выделение которых обусловлено необходимостью учитывать особенности "нефункционально-истинностных" связей между пропозициями, объединенных отношением альтернативности. Наиболее очевидным основанием для выделения различных семантических вариантов ДК служит способность высказываний (не только ДК) выдвигать отношение обусловленности или обоснования между обозначаемыми ситуациями. Такие отношения устанавливаются, если одна из них обладает свойствами, позволяющими рассматривать ее как причины, или условие для реализации другой ситуации, выступающей в этом случае как результат или следствие осуществления исходного положения дел. Если на отношении альтернативности в ДК накладывается отношение обусловленности, будем говорить о направленных дизъюнктивных высказываниях. дальнейшая классификация направленных ДК, очевидно, зависит от конкретного участия ситуаций в

описываемых возможных событиях (см. ниже).

В дизъюнктивных конструкциях с ненаправленными отношениями между компонентами с словесные связи, ограничивающие число осмысленных предложений, не допускают более или менее четкого определения. Однако, учитывая коммуникативно-информационную значимость компонентов высказывания, можно выделить кумулятивные конструкции, с одной стороны, и аддитивные ДК - с другой. Кумулятивные дизъюнктивные высказывания описывают ситуации, имеющие, как правило, равную вероятность осуществления. Ср.: I always thought one day he would break the glass of the window, or that he would land the ball on my face or break something in the room, but he never did (MESS, p.323). Значимость членов дизъюнкции в этом случае с точки зрения их вклада в передаваемую информацию одинакова и трансформация взаимной перестановки компонентов ДК осуществляется без ущерба для общего смысла предложения. Целью подобных высказываний является перечисление возможных ситуаций, характеризующих какой-либо отдельный аспект потенциального развития событий: I'll pass, then I'll get a nice pansy job in a publisher's office... Or I'll be a sort of clerk. Or I'll be a teacher... Or I'll be on the management side of industry... (MESS, 282). Важно отметить, что в отрицательном контексте подобные предложения должны интерпретироваться с помощью связки "AND": She didn't want to disturb her husband, or expose herself to the kind of snub he often administered. (MESS, p.159) - She didn't want to disturb her husband AND She didn't want to expose herself... (что, в частности, подтверждает мнение об инклизивности союза OR).

Аддитивные ДК характеризуются иным способом распределения информации в предложении: второй член конструкции выступает в качестве уточнения или дополнения к содержанию первого; ср. After the other operation, or even after Mansel broke the news the previous evening, she had heard me make some sort of pretence at sarcasm (Snow, p.163);

I'll say here and now that I don't believe in ghosts. Or I don't think I do (Golding, p.150); 'Certainly not', Francis had said, outraged. Or perhaps hag-ridden,...

(Snow, p.174). Аддитивный член конструкции, по-видимому, выполняет метатекстовую функцию, так как конструкция в целом представляет выбор не столько между пропозициями, сигнифицирующими определенные ситуации, сколько между высказываниями - способами выражения в сущности одной и той же пропозиции (см., однако, пример Snow, p.168), причем один из этих способов выражения нередко маркируется с помощью слов *rather, better* как более предпочтительный с точки зрения говорящего. Заметим также, что в аддитивных конструкциях оба члена дизъюнкции имеют значение "истинно" (хотя и следует признать, что "сила" утвердительности первого компонента предложения ослабляется за счет утверждения второго, аддитивного, члена ДК).

Специфика направленных отношений в ДК, в отличие, скажем, от подобных смысловых связей в предложениях с союзом AND, заключается в том, что в образовании отношений обусловленности участвует пропозиция, не получающая эксплицитного выражения в предложении. Семантический анализ предложений этого типа должен учитывать характер соотношения имплицитруемой пропозиции ($P_{импл}$) и пропозиции, выраженной вторым компонентом конструкции A OR B (обозначим его P_B). В большинстве случаев $P_{импл}$, связанная отношением обусловленности с пропозицией P_A , оказывается противоположной по смыслу пропозиции P_B , т.е. $P_{импл} = \neg P_B$. Например, *Come on now or you'll be fit for nothing tonight* (Maughan, p.82). Действительно, в данном предложении говорящий, пытаясь убедить своего собеседника в необходимости совершить действие *Come on now*, по существу утверждает, что выполнение его просьбы приведет к ситуации ($P_{импл}$), прямо противоположной той, которая описывается компонентом B.

Особый интерес представляет тот факт, что предложения такого типа обладают в принципе единой прагматической

структурой: если первый компонент ДК так или иначе выражает необходимость реализации описываемого положения дел, то второй член дизъюнкции оценивается как обозначение нежелательной ситуации, осуществления которой важно избежать. Вместе с тем, именно прагматическая характеристика высказываний в совокупности с семантическими и структурными особенностями предложения дает основания для выделения двух подтипов ДК: высказывания, выражающие "угрозу" (в широком смысле слова), и высказывания-объяснения. Угроза, в отличие от объяснения, ассоциируется с общей отнесенностью высказывания к моменту времени, следующему за моментом произнесения, и выражается предложениями с императивом или модальностью долженствования в первом члене ДК и глаголами в будущем времени - во втором. Ср.: *The girl's got to marry somebody before the boat reaches Shanghai or she won't inherit the eighteen million dollars* (Sargyan, p.166). Высказывания-объяснения содержат модально-темпоральные показатели, относящиеся к настоящему или прошедшему времени, и предназначены для оправдания уже совершенного действия или приведения аргументов, подтверждающих справедливость какого-либо утверждения: *...logs had to be lifted from the soil with care or they crumbled into sodden powder* (Golding, p.202); *Vice must pay its tribute to virtue, or else we are all undone* (Huxley, p.190).

Приведенная выше интерпретация ДК с направленными отношениями между компонентами не является, однако, единственной. Иногда в вопросительно-гипотетических контекстах наблюдается другой тип соотношения имплицитной и эксплицитно выраженных пропозиций: выбор, представляемый дизъюнкцией, ограничивается P_A и $P_{импл}$, причем $P_{импл}$ является отрицанием P_A и имплицитно выражается пропозицией P_B ($P_{импл} = \neg P_A$ и следует из P_B). Ср.: *She wondered whether she should put one (life jacket) on, or whether it would hamper her while swimming* (MESS, p.161), где имплицитно

мая пропозиция - she should not put it on (because it would hamper her while swimming = P_B).

Таким образом, семантическая вариативность дизъюнктивных конструкций, константным признаком которых является отношение альтернативности, зависит от взаимодействия таких семантико-функциональных факторов, как 1) направленность-ненаправленность отношений между компонентами высказывания, 2) роль пропозиций в организации направленных отношений, 3) информационно-коммуникативная значимость и 4) модальная, темпоральная и прагматическая характеристика членов дизъюнкции.

Список сокращений

- Colding - W.Golding. Lord of the Flies.-M., 1962.
Maugham - W.S.Maugham. Theatre. - M., 1979.
MESS - Modern English Short Stories. - M., 1978.
Saroan - W.Saroyan. Selected Short Stories. - M., 1975.
Snow - C.P.Snow. Last Things.-Penguin Books, 1979.
Huxley - A.Huxley. Antic Hay. Triad Pather, 1977.

Библиографический список

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып.16. С. 217-237.
2. Lakoff R. If's, and's and but's about conjunction//Studies in linguistic semantics. N.Y., 1971. P. 115-150.
3. Пеллетье Ф.Дж. Или// Новое в зарубежной лингвистике. М.,1986. Вып.18. С. 318-335.

И.В. Кэвима

УСЛОВИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НЕЗАКОНЧЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Целью данной статьи является выявление основных синтаксических типов незаконченных высказываний и определение возможности восстановления семантико-синтаксической структуры этих высказываний в зависимости от состава эксплицитно выраженных компонентов и валентных свойств последних элементов.

Незаконченные высказывания представляют собой построения, которые возникают вследствие обрыва развертывания синтагматической цепи членов высказывания, причем этот обрыв может быть спонтанным, т.е. возникающим в связи с тем, что говорящий не смог завершить начатое высказывание в силу ряда причин как субъективного, так и объективного характера вопреки своему намерению, или намеренным, связанным с определенной интенцией говорящего. [1].

С формально-грамматической точки зрения данные построения характеризуются незавершенностью конструкции, составляющей синтаксическую основу высказывания.

Характерной особенностью незаконченных высказываний является то, что опущенными являются полнозначные, синтаксически необходимые элементы. Как известно, в линейном развертывании высказывания наибольшей значимостью обладают конечные элементы. Именно они несут наибольшую информационную нагрузку [2, с.23]. Из этого следует, что опущенными могут оказаться наиболее необходимые в смысловом отношении элементы.

Незаконченные высказывания могут содержать только:
I. Подлежащее.

(1) "We have no money, father, to give,
you. The other priest, Padre Jose..." [3, с.44]

II. Подлежащее и компоненты сказуемого:

- а) подлежащее и компоненты именного сказуемого
(2) "Charles is an absolute -" [4, с.56]
б) подлежащее и компоненты глагольного сказуемого
(3) "Most guys would probably just " [4, с.48]

III. Подлежащее и сказуемое:

- (4) "I was only trying -" [3, с.44]

IV. Подлежащее, сказуемое и компоненты дополнения:

- (5) "You re just stealing five -" [5, с.II6]
(6) "J'm practically just recovering
from a very serious -" [5, с.III]
(7) "I've never once heard you - " [4, с.225]

У. Подлежащее, сказуемое и дополнение.

- (8) "I make seven thousand eight hundred
dollars a - " [6, с.I4I]
(9) "Well, just try to take it a little-" [4, с.II2]

VI. Эксплицитное выражение лишь одной части сложно-сочиненного предложения:

- а) опущение противительного предложения,
(10) "Perhaps it was badly sited there near the tree, but
all the same - " [7, с.50]
б) опущение соединительного предложения.
(11) "It's my mother's, and I - " [5, с.2I4]

VII. Эксплицитно выраженное главное предложение с опущением придаточного. Например:

- а) опущено придаточное условия.
(12) "Why, I could guarantee to fetch
this man in inside a month if.." [5, с.23]
б) атрибутивное предложение
(13) "I mean when you think of all
those crazy little wives who-" [6, с.32]
с) придаточное обстоятельства времени:

- (I4) " I am only permitted. by Swiss law to advise interruption of pregnancy when..." [10, с.20]

Уш. Эксплицитное выражение придаточного предложения при отсутствии главного

- (I5) "If you'd been at home... ' She began to cry hunched up under the mosquito net". [5, с.213]

- (I6) "When a dame wants to paint a guy - " [6, с.291] .

Как видно из приведенного обзора, обрыв речевой цепи может происходить практически в любом месте и опущенными могут оказаться как отдельные члены предложения, так и большие сегменты, смысловую основу которых составляют целые суждения. Это определяет различные возможности восстановления элиминированной информации - от однозначно-восполнения пропуска до возможности предсказать лишь синтаксическую функцию недостающего сегмента высказывания с различной степенью вероятности.

Возможность восстановления опущенной информации прежде всего связана с возможностью моделирования семантико-синтаксической структуры предложения, образующей основу конкретного высказывания.

Очевидно, что число возможных вариантов синтаксического и семантического развития высказывания сужается по мере его развертывания, т.е. является обратно пропорциональным степени завершенности данного высказывания.

Как отмечает В.Г.Гак, "что касается плана выражения, то наиболее целесообразно выделять модели на основании наличия глагола и его валентностей, поскольку глагол - структурно-семантический узел предложения и в своих валентностях превосходит его основную структуру [8, с.60-61].

С.Д.Кацнельсон определяет валентность, как заключающуюся в лексическом значении слова синтаксическую потенцию, т.е. способность присоединить к себе другое категориально вполне определенное полнозначное слово [1, с.20].

Валентностью с этой точки зрения обладают не все полнозначные слова, а только те из них, которые сами по

себе дают ощущение неполноты высказывания и требуют восполнения в высказывании [8, с.21].

Это положение очень важно при анализе незаконченных высказываний. Нереализованная валентность эксплицитно выраженных компонентов, наличие "пустых мест" или "рубрик" сигнализирует о наличии незавершенности и предполагает возможность ее восполнения.

Как отмечалось, особенное значение в данном случае имеет валентность глагола. Обратимся к следующему примеру:

(17) "I was old enough to know ... "

'Yes? '

'The trickery' " [3, с.193]

Последним элементом незаконченного высказывания в данном случае является глагол "to know", валентность которого предполагает два "места":

- 1) экспедиентив - лицо, удерживающее информацию;
- 2) объектив, удерживаемая в памяти информация [9, с.52-56].

Первое "место" в данном случае заполнено местоимением "I", а второе осталось пустым вследствие обрыва. Именно валентность глагола дает нам возможность прогнозировать дальнейшее развитие незаклченного высказывания и определить категориальное значение недостающего компонента - "удерживаемая в памяти информация".

Возможность восстановить семантико-синтаксическую структуру незаконченного высказывания на основании глагола с "трехместной" валентностью можно продемонстрировать на следующем примере:

(18) "I already gave her the five - " [5, с.115].

Глагол "to give" предполагает три валентностные места:

- 1) агенса, которое заполнено местоимением "I",
- 2) адресата, выраженное местоимением "her",
- 3) объекта, которое осталось незаполненным вследствие обрыва. Следовательно, трехместная валентность глаго-

да "to give" в данном случае дает нам возможность восстановить категориальное значение усеченного компонента - "передаваемый объект".

Необходимо отметить, что валентностью глагола определяется лишь минимальная модель предложения, т.е. те члены предложения без которых оно не может структурно существовать. В случае незаконченных высказываний нередко опускаются и необязательные элементы структуры, в частности, обстоятельственные компоненты. Сигналом незавершенности в данном случае являются последние эксплицитно выраженные элементы. Часто это элементы, которые не употребляются самостоятельно, а служат средством введения новой конструкции, например, союзы и предлоги. Они являются не только сигналом незавершенности, но и могут дать возможность прогнозировать дальнейшее развитие высказывания. Например:

(19) "Personally I've always found that you can catch more flies with - " [4, с.273]

Предлог "with" в данном предложении дает возможность восстановить категориальное значение усеченного компонента "инструмент". Следовательно, благодаря наличию предлога мы можем установить ролевую структуру всей незаконченной части предложения: агент - объект - инструмент.

В тех случаях, когда последний эксплицитно выраженный сегмент высказывания не содержит валентностных компонентов, восстановление семантико-синтаксической структуры высказывания на основании этих компонентов возможно лишь на вариативном уровне с определенной степенью вероятности. Например:

(20) "He didn't do any harm.
He - " [6, с.149]

Так как местоимение "he" не обладает валентностью, оно не требует обязательной сочетаемости с определенными компонентами. Восстановление опущенных элементов предложения и их интерпретация возможны только путем выхода

за пределы данного высказывания и при обращении в более широкий контекст.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что условия восстановления семантико-синтаксической структуры незаконченного высказывания зависят от двух основных факторов:

- 1) от семантической валентности последнего эксплицитно выраженного компонента высказывания, и особенно от валентности предикативного глагола,
- 2) от количества заполненных мест в семантико-синтаксической структуре высказывания.

Библиографический список

1. Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности// Вопросы языкознания. М., 1987. № 3. С.20-32.
2. Quirk G., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. М., 1982.
3. Greene Graham. The Power and the Glory. London, 1982.
4. Герасимова Е.Г. О роли коммуникативного намерения в функционировании усеченного высказывания//диалектика формы и содержания в языке и литературе. Тбилиси, 1986. С.28-30.
5. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. М., 1968.
6. Scott Fitzgerald G. Selected Short Stories. М., 1979.
7. H.E.Bates. Some other Spring. Penguin Books, 1977.
8. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1986.
9. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
10. Shaw Irwin. God was here but he left early. Pan Books, 1977.

С.Г. Краже

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕОРИИ ТЕКСТА И ИМПЛИКАЦИИ

Проблема прагматики текста играет важную роль в лингвистике. По этой проблеме существует большая литература, и хотя трактовка этой проблемы неоднозначна, в большинстве работ последних лет лингвисты все чаще обращаются к изучению скрытых сигналов, интенции говорящего и косвенных речевых актов. Так, например, прагматический контекст анализируется в работах А.Дика [1], В.Эдмонсона [2], Р.Хирста [8].

В прагматике, наряду с теорией речевого акта, важную роль играет вопрос об импликации, явно невыраженного смысла высказывания. Теория речевого акта дает возможность выявить разные типы импликаций.

В настоящей статье рассматривается взаимосвязь между прагматикой и импликацией. С прагматической точки зрения важно, что именно автор сказал в тексте и какое воздействие он оказал на получателя информации, т.к. в центре внимания коммуникации находится адресат. В целях воздействия на адресата автор прибегает к таким способам, которые способствуют тому, чтобы передать смысл с максимальной интенсивностью. В коммуникации существует так называемый "план прагматики" цель которого состоит в осмыслении речевого акта в целом. Поскольку речевая деятельность регламентируется определенными правилами, прагматика исследует особенности функционирования человеческого языка в конкретных ситуациях речевого общения на основе специальной системы правил и стратегии. Необходимо исследовать именно прагматический контекст [1, с.224].

Обратимся к примеру из рассказа Х.Фаулза, в котором передается беседа между молодым следователем Майком и юной писательницей Изабелл. Эпизод построен на коммуникативной ситуации, в которой деловые отношения, связывавшие их по

поводу внезапного исчезновения сэра Фигдинга, закончены. По существу в тексте порождается двойная импликация, идущая, с одной стороны от Изабеллы, и с другой стороны от Майка, которая в итоге создает текстовую импликацию. [4].
"Take care. And I'll buy that novel when it comes out".
She took his hand briefly, then folded her arms.

"Which one?"

"The one you were talking about".

"There's another. A murder story". She looked past his shoulder down the street. "Just the germ of an idea. When I can find someone to help me over the technical details".

"Like police procedure?"

"Things like that. Police psychology, really".

"That shouldn't be too difficult".

"You think someone...?"

"I know someone".

She cocked her left sandal a little forward, contemplated it against the pavement, her arms still folded.

"I don't suppose he could manage tomorrow evening?"

"How do you like to eat?"

"Actually I rather enjoy cooking myself". She looked up.

"When I'm not at work".

"Dry white? About eight?"

She nodded and bit her lips with a touch of wryness, perhaps a tinge of doubt.

"All this telepathy".

"I wanted to. But..."

"Noted. And approved".

[5, с. 206-207]

Изабелла не прямо предлагает поддерживать знакомство, ей якобы нужна помощь специалиста. В качестве этого специалиста Майк предлагает себя. Необходимо обратить внимание на неопределенное местоимение, которое указывает на импликацию. Кроме того, реплика Майка, в которой он говорит,

что "это" не трудно, содержит больше смысла, чем заключено в его буквальных словах. Это подтверждает следующая пара

"You think someone...?" спрашивает Изабелл

"I know someone", отвечает ей Майк.

"I don't suppose he could manage tomorrow evening?"

говорит Майку Изабелл.

При рассмотрении импликации в данном эпизоде нам очень важно понятие имплицитур, введенное Г.П.Грайсом [6] и его правила речевого этикета. В тексте нарушение этих правил дает текстовую импликацию. На нарушение указывают некоторые маркеры. Во-первых, это обрыв высказывания, апосиопезис. Изабелл не решается прямо пригласить Майка к себе. Местоимение *someone* относится к Майку, употреблено оно неуместно и при неправильном понимании может породить ложный смысл. Но в данном эпизоде Майк также отвечает, употребляя местоимение *someone* и имеет в виду себя. В следующем высказывании местоимение третьего лица *he* употреблено опять неуместно и маркирует нарушение правила речевого этикета. Нам необходимо рассмотреть еще одну пару реплик:

"How do you like to eat?"

"Actually I rather enjoy cooking myself. When I'm not at work" говорит ему Изабелл, и наконец оба договорились.

В реплике Майка заключена следующая импликация: он хотел бы ее пригласить обедать, а в реплике Изабелл другая имплицитная информация: она наоборот была бы рада, если бы Майк пришел к ней в гости. Все имплицитные смыслы вытекают из соотношений реплик Майка и Изабелл. Эпизод заканчивается суммирующей импликацией:

"All this telepathy."

"I wanted to. But..."

"Noted. And approved".

Здесь импликация оказывается производной эксплицитной части реплики за счет компрессии *all this* и за счет апосио-

пезиса и компрессии в его ответе.

В конце эпизода оба договорились о встрече, но опять-таки косвенно. Главное здесь то, что именно соотношение буквальных смыслов, которые постепенно создают единый смысл - текстовую импликацию, является тем механизмом, который вообще действует при создании текстовой импликации и безусловно при взаимодействии с ситуацией общения. В итоге скажем, что текстовая импликация в рассмотренном случае состоит в том, что оба согласны продолжать знакомство, между ними возникло чувство симпатии.

В вышеприведенном примере прагматический контекст указывает, при каких условиях коммуниканты создают высказывания и насколько они соответствуют данной коммуникативной ситуации.

Условия, в которых функционируют высказывания в этом эпизоде, отражены в структурных особенностях прагматического контекста. Как видно из примера, успех речевого общения здесь зависит от выбора языковых средств, от точности передачи намерения и мыслей.

Обратимся к другому примеру. Для понимания прагматического намерения можно представить следующую ситуацию: Озабоченный приезжий стоит со своим багажом, наконец решается остановить прохожего и спрашивает:

"Excuse me, do you know where the Rose Hotel is"

Прохожий отвечает: "Oh sure, I know where it is" и проходит мимо его. В этой ситуации один из партнеров коммуникации задает вопрос: "Do you know...?" и получает ответ, вытекающий из вопроса: "I know". Сопоставление вопроса и ответа создает юмористический эффект, который имплицитно создается.

Важное значение имеет наличие фоновых знаний, включающих в себя владение речевым этикетом, поведенческой нормой, а также знание привычек и обычаев носителей языка. Например, высказывание: "I sentence you to ten years of prison", может быть употреблено только в судебном процес-

се, но в коммуникации между хорошими друзьями данное высказывание имеет совсем другой смысл: собеседник в ярости.

Также перегруженность избыточными формулами вежливости может иметь иную функцию, чем проявление вежливости. Так, высказывание: "I wonder whether you would be so kind as to let me have a second class return to Waterloo" в ситуации, когда у кассы стоят еще другие пассажиры, вызовет раздражение и недовольство как кассира, так и пассажиров.

За выбором слов в речи стоят прагматические факторы и прежде всего фактор адресата. Уместность употребления лексических единиц, использование возможностей лексико-семантической сочетаемости слов определяется ситуацией общения, целями, к достижению которых, стремится говорящий или пишущий. Существенное значение приобретает сама форма коммуникации, т.е. является ли это беседой, интервью, лекцией и т.д. Необходимо также выявить социальное положение партнеров коммуникации и их роли в этом процессе, т.е. являются ли они друзьями или посторонними людьми. От этого зависит будет ли коммуникация официальной или неофициальной.

Сильными индикаторами прагматической информации являются паралингвистические средства - мимика, жесты. Они могут, с одной стороны, усилить эксплицитно выраженный смысл или, наоборот, создать противоположный смысл, который имплицитно выражается.

В коммуникации, как правило, коммуниканты вовлечены и в сложную задачу осмысления неявно выраженного, имплицитного смысла.

Библиографический список

1. Teun A. van Dyk Studies in the Pragmatics of Discourse. - the Hague: Mouton Publishers, 1981.
2. Willis Edmonson Spoken Discourse A model for analysis. London: Longman. 1981.

3. Graeme Hirst Semantic interpretation and the resolution of ambiguity. Cambridge, London. 1987.
4. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения// Вопросы языкознания. М., 1982. № 4. С.83-93.
5. Fowles G. The Enigma. New York: The New American Library, 1975.
6. Grice G. Logic and conversation//Syntax and Semantics. New York: Acad.press.1975.V.3. P. 41-58.

В.И. Кричевская

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕГО СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ЗНАЧЕНИЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЕГО СЛОВ

Задачей данной статьи является анализ лексического значения слова в условиях состоявшегося акта коммуникации, т.е. в динамике процесса порождения речи, с одной стороны, и при смысловом восприятии завершенного высказывания, с другой (соответственно первичная коммуникативная деятельность отправителя сообщения и вторичная коммуникативная деятельность адресата по Е.В.Сидорову, [1, с.9]). Семантическое состояние слова в речи рассматривается как результат взаимодействия компонентов значения этого слова и общего смысла высказывания, его коммуникативной установки.

Вслед за Н.А.Слюсаревой [2, с.67] определим высказывание как "наименьший и законченный в семантическом отношении отрезок текста, выделенный интонационно в качестве отдельной единицы". Смыслом высказывания как коммуникативной единицы является коммуникативное задание сообщения, "такое содержание, о котором можно сказать: "что, зачем сообщается" [3, с.18]. Л.П.Чахоян отмечает, что целевая установка высказывания составляет сущность вербальной коммуникации, а само высказывание есть "соединение номинаций в коммуникативных целях" [4, с.24]. Г.В.Колшанский

также для содержания высказывания считает доминирующим его глобальный смысл, образующийся из некоторой интенции говорящего, а не алгоритм сложения слов и словосочетаний в единую фразу [5, с.140]; однако пренебрегать упомянутым алгоритмом тоже, по-видимому, не стоит.

В.Г.Гак подчеркивает, наряду с коммуникативной, номинативную функцию высказывания, т.е. обозначение определенной ситуации [6, с.47]. С.Д.Кацнельсон рассматривает смысл высказывания в динамике его порождения: поток мысли, отражающий объективную реальность, членится на отдельные кадры (события или состояния) при помощи реляционных предикатов, которые вместе с необходимыми для их конкретизации понятиями образуют пропозицию - основу смысловой структуры высказывания; она целостна и симультанно обозрима [7, с.3]. Пропозиция состоит из предиката и семантически выделенных членов отношения (аргументов, актантов, термов, предикандумов). Один из актантов становится темой - начальной точкой дискретных квантов информации на линейной оси дискурса, к которой "привязана" вся система отношений, организуемая предикатом.

По "принципу активности" Кацнельсона активный (или наиболее активный из нескольких активных) предикандум становится субъектом; функция темы и субъекта обычно совмещается, причем универсальной для субъекта - темы является первая позиция независимо от строя языка [8, с.145]. Одушевленные предметы чаще становятся субъектами, поскольку естественно воспринимаются сознанием как активный производитель действия - человек начинает с себя и себе подобных. В этой связи представляет интерес точка зрения Лайонза: люди прежде всего интересуются самими собой, затем живыми и лишь потом неодушевленными предметами; в частности, *A man was stung by a bee* обычнее, чем *A bee stung a man* [9, с.511].

Получив статус подлежащего, первый актант приобретает некоторую автономию. Относительную независимость

подлежащего от сказуемого, обусловленную их подчиненностью способам коммуникативным целям, отмечает Н.Д.Арутюнова [IО, с.378].

Предикат и его аргументы, в том числе и субъект, связаны отношением семантического согласования, отображающим связи вещей и явлений объективной действительности и обеспечивающим когерентность высказывания. Это отношение, проявляясь как многократное или по меньшей мере двукратное повторение какого-либо признака, реализуется на разных уровнях: итеративные интегральные и дифференциальные семантические признаки реализуются на уровне словосочетаний внутри речитической и тематической частей; семантическая связь этих частей осуществляется на уровне категориального семантического признака, который, как правило, не эксплицируется в словарном определении (одушевленность/неодушевленность, предметное/абстрактное)¹. Поэтому совершенно справедливо следующее замечание М.В.Никитина: "для описания содержания выражений на коммуникативно/синтаксическом уровне нет ни возможности, ни необходимости прибегать к комбинаторно-семантическому анализу на уровне сем. При их порождении и понимании оперируют более крупными единицами, своего рода "блоками содержания", исключая потребность в семном разложении значения" [12, с.70]; надо, однако, иметь в виду, что под семами здесь понимаются семантические признаки низшего уровня абстракции.

Сказуемая (предикатная), или, в терминах актуального синтаксиса, речитическая часть, занимает особое место в структуре предложения. Она несет главную информацию, в ее составе могут быть выделены члены с большей информационной нагрузкой, чем сам глагол, но глагол всегда является элементом, эту часть организующим. Вопрос о том, представляют ли примыкающие к глаголу части реми информационный центр, может быть решен только при анализе с опорой на контекст. Однако семантико-синтаксический анализ рас-

¹ Об иерархии итеративных семантических признаков см.

пространенного простого предложения английского языка показывает, что ремагическую доминанту (понятие введено Г.А.Золотовой [13, с.120]) в большинстве случаев локализует последнее полнозначное слово, несущее на себе главное ударение. В частности, Г.А.Золотова отмечает, что глаголы движения и перемещения служат ремой вместе с именными формами, обозначающими ориентиры движения, но ооольшая сила ударения приходится при этом на ориентиры [13, с.125]. Н.Д.Арутюнова также считает, что смысловым центром конструкции, рассматриваемой в контексте предложения, является тот ее компонент, значение которого семантически согласуется со значением управляющего глагола [10, с.124].

Отправитель сообщения, чтобы создать полноценное, реализующее коммуникативную установку высказывание, должен постоянно помнить о его цели, конечном смысле, и адресате, иначе он рискует потерять нить. При генерации высказывания процесс идет, так сказать, по двум направлениям одновременно: говорящий начинает речь, нанизывая слова слева направо (вектор развертывания высказывания по синтагматической оси, поступательно, от известного к новому); однако, постоянно имея в виду цель коммуникации, общий смысл высказывания, он подбирает слова, соответствующие ядерному понятию ремагической части, причем это понятие может еще не быть связано с каким-либо конкретным словом (противоположный вектор справа налево). Предикат, получив конкретное лексическое выражение, предъявляет свои требования последующим словам - способ управления, гармония стиля и т.д. И для ядерного понятия, чаще всего еще не обозначенного конкретным словом, говорящий выбирает из ряда синонимов тот, который хорошо стыкуется с предикатом.

Необходимо также отметить, что по данным психолингвистики [14, с.125], человеческая мысль не оперирует последовательно сначала на семантическом, затем на синтаксическом, далее на фонетическом уровне. Взаимозависимость этих процессов такова, что ни один уровень не должен быть

обязательно завершен до начала операций на следующем; кроме того, все эти процессы протекают с поразительной быстротой.

Покажем взаимодействие общего смысла высказывания и семантики составляющих его слов в процессе порождения речи на конкретном примере.

Проанализируем предложение *She ate a square sponge cake with pink icing on it* [15, с.98]. Цель высказывания - сообщение некоторой информации. Смыслом высказывания, его коммуникативным центром является сообщение о том, что съела Джулия, поэтому развернутое описание пирожного, размещается в рематической части. Другими словами, актант с семантической функцией объекта, выраженный словом *cake*, является информационным центром высказывания. Тематизируется другой актант - субъект действия, агенс, обозначенный личным местоимением; местоимение замещает собственное имя актрисы Джулии Ламберт, главной героини романа вообще и данного отрывка в частности, а значит, оно и будет темой - "familiar territory, in which the hearer gets his bearings" [16, с.159]; кроме того, как уже отмечалось, человеческому мышлению свойственно делать агенс-лицо подлежащим, если нет веских причин для перемещения в начало высказывания других актантов.

Дифференциальный семантический признак слова *cake* - *solid food* - диктует выбор глагола из лексико-семантической группы с общим значением "прием пищи", а именно - *eat* со значением *to swallow solid food*. Другими словами, выбор глагола из данной лексико-семантической группы обусловлен семантическими свойствами предметного существительного, обозначающего объект действия.

При рассмотрении семантического взаимодействия общего смысла высказывания и значений составляющих его слов представляется полезным провести его анализ не только с позиции говорящего/пишущего, моделируя процесс его положения, но и с точки зрения слушающего/читающего, интерпретируя смысл уже готового высказывания.

При декодировании смысла основную роль играет вектор поступательного развертывания речи - слева направо, так как слушатель, в отличие от говорящего, не знает, чем кончится высказывание. Он воспринимает слова в их линейной последовательности, и поэтому идентификация одного из значений полисемантического слова может быть отложена до появления индикатора. Впрочем, задача адресата сильно облегчается тем, что на основании уже известного он постоянно проецирует ожидаемые пропозициональные структуры.

Попробуем интерпретировать смысл еще одного высказывания с позиции адресата в линейном порядке слева направо по мере поступления новых слов.

Julia...-

Высказывание открывается именем собственным, называющим лицо уже известное; это значит, что тема данного высказывания - один из аргументов пропозиции. Известен его категоризный семантический признак - "лицо".

Возможности развития смысла:

1. семантическая модель "агент - действие - (объект)" (Julia wrote a letter или Julia cried); 2. не исключено, что функцией тематизированного аргумента окажется пациент с последующим переходным глаголом в страдательном залоге (Julia was shown a letter); 3. отношение характеристики (Julia was a wonderful actress). Любой вариант хорошо сочетается с идеей лица в составе значения первого аргумента.

Julia, radiant,...-

Поступило определение, выраженное прилагательным; поскольку radiant характеризует лицо, то ясно, что актуализировано второе, переносное значение (beaming with joy or hope or love), а не первое, прямое (emitting rays of light) - человек не может светиться в буквальном смысле. Этот атрибут сводит вероятность развития высказывания в семантическую модель характеристики, выраженной составным именным сказуемым, практически к нулю, поскольку сам этот атрибут-приложение, по сути дела,

можно рассматривать как свернутую модель характеристики. Кроме того, он создает определенную атмосферу положительных эмоций, и, следовательно, в значении глагола, который скорее всего последует за прилагательным по модели SP(O), не должно быть семи отрицательных эмоций.

Julia, radiant, swallowed...

Определилось время - прошедшее. Уточнена семантическая функция подлежащего - это агенс. Concise Oxford Dictionary дает 4 значения глагола swallow : 1. cause or allow (food etc.) to pass down one's throat, repress (tears, resentment, etc.); pronounce (sounds) indistinctly or not at all, 2. engulf, absorb, exhaust, draw in (the earth swallowed them up); 3. accept(statement) with ready credulity, put up with (affront, insult); 4. v.i. perform muscular action (as) of swallowing something; из этих значений только второе не может иметь агенсом лицо. Пока сведений недостаточно, чтобы идентифицировать какое-либо из оставшихся значений, хотя, конечно, прежде всего всплывает в памяти первое - прямое. В этом случае последует прямое дополнение, выраженное предметным существительным, например, еда, жидкая или твердая (в отличие от drink, eat, sip в значении глагола swallow нет семи жидкой или твердой природы поглощаемой пищи). Если будут идентифицированы переносные значения, то в качестве объекта появится абстрактное существительное. Впрочем, глагол может оказаться и непереходным (четвертое значение).

Julia, radiant, swallowed in a draught...

Появился факультативный член - обстоятельство образа действия, которое идентифицирует основное значение глагола swallow . Поскольку draught в данной дистрибуции может иметь только одно значение - single act of drinking , а не drawing of net for fish или depth of water ship requires to float her и т.п., то в качестве объекта будет предметное существительное, имеющее в своем составе сему "жидкость".

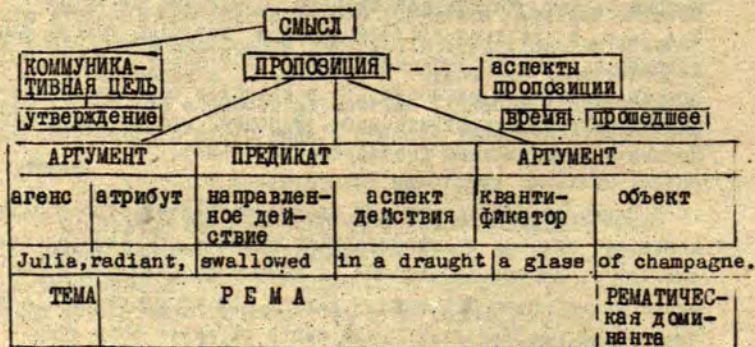
Julia, radiant, swallowed in a draught a glass...

Неопределенный артикль указывает на то, что это исчисляемое существительное, а не вещество. Контекст исключает такие значения, как *looking-glass* или *eye-glass*. Сема "жидкость" имеется только в значении *glass vessel esp. for drinking*. Ясно, однако, что Джулия (драматическая актриса, а не профессиональный фокусник) проглотила не стакан, а его содержимое, поэтому этот член предложения получает статус квантификатора при аргументе, обозначающем жидкость. Итак, ожидается неисчисляемое существительное, имеющее сему "жидкость" и вводимое предлогом *of* как содержимое квантификатора.

Julia, radiant, swallowed in a draught a glass of champagne. [15, с.135]. (*Champagne - a sort of wine - жидкость*).

Ожидания оправдались. Выявлен полностью смысл высказывания, определены семантические функции аргументов, все слова однозначно интерпретированы. Рематическая доминанта локализуется в последнем полнозначном слове высказывания.

Семантическая модель высказывания может быть представлена в виде следующей схемы.

Подведем некоторые итоги. Смысл высказывания нами рассматривается, с одной стороны, как коммуникативное задание сообщения, а с другой, как обозначение определенной

ситуации; эти два подхода реализуются, соответственно, в анализе актуального членения высказывания и анализе его ролевой структуры в рамках предикатно-актантной теории. Когерентность высказывания обеспечивается итеративными семантическими признаками разной степени абстракции: на уровне словосочетаний в составе рематической и тематической частей действуют интегральные и дифференциальные семантические признаки, а сквозным для всего высказывания является итеративный признак самого высокого уровня абстракции - категориальный. Организует рематическую часть всегда глагол; однако в ее составе выделяются члены с большей информационной нагрузкой, чем сам глагол. При генерации высказывания его смысл разворачивается, с одной стороны, поступательно, от старого, известного, к новому, сообщаемому; с другой стороны, семантические свойства слова - информационного центра высказывания, как правило, находящегося в его конце, влияют на лексическое наполнение предшествующих "гнезд" посредством итеративного семантического признака, поскольку говорящий мысленно учитывает коммуникативный замысел сообщения. Эти два фактора действуют не последовательно, а одновременно.

Другими словами, замысел предложения определяет выбор слова из лексико-семантической группы слов, объединенных каким-либо семантическим признаком. При интерпретации смысла уже готового высказывания общий смысл предложения помогает адресату идентифицировать соответствующее значение полисемантического слова.

Дальнейшие исследования в этом русле помогут адекватно описать лексико-семантическое варьирование слова в речи в условиях состоявшегося акта коммуникации.

Библиографический список

1. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М., 1987.

2. Слесарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1961.
3. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка. Л., 1964.
4. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979.
5. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980.
6. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1966.
7. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы// ВЯ. 1984. № 4. С. 3-12.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
9. Lyons J. Semantics, Cambridge, Cambr.Univ.Press, 1978. Vol.2. P. 374-397.
10. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
11. Агамджанова В.И. Контекстуальная избыточность лексического значения слова. Рига, 1977.
12. Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1963.
13. Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М., 1979. С.113-133.
14. Steinberg D. Psycholinguistics: Language, Mind and World. Longman House, 1982.
15. Мсэм Уильям С. Театр. Книга для чтения на англ.яз. М., 1979.
16. Лич Д., Свартвик Я. Коммуникативная грамматика английского языка/На англ. яз. М., 1963.

Е.С. Кутасина

ВАРИАТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале
субстантивных групп)

Исследование субстантивных словосочетаний дает возможность постановки и уточнения многих вопросов, касающихся взаимодействия синтаксиса и семантики. Данная проблема актуальна в силу того обстоятельства, что именно в этой области синтагматики она смыкается с одной из определяющих тенденций современного немецкого языка последних десятилетий - тенденции к лексической и синтаксической номинации [1, с.49; 2, с.40-49; 3, с.249]. При этом речь идет и о количественных изменениях, т.е. ранее редко употребляемые конструкции встречаются чаще, увеличивается их объем, и о качественных изменениях, т.е. увеличивается удельный вес субстантивных групп в немецком предложении при одновременном сокращении его длины и упрощении строя - от гипотаксиса к паратаксису [4, с.691]. В целом это приводит к переносу значительного объема передаваемой предложением информации на его именную часть на словосочетания, многокомпонентные сложные слова, субстантивированные глаголы и т.п. Таким образом, исследуемое явление, представляя единый в своем источнике процесс, разветвляется на лексическом и синтаксическом уровне и параллельно развивается в каждом из них, в первом случае в виде лексических образований - сложных слов, а во втором - в виде синтаксических единиц - свободных словосочетаний, при этом в последнем случае процесс носит более активный и разнообразный характер, в силу более спонтанного и свободного возникновения словосочетаний.

Однако элементы словосочетания также вступают в связь друг с другом не произвольно, а строго закономерно: в зависимости от сочетательных способностей. "Самый факт употребления слова в сочетании предполагает, что при нем есть ряд синтаксических позиций, которые могут замещаться

другими словами" [5, с.138]. Со времени выхода в свет главных трудов Л.Тенбера это явление получило название "валентность" и долгое время признавалось исключительным свойством одной части речи - глагола, причем связывалось лишь с предложением.

Стратификация уровней языка и установление логико-семантической природы валентности [6, с.88] позволили обосновать ее наличие у всех полнозначных частей речи, в том числе и у имени существительного. Специфика валентных свойств существительного связана с определением их обязательности - факультативности, что выявляется с помощью тестирующей пробы на изымание, которая проверяет влияние слова на грамматическую правильность предложения. В этом случае почти все имена существительные обнаруживают лишь факультативную валентность, т.е. отсутствие определения к существительному не нарушает грамматической правильности предложения [7, с.197], поскольку каждое существительное может употребляться в предложении без определяющих его слов в силу своей номинативной функции. Следовательно, "всегда, где играют роль факторы непосредственно структурного характера вакантные позиции замещаются факультативно" [6, с.48]. Однако валентность можно рассматривать не только исходя из структурных отношений в предложении, но, что гораздо важнее, с помощью семантического анализа. Валентные потенции существительных, т.е. открытые позиции на синтаксическом уровне являются следствием лексического значения слова, а именно, наличия в его составе семантических признаков, коррелирующих с семантическими признаками смысловой структуры других слов. Такие лексемы получили название открытых [8, с.211] или относительных [9, с.22], так как они не могут полностью реализовать свое значение без помощи сочетающихся с ним слов. Таким образом, синтаксическая сочетаемость существительных есть результат неполноты их номинации.

При таком подходе нельзя не заметить сходства семантической валентности слова с явлением синсемантии, известным

еще со времени Аристотеля [10, с.2] и трактуемым двояко: в грамматическом и семантическом аспектах [11, с.24]. Для валентности существительных релевантна вторая точка зрения, так как именно несамодостаточность семантики диктует его валентные свойства. "Синсемантически те слова, которые способны выражать значение лишь в сочетании с другими языковыми единицами на фоне контекста или ситуации" [12, с.68].

Следовательно, синсемантические существительные восполняют свою внутреннюю семантическую недостаточность внешними средствами, т.е. элементами синтагматики. Они создают вокруг себя вакантные позиции, которые занимают другими словами определенного значения и морфо-синтаксической формы. Значит валентность можно рассматривать как компенсацию внешними средствами внутренней семантической неполноты слова, и значение, таким образом, выступает как базовое, абсолютное по отношению к валентности. Так, например, семантика существительных, обозначающих целые числа, Hundert, Tausend, Million, Milliarde, Dutzend и т.п. проецирует указание на количественное определение с одной стороны и предмет счета с другой, что и реализуется с помощью актантов определенной семантики и формы (количественных числительных и существительных, обозначающих конкретные предметы, людей, единиц измерения и т.п., стоящих в том же падеже, что и счетное существительное, в родительном падеже или дательном падеже с предлогом von [13, с.101-110]), ср.:

- Wenn die Regierung nun aber 28 Milliarden Staat schulden-scheine streichen will... (Schönaу G. am Telefon der Chef)
- Er sperrt ein Dutzend von den großen Eigensüchtigen in Käfige... (Hacks P. Ausgewählte Dramen)
- Durch das Fenster sah er ein Dutzend der Gefangenen... (Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt)

Специфика валентности имени существительного состоит в том, что несамодостаточность индивидуального значения слова часто конфронтирует с его категориальной морфо-син-

таксической определенностью. В силу этого семантическая необходимость распространения не всегда адекватно фиксируется синтаксическими средствами. Поэтому даже обязательный по значению актант может на уровне синтагматики либо отсутствовать, либо подменяться, либо выступать изолированно. Так семантически необходимый член субстантивного словосочетания с количественным значением отсутствует, если он известен из широкого (фонового, историко-социального) контекста, ср.:

- Millionen wurden im letzten Weltkrieg ermordet (ND)

или восполнен на семантическом уровне значением других актантов. Так в следующем примере отсутствие обязательного на семантическом уровне существительного, обозначающего денежную единицу измерения, объясняется наличием данного семантического признака в существительном со значением денежной суммы, и, как следствие, происходит эллиптирование второго члена словосочетания на синтаксическом уровне и замещение его позиции третьим существительным, ср.:

- Nicht um eine Million Jahresgehalt, mein Freund!

(Kellermann B. Der Tor)

Синтаксическое эллиптирование члена словосочетания не исключено и в тех случаях, если он уже имеется в пре- или пост-положительном контексте актанта в таком случае синтаксически независим от ядра и может входить в состав другой номинативной группы, или даже сложного слова, ср.:

-... die Preußen ... eine eigene Kohlenförderung durch
5200
Bergleute von etwa zwei Millionen Tonnen jährlich ausweisen konnten. (Engelmann B. Meine Freunde - die Millionäre)

Отсутствие актанта в субстантивном словосочетании в открываемой существительной позиции, приводит, следовательно, к различным вариантам функционирования такого словосочетания в тексте и объясняется компенсирующим влиянием достаточно информативного контекста, семантикой других членов группы и стилистическими требованиями. Но это не означает, что такой актант факультативен, поскольку он

прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно присутствует в логико-семантической структуре словосочетания и всего предложения в целом. Он дан семантически, даже если синтаксически и не выражен. Поэтому целесообразно считать обязательными и те актанты существительного, которые необходимы на уровне семантики. Без них значение существительного неполно или реализует другой лексико-семантический вариант. Например, отсутствие количественного числительного в структуре словосочетания с количественным значением ведет к реализации существительным, обозначающим целое число, лексико-семантического варианта большого количества: - Tausende Gedanken summten in Stanislaus' Kopf (Strittmatter E. Der Wundertäter)

Следует обратить внимание на то, что существуют также существительные, которые в обычном своем употреблении могут не иметь обязательной валентности, predeterminedенной значением, однако при функционировании их в составе многокомпонентных именных сочетаний становятся несамодостаточными и требуют обязательного восполнения своей семантической структуры. К ним относятся, например, существительные с "временной" семантикой, обозначающие денежные единицы измерения и т.п., ср.:

- Nach acht Tagen Aufenthalt kann ich mich natürlich nicht für Kenner halten. (Kant H. Zu den Unterlagen)
- Wir haben ehnhundert Mark Honorar für einen Clown ausgemacht. (Böhl H. Ansichten eines Clowns).

Способность существительного иметь в качестве средств реализации своих валентно-семантических свойств не только существительные, но и некоторые другие лексико-грамматические разряды слов, приводит к появлению в составе субстантивных словосочетаний прилагательных, числительных, местоимений и т.д. Но при этом строевыми, центральными единицами группы, на которые "навязываются", "опираются" другие части речи, оказываются именно существительные. Основным из них, в свою очередь, является то, которое выступает в качестве

ядра - семантического и синтаксического центра всего словосочетания [14, с.71-78].

Вместе с тем определенную роль в функционировании именных словосочетаний играют и факторы структурного характера, которые являются результатом способности синтаксической модели к синтагматическому расширению, при снятии в ней непосредственных сигналов законченности, различного рода детерминантами. Таким образом, процесс синтаксической номинации развивается по линии синтагматики и характеризуется расширением границ именной группы по длине синтагматической цепочки, т.е. происходит ее линейное развертывание.

При анализе структурно-динамических характеристик субстантивных словосочетаний также обнаруживаются различные варианты их функционирования [15, с.62-64; 16, с.45 и сл.].

Субстантивные словосочетания могут быть двухкомпонентными и состоять из двух актантов - ядра и зависимого члена, например: Millionen Eisennadeln schwimmen im See.

(Strittmatter E. Ole Bienkopp).

Если ядро реализует несколько разнородных валентностей, то возникают комплексные словосочетания, при которых все атрибуты непосредственно соотносятся с ядром, ср.:

- ... mit einer Ladung Schmieröl in Fässern. (Noll D. Abenteuer des Werner Holt)

Если одна и та же по своему качеству валентность реализуется несколько раз, то в предложении функционирует расширенное словосочетание, ср.:

- Hunderte und Tausende Menschen wurden ins Elend gestürzt. (Schönau G. Am Telefon der Chef)

Словосочетания могут быть также сложными, когда каждый последующий атрибут характеризует непосредственно подчиненный ему компонент, а лишь опосредовано, через этот последний - ядро всей группы, ср.:

- zwei Milliarden Kilowattstunden Elektroenergie (Urania)

И, наконец, в предложении могут функционировать распространенные словосочетания, которые возникают в результате распространения одного из конstituентов или обоих одновременно путем превращения их в ядро подчинительного словосочетания, ср.:

-- eine übernatürlich große Dosis Glück (Aichinger I. Die
größere Hoffnung)

-- in etwa 1,5 Millimeter Abstand vom ursprünglichem Signal.

(Webers I. Handbuch der Film-
und Video-Technik)

Таким образом, функционирование субстантивных словосочетаний с количественным значением обнаруживает вариативность структурно-динамических характеристик как по линии увеличения, так и по линии уменьшения (эллиптирования) членов по длине цепочки, что в первую очередь связано с реализацией валентных свойств входящих в них существительных и "открытость" самих синтаксических моделей.

Библиографический список

1. Eggers H. Zur Syntax der deutschen Sprache der Gegenwart// Studium generale... 1962. H.1. S. 49-59.
2. Moser H. Zur Situation in der deutschen Gegenwartssprache// Studium generale. 1962. H.1. S.40-49.
3. Daniels K. Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache// Düsseldorf: Schwann, 1963.
4. Kleine Enzyklopädie der deutschen Sprache// Hrg. von W. Fleischer. Lpz.: Bibl. Inst., 1983.
5. Griesbach H., Schultz D. Grammatik der deutschen Sprache. München: Hueber, 1970.
6. Bondzio W. Untersuchungen zum attributiven Genitiv und zur Nominalgruppe in der deutschen Sprache der Gegenwart: Habilitationsschrift. B., 1966.

7. Schippan Th. Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart. Lpz.: Bibl.Inst., 1967.
8. Brinkmann H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Schwann, 1971.
9. Behaghel O. Deutsche Syntax: Eine geschichtliche Darstellung. Heidelberg: Winter, 1923. Bd. I.
10. Gulyga E.N. Autosemantie und Synsemantie in der Hypotaxe // DaF. 1966. N.4. S.1-12.
11. Степанова М.Д. Хельбиґ Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978.
12. Гулыга Е.В. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова // НДВШ. Филол.науки. 1965. № 2. С.62-78.
13. О дифференциации моделей данного вида словосочетаний см.: Кутасина Е.С. О дифференциации разноструктурных субстантивных словосочетаний с количественным значением в современном немецком языке // Языковые единицы и условия их актуализации. Рига, 1966. С.101-110.
14. Подробно о структуре словосочетаний см. Кутасина Е.С. К вопросу о семантике словосочетаний типа ein Liter Milch // Семантическая интеграция в синтагматике. Рига. 1984. С.71-79.
15. Фидичева Н.И. О словосочетаниях в современном немецком языке. М., 1969. -
16. Гак В.Г. К вопросу о семантической типологии словосочетаний // Уч.зап. МГПИИЯ им. М.Тореза, 1979. Вып. 145. С.45-46.

О.П. Лисагор

АТРИБУТИВНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЙ
КОНТЕКСТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

В работе рассматриваются контекстуальные условия идентификации терминологического значения многозначного слова. Данное исследование опирается на основные положения контекста, разработанные В.В.Биноградовым, А.И.Смирницким, Н.Н.Амосовой, Г.В.Колшанским, В.И.Кодуховым, В.И.Агамджановой и др.

Предметом анализа являются термины судостроения, образованные способом метафоризации от общеупотребительных слов и представляющие собой однородную группу существительных с общим категориальным значением "артефакт".

Единицей анализа являются атрибутивные словосочетания /СС/, один из элементов которых представлен исследуемым термином. Под словосочетанием мы, вслед за Н.Ю.Шведовой, понимаем синтаксическую единицу некоммункативного плана, образующуюся путем соединения полнозначительных слов и обладающую специфическим значением, порождаемым характером их связи и лексико-семантической соединимостью сочетающихся слов [1, с.81].

Известно, что структура значения слова характеризуется иерархической организацией [2, с.136], образуемой признаками различного уровня обобщения, а основной закономерностью лексической организации СС является семантическое согласование его компонентов, проявляющееся как многократное или по меньшей мере двукратное повторение какого-либо признака в структуре значений сочетающихся слов [3].

Целью данного исследования является выявление возможностей атрибутивного СС для идентификации терминологического значения как одного из ЛСВ многозначного слова, основываясь на положении о том, что контекст, представляющий собой форму существования лексического значения слова, эксплицирует те признаки, которые легли в основу се-

мантического согласования слов, образующих СС.

Поскольку контексту присущ комплексный характер отношений между ядром и индикатором [4, с.17], реализация идентифицирующей функции рассматривалась с учетом роли лексических, морфологических и синтаксических параметров.

В работе используются следующие методы семантического анализа, обусловленные объектом, целями и задачами исследования: компонентный анализ в его дефиниционном виде для установления парадигматических характеристик исследуемой группы терминов; контекстный анализ, позволяющий выявить особенности данной группы в синтагматике.

Идентифицирующая функция контекста реализуется на уровне распознавания лексико-семантического варианта многозначного слова, который выступает как инвариант по отношению ко множеству своих контекстуальных вариантов. СС представляет собой контекст, достаточный для реализации идентифицирующей функции, т.е. уточнения того, какой ЛСВ использован в тексте, лишь в том случае, если оно /СС/ обладает тем минимумом условий, который способен эксплицировать инвариантные признаки ядра — признаки его интенционала — ту часть значения, которая остается неизменной при всех его модификациях в реальных условиях употребления.

Условия, обеспечивающие идентификацию терминологического значения в рамках атрибутивного СС обусловлены целым рядом факторов, которые в живой речи тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, их искусственное расчленение является правомерным лишь в целях лингвистического анализа.

К таким условиям, в первую очередь, относится обобщенное значение лексико-синтаксической модели атрибутивного СС, что проявляется в характере подчинительной синтаксической связи его элементов, обусловленной парадигматическими характеристиками сочетающейся лексики. Атрибутивная связь "образует такие сочетания, которые в предложении выступают ...как цельные комплексы, включаемые в предложение в собранном, готовом виде. ...Внутри атрибутивного

комплекса одно слово является грамматически ведущим, другое - зависимым от него" [5, с.174-175]. Грамматически ведущим членом атрибутивного СС выступает, как правило, лексико-грамматический класс имен существительных, имеющих общее категориальное значение предметности. Грамматически зависимым может быть любая часть речи, которая в силу своих лексико-грамматических характеристик способна вступать с предметом в отношения принадлежности/обладания признаком, свойством; части-целого; родо-видовые отношения, которые выражают содержательную сущность атрибутивного СС [6, с.80]. О роли категориального признака предметности в организации сочетаемости имен существительных говорил А.И.Смирницкий: "...понятие предметности важнее понятия качественности, так как именно предмет является носителем признака, а не наоборот" [7, с.110].

Определяющую роль в сочетаемости исследуемой группы терминов играет их общее категориальное значение "предмет-артефакт". Именно данный признак в их семантических структурах ограничивает круг их возможной сочетаемости лексическими единицами, называемыми характерные для артефактов признаки. В рамках атрибутивного СС такими признаками выступают: форма предмета - *cylinder jacket*, *square stem*, *round chine*, *bulbous nose*; его размер - *small cock*, *large eye*; материал (качество материала), из которого он изготовлен - *cotton honeycomb*, *viscoelastic blanket*, *porous shell*; отношение к другим предметам: части/целого - *anchor arm*, *rudder shoe*, *propeller fan*, родовидовые - *standard knee*, *split knee*; способность подвергаться перемещению - *retractible fin*, *movable arm*, *detachable nose*, выполнять определенную функцию - *lifting camel*, *support foot*, *bearing cap* и др.

Таким образом, категориальный признак предметности, как свойство лексико-грамматического класса имен существительных, получает эксплицитное выражение при реализации лексико-синтаксической модели атрибутивного СС. Однако в

данном случае этот признак не может играть решающую роль для идентификации ЛСВ-термина судостроения, т.к. им обладают как терминологические, так и общеупотребительные значения многозначного слова (ср. arm - рука, рог якоря; shell - скорлупа, обшивка; rib - ребро, шпангоут; dolphin - дельфин, швартовый пал; saddle - седло, рост-блок и т.д.).

Идентификация термина осуществляется лишь в случае экспликации признаков, которые лежат в основе дифференциации лексико-семантических вариантов. Анализ механизма семантического согласования, на основе которого реализуются функции контекста, показал, что эти признаки могут занимать различное место в структуре интенционала термина, который состоит из гиперсемы - общих категориальных признаков данной предметной области, и гипосемы - дифференциальных признаков, отражающих ее частные, специфические характеристики [8, с.29].

Общеупотребительные и терминологические значения исследуемых многозначных слов могут различаться на уровне признака-гиперсемы интенционала "артефакт(отприродное)" - подкатегории признака "предмет" [2, с.122], напр., shell - оболочка, обшивка; ram - баран, плунжер; head - голова; нос корабля; throat - горло, тренд якоря; wing - крыло, подпалубный карман в трюме; camel - веролод, судоподъемный понтон; stem - стебель, форштевень; fin - плавник, стабилизатор; mushroom - гриб, вентиляторный грибок и др.). В этом случае идентификация ЛСВ-термина судостроения возможна при условии отсутствия в списке значений многозначного слова других лексико-семантических вариантов с категориальным признаком "артефакт". Например, существительное camel имеет два значения: 1. either of the large ruminant mammals used as draft and saddle animals in desert regions, 2. a watertight structure used to lift submerged ships. Прилагательное metal, называющее материал, из которого предмет изготовлен (made of me-

tal), эксплицирует категориальный признак camel "предмет-артефакт". Несмотря на то, что metal не несет в себе указаний на тематическую принадлежность, атрибутивное SS metal camel представляет собой контекст, достаточный для идентификации camel как термина судостроения, поскольку в списке значений многозначного слова camel данное терминологическое значение является единственным, обладающим признаком "артефакт".

Случаи реализации идентифицирующей функции на уровне противопоставления общеупотребительного и терминологического значений по признакам гиперсемы их интенционалов немногочисленны. Как правило, для идентификации терминологического значения необходима экспликация и признаков гипосемы, находящихся с признаками гиперсемы в отношениях включения.

Экпликация признаков, различающих терминологическое и общеупотребительное значения многозначного слова зависит от парадигматических характеристик лексики, связанной с исследуемым термином в составе атрибутивного SS.

Наиболее благоприятные условия для идентификации терминологического значения создает сочетающаяся с термином лексика предметного характера, в частности, термины судостроения, напр., rudder arm - румпель, boat cradle - шлюпочный кильблок, buoy shackle - фертоинговая скоба, beam shoe - башмак съемного бимса, anchor palm - лапа якоря, dock apron - порог дока и т.д. Четкая предметная соотношенность и тематическая принадлежность этой лексики обуславливает экспликацию как категориальных признаков гиперсемы интенционала значения ядра - "предмет-артефакт", так и признаков гипосемы, обеспечивающих тождественность термина и отличающих его от всех других ЛСВ многозначного слова. Особую группу представляют SS, где оба элемента являются терминами судостроения, образованными от общеупотребительного слова способом метафоризации, напр., tail nut - хвостовая гайка торпеды, sword arm - вы-

движное устройство лага, *boom knee* - горизонтальная кница, *pose fin* - носовой стабилизатор, *body skin* - наружная обшивка, *stem foot* - хвостовик форштевня, *stem head* - голова форштевня и др. В этом случае атрибутивное СС не может представлять собой контекст, достаточный для идентификации ЛСВ многозначного слова, для этой цели необходимы дополнительные контекстуальные условия.

Роль призначной лексики для идентификации ЛСВ-термина судостроения весьма ограничена, т.к. призначная лексика, не имеющая собственного денотативного значения, способна выражать признаки и свойства различных объектов реальной действительности.

Возможности призначной лексики для идентификации терминологического значения многозначного слова обусловлены местом называемого ею признака в структуре значения термина и участием/неучастием данного признака в процессе метафоризации. Известно, что исходное и вторичное наименования обладают общей семантической частью, состоящей из признаков, которые послужили основой метафорического переноса. В структуре исходного наименования эти признаки принадлежат жесткому или сильнодействующему импликационалу, в структуре вторичного наименования - гипосеме интенционала [8, с.46]. Поэтому призначное слово может выполнять роль индикатора терминологического значения лишь в том случае, если оно называет те признаки интенционала термина, которые не характерны как для интенционала и жесткого импликационала значения исходного наименования, так и для гипосемы интенционалов других ЛСВ многозначного слова, напр., *antipitching fin* - успокоитель килевой качки, *mooring snackle* - швартовая скоба, *antirolling fins* - бортовые управляемые рули. Семантическая структура значения сочетающихся с термином причастий I содержит указание на их тематическую принадлежность: *to moor* - швартоваться, *оставить судно на якорь*; *roll* - бортовая качка судна; *pitch* - килевая качка судна. Данные признаки не содер-

жаты ни в структурах жесткого импликационала исходных наименований (ср. *fin* - плавник, *shackle* - кандалы), ни в гипосемах других ЛСВ *fin* и *shackle* как многозначных слов (ср. *fin* - 1. плавник, 2. пластина радиатора, 3. заусенец, 4. киль; *shackle* - 1. кандалы, 2. обрезки мяса, 3. обойма, 4. соединительная скоба якорной цепи), что обеспечивает идентификацию *fin* и *shackle* в составе атрибутивных СС *mooring shackle*, *antipitching fin*, *antirolling fin* как терминов судостроения.

Напротив, атрибутивные СС *cutting jaw* - подсекатель трала, *porous shell* - пористая обшивка, *watertight skin* - водонепроницаемая обшивка, *inner pocket* - внутренняя камера, *bulbous nose* - нос судна бульбообразной формы и др. не представляют собой контекста, достаточного для идентификации ЛСВ-термина судостроения, поскольку признаки сочетающейся с термином лексики характерны как для жесткого импликационала значения исходного наименования, так и для жесткого импликационала значения термина, в то время как экспликация гипосемы термина, обеспечивающая его тождество, отсутствует. (Ср. *cutting jaw* - кусающая челюсть, *porous shell* - пористая оболочка, *watertight skin* - водонепроницаемая кожа, *inner pocket* - внутренний карман, *bulbous nose* - нос "картошкой").

Идентифицирующим контекстом не являются и СС *plate knee* - листовая кница, *steel cradle* - стальные спусковые салазки, *cast stem* - литой форштевень, *hydraulic ram* - гидравлический отталкиватель для снятия корабля с мели. Сочетающаяся с терминами лексика хотя и называет признаки, не характерные для исходного наименования, (ср. *stem* - стебель, *knee* - колено, *cradle* - колыбель, *ram* - баран), тем самым исключая его из списка возможных для данных СС, однако не содержит указаний на то, какой из остальных лексико-семантических вариантов многозначного слова использован (ср. *knee* - 2. кница, 3. угольник, 4. подкос; *cradle* - 2. рычаг, 3. рама, опора, 4. лоток

для промывки золотоносного песка, 5. спусковые салазки; stem - 2. стержень, 3. рукоятка, 4. форштвень; ram - 2. баба молота, 3. домкрат, 4. гидравлический таран, плунжер).

Итак, анализ контекстуальных условий идентификации терминологического значения как одного из лексико-семантических вариантов многозначного слова подтвердил положение о том, что реализация идентифицирующей функции контекста атрибутивного СС обусловлена обобщенным значением его лексико-синтаксической модели и тематической принадлежностью сочетающейся с термином лексики.

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Атрибутивное СС представляет собой контекст, достаточный для идентификации терминологического значения многозначного слова, если сочетающаяся с термином лексика эксплицирует признаки как гипер-, так и гипосемы интенционала его значения.

2. Идентификация ЛСВ - термина судостроения предполагает экспликацию признаков интенционала значения термина, которые отличают его как от общеупотребительного значения - исходного наименования, так и от остальных лексико-семантических вариантов многозначного слова.

3. Идентифицирующая функция контекста атрибутивного СС не реализуется, если сочетающаяся с термином лексика называет признаки, относящиеся к общей семантической части исходного и вторичного наименований.

Библиографический список

1. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1953.
2. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

3. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания// Семантическая структура слова. М., 1971. С. 78-96.
4. Агаджанова В.И. Контекстуальная избыточность лексического значения слова. Рига, 1977.
5. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
6. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка. Л., 1964.
7. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1939.
8. Никитин Н.В. Лексическое значение слова. М., 1983.

Б.Л. Лихтерова

ПРАГМАТИКА ПАРЕНТЕЗЫ

Прагматическая функция языка создала себе внушительный языковой аппарат и продолжает искать оптимальные пути и средства обращенности языка к человеку, создавая новые или переосмысливая, давая новую жизнь уже имеющимся. Явление парентезы не ново, но в свете прагматики, а следовательно, особенностей процесса коммуникации, приобретает новый смысл и окраску. Лингвистика сегодня активно изучает язык как речевую деятельность. Речевая деятельность, речевой поток сегодняшнего дня имеет свои решительные отличия, обусловленные рядом факторов, в том числе коммуникативно-функциональным, социальным, прагматическим. Соответственно и синтаксис как учение о построении речи характеризуется этими особенностями. Синтаксис стал открытым¹. Открытость синтаксиса предполагает разрыхление строя пред-

¹ Термины, определяющие современный синтаксис, приводит Е. Mittelberg: Stenosyntax, Morsesyntax, Minisyntax, Hackesyntax [1, с.317].

ложения, что наблюдается в ряде языков, как близкородственных, так и принадлежащих к разным языковым группам. Немецкое предложение, как в устной, так и в письменной речи, стремится к изменению актуального членения, к фрагментарности, дробности. Парентеза относится к числу языковых средств, меняющих традиционный характер немецкого предложения.

Явление парентезы в структуре предложения имеет как лингвистическую, так и экстралингвистическую обусловленность. Лингвистическая обусловленность парентезы в немецком предложении связана с понятием модальности (субъективной), актуального членения, просодии, ритма, графического оформления. Экстралингвистическая отнесенность парентезы связана, прежде всего, с понятием экспрессии, так как "коммуникация совершается в среде, наполненной человеческими эмоциями и страстями" [2, с.140]. Парентеза может быть от стилистически нейтральной до аффектированной, отражая целую палитру человеческих эмоций.

Парентеза - это синтаксическое единство, которое структурно не связано со своим предложением формальными отношениями. Однако, несмотря на свою структурную обособленность, конситуативно она относится к числу текстообразующих средств, выполняя роль "сигнала связи" в рамках предложения [3, с.29].

Собственная структура парентезы, как правило, прозрачна; она либо простая, и тогда это - вводное слово в форме междометия, звательного номинатива, слов-восклицаний, либо развернутая в форме словосочетаний и предложений. Форма предложений может быть разнообразной: простое, распространенное предложение, односоставное, эллипсис, придаточное, тяготеющее к парентезе и даже сложноподчиненное и сложносочиненное, хотя, "как правило, продолжительные парентезы затемняют границу между темой и ремой" [4, с.76].

Парентеза – это еще одно доказательство стремления немецкого языка к аналитизму; в то же время парентеза, появляясь в речи по мере ее развития, с потоком сознания, часто не имеет законченной грамматической структуры и опирается не на формальные, а на смысловые связи.

Ich fühlte nur wie Nebel über den Kopf ziehn, ich sah mich um, und - Entsetzen! - der Mann im grauen Rock saß neben mir mit satanischem Lächeln auf mich blickend.

(A. von Chamisso)

Ach, Kinder, seid ihr anstrengend, ihr macht ja gar aus Scherzen noch Probleme.

(R. Feyl)

Im zweiten Brief, schrieb er, daß er auf Urlaub kommt ... und ich soll es allen sagen, ... und die Freundin weiß es auch schon, ... und er hat keinen Schlüssel, dick unterstrichen, und er möchte mit ihr allein sein.

(H. Schubert)

Парентеза, как вербальный компонент коммуникации, свойственна разным типам текста, независимо от их функциональной принадлежности. Однако анализ корпуса языковых фактов показывает, что именно функционально-стилевая принадлежность может стать критерием изучения этого явления.

Содержание парентезы непосредственным образом связано с ее синтаксическим оформлением. Очевидно, что функционально-стилевой фактор является определяющим для структуры парентезы. В частности, научная речь стремится к ясности, четкости, законченности мысли. Парентеза, появляясь в научном тексте, оформлена, как правило, номинальной фразой или предложением; часты также парентетические слова – уточнители или определители. Например:

Das 1. Kapitel erörtert Grundfragen der Grammatiktheorie. Eingegangen wird auf das Sprachsystem im weiten und engen Sinn (letzteres als Gegenstand der Grammatik

und Orthographie), auf Komponenten (Ebenen) des Sprachsystems, das sprachliche Zeichen (das bilateral aufgefaßt wird), die Problematik der Abgrenzung von Zeichen und Zeichenkombination, auf funktional-semantiche (v.a. grammatisch-semantiche) Felder, auf das Verhältnis von gesprochener und geschriebener Sprache und den Begriff der Norm (im Verhältnis zu System und Usus). (Berná Skibitzky).

В разговорном языке, в художественной, часто и в газетной речи, где имитируется разговорный язык, парентезе свойственна усеченная структура: незаконченная номинальная или вербальная фраза, эллипсис, однословная парентеза - реплика.

Hellblauer Silastikpullover, dunkelblauer Silastikpullover, Strümpfe - bei der Hitze, - weiße Sandaletten mit niedrigem Absatz. (H. Schubert)

Функционально-стилевой фактор позволяет систематизировать смысловые оттенки содержания парентезы и определить три направления, по которым идет развитие содержания этого понятия:

- 1) информативно насыщенные, уточняющие;
- 2) ассоциативные, непредсказуемые, связанные с фоновыми знаниями;
- 3) эмоционально-оценочные, включающие в процессе коммуникации и канал невербальных средств передачи информации, таких как мимика и жесты.

Здесь нет резко очерченных границ. Можно отметить к какой функционально-стилевой сфере тяготеет парентеза в процессе коммуникации. Так, информативно насыщенные парентезы имеют тенденцию активно включаться в строй научной речи; в то время как фоновые знания и ассоциации более свойственны разговорному языку; художественная речь не мыслима без эмоций, оценок. Однако речевая деятельность столь многопланова, что любое языковое явление, в частности, парентеза, может приобретать новую функцию при необ-

ходимости.

Рассмотрим языковые факты, подтверждающие эту мысль. Синтаксис коротких рассказов Х.Шуберт с множеством действующих лиц имеет черты, имитирующие синтаксис разговорного языка - его фрагментарность: незаконченность высказывания, которое подхватывается следующим говорящим или повисает в воздухе, предлагая читателю имплицитность решения; перебивы, самоперебивы - экспромты.

Kann man als Frau den Gedanken nicht ertragen, daß der eigene Mann - schon das Wort "eigene" - eine andere wirklich begehrt und sie verführt, auch gegen ihren anfänglichen Widerstand? (H.Schubert, S.156-157)

Парентеза непреднамеренно вклинивается в канву речи героини, прерывая ее невеселый рассказ о жизни, но придавая ему оттенок иронии и сарказма.

Haushaltstag haben - denken Sie nicht, daß ich am Haushaltstag putze und wienere, das mache ich abends-, eine Freundin zu Besuch, mit der man in Ruhe alles besprechen kann. (H.Schubert, S.151)

Это парентеза-реплика, однако она содержит целый мини-рассказ, из которого становится ясен образ жизни говорящего; прослеживается ее интенция вызвать заинтересованность слушающего и его речевую реакцию.

Парентеза в художественной речи может носить и деловой, уточняющий информирующий характер:

Wir haben einen sehr begabten jungen Schriftsteller, leider habe ich seinen Namen vergessen, der das Porträt eines vielbeschäftigten Wissenschaftlers schreiben sollte und einfach nicht an ihn herankam. (H.Schubert, S.89-90)

Эксплицирующая функция парентезы может проявляться в языке средств массовой информации:

Für den 4. bis 31. Juli sowie für den 2. bis 29. August werden ferner Kurse Schwimmen für Erwachsene (Vorverkauf ab 18. Mai) sowie Kraft und Konditionierung (ab 29. Mai) angeboten. (ND).

Приведем также пример того, как строй научной речи пользуется не только свойственными ему информативно насыщенными вклиниваниями, но и не отказывается от возникающих ассоциаций, которые приобретают форму парентезы.

..der Einsatz literarischer Texte im FU ist bis heute umstritten. Das kann auch gar nicht anders sein, weil nicht einfach dort angeknüpft werden kann, wo der literarische Text - aus welchen Gründen auch immer - aus der Schulstube verbannt wurde. (M. Löschmann, in: DaF)

Поведение парентезы в процессе коммуникации многообразно; парентеза соответствует ассоциативному мышлению, появляясь при последовательности развития построения речи. Определяющим фактором изучения парентезы является функционально-стилевой; ее основное назначение - участие в реализации речевой цели отправителя информации для оптимального воздействия на слушателя-читателя.

Библиографический список

1. Mittelberg E. Wortschatz und Syntax der Bildzeitung// Marburger Beiträge zur Germanistik. Marburg, 1967. S. 317.
2. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
3. См. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.
4. Долгова О.В. Синтаксис как наука о построении речи. М., 1980.

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО НА
ОБРАЗОВАНИЕ КОНСТРУКЦИИ For+Infinitive

В системе имени прилагательного современного английского языка можно выделить особый разряд единиц, обладающих реляционным значением, т.е. таких, которые передают признак предмета не непосредственно, а в отношении некоторого другого предмета, чаще всего одушевленного субъекта. К числу таких прилагательных можно отнести easy, difficult, interesting, dangerous и т.п. Основным показателем реляционных свойств прилагательного является возможность присоединения предложной группы for/to smb. Ср.: easy for me, interesting for me, но не *wooden to me или *tall to me. При этом существительное или местоимение в составе предложной группы является языковым выражением реляционного субъекта, т.е. того лица, в отношении которого мыслится признак.

Связи прилагательных с реляционным субъектом настолько прочны, что в ряде случаев они оказываются более существенными, чем субъектно-предикатные отношения внутри конструкции For + Infinitive. [1, с.201]. Р.Лис указывает на возможность следующей трансформации:

For John to do it is good → It is good for John to do it.

По мнению автора, полученная в результате трансформации конструкция неоднозначна. Прослеживаются две возможности интерпретации в зависимости от того, где проведена синтаксическая граница: It is good for John (to do it) - (It is good) for John to do it [2, с.214].

Р.Лис, однако, не анализирует этого явления. Вместе с тем, языковой материал показывает, что существует некоторая зависимость между семантикой прилагательного и тем, как строятся его отношения с конструкцией For+Infinitive.

Прежде всего следует отметить, что двусмысленные высказывания образуются только при сочетании инфинитивной конструкции с реляционными прилагательными. В остальных случаях конструкция сохраняет свою целостность и проведение синтаксической границы после предложной группы делает высказывание аномальным: " Yes ?" Rodney inquired , as if he was eager /for Henry to continue. (Woolf, p.191). Структура типа - he was eager for Henry - невозможна для английского языка.

Что же касается реляционных прилагательных, то их отношения с конструкцией for + Infinitive складываются более сложно. Рассмотрим ряд факторов, указывающих на непрочность связей между предложной группой и инфинитивом при сочетании с реляционным прилагательным.

1. Возможность перестановки элементов: It's too difficult to say, for me. (Beckett, p.31). And for him too, it was best to keep aloof. (Woolf, p.309).

В приведенных примерах имеются оба элемента, составляющие конструкцию for + Infinitive, но конструкция не обрывается.

2. Возможность сохранения предлога to в предложной группе перед инфинитивом: It was very interesting to Gurdun/to think of his making the great granite frieze for a great factory in Cologne. (Lawrence, p.476).

В этом случае, как и в предыдущем, место синтаксической границы не вызывает сомнений. Наиболее тесная связь прослеживается между прилагательным interesting и предложной группой to Gurdun. Место подлежащего может занять только инфинитив. Попытка заменить сочетание предложной группы с инфинитивной конструкцией for + Infinitive привела бы к полному искажению смысла: For Gurdun to think of his making the great granite frieze/was interesting.

3. Возможность появления обстоятельственных элементов между предложной группой и инфинитивом: But it was for a long time impossible for Morgan, as she lingered

miserably in America to think of seeing Hilda or of writing to her frankly... (Murdock¹, p.151).

В этом примере на непрочность связей между предложной группой и инфинитивом указывает вторгшееся между ними обстоятельство времени *as she lingered miserably in America*. Попытка поставить предложную группу с инфинитивом на место подлежащего, исключив из высказывания обстоятельство, также не приводит к образованию конструкции: *For Morgan /to think of seeing Hilda... was impossible*. Сохранение общего смысла высказывания требует, чтобы граница была проведена после предложной группы и перед инфинитивом. В противном случае мы получим: невозможно, что Морган думала о том, чтобы встретиться с Хильдой.

Приведенные примеры показывают, что присутствие в высказывании реляционного прилагательного затрудняет образование конструкции *for + Infinitive*. На первый взгляд, может даже показаться, что основным фактором, определяющим целостность конструкции, является возможность или невозможность сочетания прилагательного с предложной группой. Однако это не совсем так. Ср.: "Look Meggie, it's wrong / for you to dream about a priest and it's time you understood it". (McCullough, p.236).

Хотя для прилагательного *wrong* и возможно сочетание с предлогом *for*, в приведенном примере граница отделяет его от инфинитивной конструкции. Таким образом оказывается, что сочетаемость прилагательного является важным, но не определяющим фактором при образовании конструкции *for + Infinitive*.

Представляется, что одним из основных условий автономности конструкции *for + Infinitive* является следующее: субъект при инфинитиве не должен совпадать с реляционным субъектом при прилагательном. Если это так, то именной элемент в составе предложной группы не подпадает под влияние реляционного прилагательного: "Ask Miss Thompson when it would be convenient / for me to see her". (Maughan, p.54).

В приведенном примере конструкция автономна по отношению к прилагательному, также как субъект при инфинитиве I, а реляционный субъект Miss Thompson, ибо именно в отношении нее мыслится признак convenient. В полном виде высказывание должно было бы выглядеть так: Ask Miss Thompson when it would be convenient for her / for me to see her. Однако реляционный субъект при прилагательном подразумевается контекстом, поэтому отпадает необходимость лишней раз выделять его.

Одним из показателей целостности конструкции for + Infinitive является возможность ее трансформации в that-clause с показателем сослагательного наклонения. На возможность такой трансформации указывают Кипарские [3]. Ср.: Ask Miss Thompson when it would be convenient for me to see her → When it would be convenient (for Miss Thompson) that I should see her.

Синонимичность that - clause с показателем сослагательного наклонения и конструкции for + Infinitive допускает их параллельное использование в текстах: "It is not fitting that dogs should be in the church. Leave the dogs at home ... и далее He turned to the dogs in the corner. "You must stay here... It would not be good for you to go to church" (Steinbeck, p.101).

Во втором примере в качестве реляционного субъекта, блокирующего связь прилагательного good с предложной группой, выступает социальная норма, обобщенный реляционный субъект, выражающий общепринятую точку зрения, которой подчиняется говорящий. Если представить себе, что границу можно провести между предложной группой и инфинитивом, то мы получим высказывание совершенно иного смысла: собакам вредно ходить в церковь.

Формальным показателем целостности конструкции For + Infinitive является возможность появления обстоятельств между прилагательным и предложной группой: He still thinks it's arthritis. We naturally think it proper in

such cases for the relatives to decide. (Murdock¹, p.128). Но даже если опустить обстоятельство *in such cases*, синтаксическая граница не изменит своего положения. В качестве реляционного субъекта выступает в этом случае мнение врачей *proper for us, doctors*. Таким образом и здесь субъект при инфинитиве не совпадает с реляционным субъектом.

Рассмотрим обратный случай, когда реляционный субъект и субъект инфинитива совпадают. Тогда смысловая и синтаксическая граница проходит между предложной группой и инфинитивом. Это особенно часто происходит при прилагательных *easy, difficult, hard, dangerous, useful, useless, pleasant, etc.* (Однако такое совпадение при указанных прилагательных не является обязательным, см. ниже): "It is easy for you / to cry. But what can I do?" (Bellow, p.118).

Во всех приведенных примерах связь прилагательного с предложной группой оказывается более прочной, чем ее связь с инфинитивом. Реляционный субъект при этом является одновременно и субъектом инфинитива: *easy for you to cry - easy for you ; you cry*. Если же попытаться преобразовать сочетание предложной группы с инфинитивом в *that-clause*, то так или иначе на месте предложной группы образуется лакуна, которая будет нуждаться в заполнении. *It's easy / for you to cry* → **That you should cry is easy(...)*

Таким образом оказывается, что преобразование сочетания предложной группы с инфинитивом в *that-clause* ведет к нарушению смысла высказывания, а следовательно это сочетание не может рассматриваться как конструкция.

Единство прилагательного и предложной группы может усиливаться контекстуальным фактором *There had never been a queen in England, and it would have been very hard for a woman / to rule in those times of constant war and bloodshed.* (Gardiner, p.131).

Здесь выделительная функция реляционного субъекта подчеркивается указанием на условия выделения. There had never been a queen... Между существительными queen и woman устанавливаются отношения тождества, благодаря которым предложная группа становится фокусом высказывания, его коммуникативно существенным элементом. Если исключить предложную группу из высказывания, то, внутри него разрушаются смысловые отношения: "There had never been a queen in England, and it would have been very hard () to rule in those times..."

Конструкция for + Infinitive также не образуется, если значение реляционного субъекта не сочетается со значением глагола в инфинитиве It's bad for one's locus stardi / to live on a woman's charity. (Murdock², p.21). В этом случае неодушевленный субъект locus stardi не может сочетаться с глаголом to live который требует, чтобы при нем было одушевленное существительное.

Несмотря на то, что критерий совпадения или несовпадения реляционного субъекта и субъекте инфинитива является достаточно сильным, в ряде случаев сохраняется возможность двойной интерпретации высказывания. Основным фактором, разрешающим двусмысленность, является коммуникативное намерение говорящего (или автора текста). Такое положение характерно для прилагательных, легко сочетающихся с предложной группой for/ to amb. Рассмотрим пример этого типа и приведем параллельно случай использования того же прилагательного с предложной группой, но без инфинитива: "It isn't nice for a baby to have no father" (McCullough, p. 204). " I always think it(marriage)'s so much better than free Love, don't you. Nicer for the children. Looks better on their passports". (Christie, p.44).

Представляется, что для первого примера возможны две интерпретации, не нарушающие смысловых связей в тексте и полностью определяющиеся коммуникативным намерением

говорящего; 1) That a baby should have no father isn't nice; 2) To have no father isn't nice for baby.

Двойная интерпретация возможна также для высказываний с такими прилагательными как good, bad, proper, urgent, important, right, pointless, natural (unnatural, usual) unusual, honourable, necessary, etc.

Анализ материала показывает, что в подобных случаях в высказывании можно провести две границы, одну, выделяющую всю конструкцию for + Infinitive, а другую - между предложной группой и инфинитивом. Часто (как в приведенном выше примере) даже знание контекста не дает оснований для того или иного деления. Это позволяет утверждать, что существенным фактором при определении смысловой границы является коммуникативное намерение говорящего.

В заключение следует отметить, что решение вопроса о выделении конструкции for + Infinitive при реляционных прилагательных не является однозначным. Семантика прилагательного в значительной степени прелатствует образованию конструкции. В связи с этим при синтаксическом анализе следует учитывать три основных условия: 1. семантику прилагательного, 2. отношения между реляционным субъектом и субъектом инфинитива, 3. коммуникативное намерение говорящего.

Библиографический список

1. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка. М., 1976.
2. Lees R.B. A Multiply Ambiguous Adjectival Construction in English Language // 1960. Vol.36. N 29, P1214.
3. Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // Semantics. Cambridge, 1971. P.364.

Список сокращений

- Beckett - S.Beckett. Molloy. N.Y., 1965.
Bellow - S.Bellow. Dangling Man. N.Y., 1965.
Christie - A.Christie. Hickory Dickory Death. N.Y., 1966.
Gardiner - S.R.Gardiner. A Student's History of England.
L., 1902.
James - E.James. The Aspern Papers. L., 1973.
Lawrence - D.H.Lawrence. Women in Love. L., 1973.
Maugham - S.Maugham. Rain and other Stories. Moscow.,
1977.
McCullough - McCullough. The Thorn Birds. N.Y., 1976.
Murdock 1 - I.Murdock. A Fairly Honourable Defeat. L., 1973.
Murdock 2 - I.Murdock. Under the Net. L., 1972.

Г.И. Моркунас

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ РОЛИ ИМЕН
КАЧЕСТВА В МОДЕЛИ $S + V_t + O_d$

Имена качества, как известно, являются результатом частеречевой транспозиции. По своему лексическому значению они близки именам прилагательным, обозначающим качество, а присущие им грамматические свойства позволяют считать их именами существительными. Как указывает Г.А.Солодова, "Семантико-грамматическая специфика имен качества определяется в значительной мере тем, что в языке они служат не прямым, а косвенным средством, обозначения качества, ... подкласс имен качества отличается, таким образом, двойственной семантико-грамматической природой, двойственность эта - результат взаимодействия в этих именах категориальных значений предметности в качестве" [1, с.180].

Транспозиция имен прилагательных в имена существительные влечет за собой изменения не только в синтаксическом, но и в семантическом плане. Транспозиция частей речи является отображением анализа внеязыковой действительности человеческим умом. Данный анализ позволяет отделить качество от его носителя, что дает возможность разносторонне отразить роль качества в различных процессах и тем самым приводит к сложной и неиконической интерпретации окружающего мира. Имена прилагательные из-за своей синтаксической зависимости способны играть лишь роль определителя, характеризатора (в настоящей работе семантические роли понимаются не только в плане онтологии, но и в плане создаваемой языком действительности сознания). При транспозиции имен прилагательных в имена существительные новый синтаксический статус открывает им возможность других ролей: например, на уровне онтологии — каузатора, объекта восприятия (перцептива), на уровне логического членения — носителя признака и т.д. Данные роли исключаются для прилагательных. Таким образом, можно сказать, что один и тот же отрезок действительности представляется разными частями речи по разному [2, с.143]. Однако из этого нельзя делать вывод, что одна лишь только частеречевая принадлежность определяет семантические роли той или иной лексемы. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить семантические роли, свойственные именам качества, и семантические роли имен со значением одушевленных лиц: последние способны быть агенсами, а первые не имеют такой возможности. Это значит, что при определении семантических ролей того или иного слова, важное место занимает его лексическое значение. Можно предположить, что именно взаимодействие лексического значения и синтаксических функций предопределяет потенциальный набор семантических ролей именной лексемы.

Семантические роли имен качества проявляются через их сочетаемость с глаголами. Задача настоящей работы со-

стоит в том, чтобы выявить закономерности сочетаемости имен качества (в функции подлежащего и прямого дополнения) с переходными глаголами. Объектом анализа являются предложения со структурно-семантической моделью $S + V_t + O_d$.

Анализ языкового материала показал, что сочетаемость имен качества с глаголами зависит от следующих факторов: 1) от выполняемой синтаксической функции; 2) от семантики второго именного компонента модели.

Заметим, что в настоящей работе имена качества исследуются только в их прямом значении вне метафорического употребления.

В функции подлежащего имена качества чаще всего выполняют роль каузатора. В реальности качества не могут производить действие, т.е. не способны стать субъектом или агенсом. Таким образом, занимая позицию подлежащего, имена качества в основном сочетаются с глаголами, обозначающими различные каузальные связи; во-первых, возникновение определенного психического состояния у объекта в результате воздействия на него (*attrister, ébahir, inquiéter, étonner, désconcerter, préoccuper* и т.п.); во-вторых, благоприятное или неблагоприятное воздействие на формирование новой ситуации (*empêcher, favoriser* и т.п.).

Например:

La lenteur des changements l'inquiéta (S.B., p.77).

L'opulence de la Suisse m'a ébahie (S.B., p.127).

Sa timidité l'avait beaucoup gênée (B.Cl., p.20).

La gaucherie de ce geste la toucha (R.M., p.59).

Une délicatesse élémentaire m'empêche de m'approcher de Mlle Dreyfus (Ajar, p.31).

Однако каждый из этих глаголов допускает лишь определенный круг дополнений. При сочетании этих глаголов с дополнениями решающую роль играют такие семы как одушевленность, предметность, абстрактность. Глаголы *attrister, inquiéter, désconcerter*, например, не могут сочетаться с дополнениями-именами предмета или абстрактного понятия, так как они

обозначают каузирование эмоциональных реакций лица.

Таким образом, в каждом конкретном предложении с подлежащим именем качества круг возможных каузативных глаголов ограничивается в зависимости от семантической природы дополнения. Как указывает Н.Д.Арутюнова, "охарактеризовать формальный объект действия значит определить ограничения на семантическую сочетаемость глагола через указание на свойство предмета, обозначенного в его объекте. [8, с. 115].

Лексическое значение имени-подлежащего определяет весь круг глаголов, с которыми оно может сочетаться, а лексическое значение дополнения в каждом конкретном случае этот круг в той или иной степени сужает.

Роль каузатора не является единственной возможной семантической ролью для имен качества в функции подлежащего. В этой функции качество на уровне логического членения может быть представлено как носитель определенных признаков, т.е. как логический субъект. Данная роль определяет сочетаемость имен качества с глаголами, обозначающими предикирование признака:

и т.п.

Например:

Mais la vie est brève, le temps rapide et sa propre énergie avait des limites (C., p.125).

Car pour elle, la distinction était quelque chose d'absolument indépendant du rang social (P., p.44).

Очевидно, что круг именных компонентов при этих глаголах является тоже весьма ограниченным, он сводится к абстрактным существительным.

В функции прямого дополнения имени качества сочетаются с иным кругом глаголов чем те, которые мы наблюдаем при имени качества в функции подлежащего. В функции дополнения имени качества могут выполнять роль объекта восприятия, знания, или умственной деятельности, т.е. перцептива.

Например:

Fabrien avait besoin de déposer les armes, de ressentir sa lourdeur et ses courbatures (Ex., p.32).

Je sentais sur ma peau la fraîcheur qui montait de l'eau...

(S.B., p.140)

Elle connaissait sa violence (B.-N., p.31).

Elle ne mettait pas en doute sa clairvoyance (B.-N., p.27).

Перцептив может быть вместе с тем объектом оценки, причем оценка может сопровождаться эмоцией:

On aurait excusé ces singularités, si Sartre s'était abrité derrière son personnage descriptif (S.B., p.65).

Elle aimait la violence et elle riait de tout (S.B., p.133).

Ils admirèrent l'efficacité de Jérôme (S., p.10).

Особо следует остановиться на семантической структуре предложений типа:

Je perdis mon assurance (S.B., p.77).

Tout y prenait une sobriété saisissante (Ex., p.95).

Своеобразие функционирования имен качества в подобных структурах заключается в следующем. С точки зрения субъективно-предикатной структуры предложения имена качества предикцируют признак в определенной фазе логическому и грамматическому субъекту "je" и "tout". Между тем, в плане языковой семантики данные предложения представляют собой бытийные предложения, в которых семантическим субъектом выступает имя качества, фазовость бытия обозначена переходными глаголами perdre, prendre, а локализатором бытия выступают местоимения в роли подлежащего.

Имена качества могут занимать позицию дополнения в предложениях характеристики. В подобных структурах они семантически являются не объектом, а предикцируемым признаком.

Например:

Quand aux anciennes salines qui semblent présenter la rigidité de l'asphalte, elles cèdent parfois sous le poids des roues (Ex., p.122).

À la vérité, il s'agissait surtout de femmes du monde, mais qui avaient une grande simplicité de manières (C., p.125).

Имена качества в функции дополнения могут сочетаться и с глаголами обозначающими местонахождение в пространстве. При этом, имена качества управляют дополнением — именем предмета.

Например:

Le journal déplié couvrait toute la largeur de la toile cirée (Sartre, p.6).

C'était une grande pièce qui occupait toute la largeur de la maison (Vian, p.67).

Особенность этих примеров состоит в том, что подлежащее является именем неодушевленного предмета. Тем самым, в данных предложениях происходит пространственное отождествление предмета, отраженного как подлежащее, и предмета, являющегося носителем признака "largeur". При одушевленном подлежащем подобное сравнение невозможно. Таким образом, имена качества могут выступать как эталон своеобразного скрытого сравнения предметов. При этом, имена качества служат скрытому предсказанию признака: качество одного предмета приписывается другому.

Еще один семантический тип глаголов, с которыми могут сочетаться имена качества в функции дополнения, представляет собой каузативные глаголы. К таким глаголам относятся глаголы diminuer, amoindrir, augmenter, обозначающие количественные изменения по линии убывания или возрастания. Они требуют абстрактных объектов, в число которых входят и имена качества:

Diminuer (la longueur, la largeur, la vitesse, l'intensité) (Petit Robert, p.543).

Augmenter (la durée, la hauteur, la largeur) (Petit Robert, p.131).

При сочетании с каузативными глаголами, имена качества — дополнения играют роль не каузатора, а объекта воздействия, т.е. пациента.

Таким образом можно заключить, что в позиции дополнения, имена качества сочетаются с глаголами, обозначающими восприятие, оценку, знание, умственную деятельность, бытие, предсцирование признака, каузацию, местонахождение в пространстве. Что касается подлежащих, которые могут употребляться при этих глаголах, следует отметить, что глаголы восприятия, знания, умственной деятельности, оценки допускают только одушевленные подлежащие, а глаголы обозначающие местонахождение в пространстве - только неодушевленные, а все оставшиеся семантические типы глаголов - оба вида подлежащих.

Из проведенного анализа явствует, что круг глаголов, свойственных именам качества в функции подлежащего пересекается с кругом глаголов, свойственных именам качества в функции прямого дополнения. К глаголам, общим для имен качества в обеих функциях относятся каузативные глаголы и глаголы обозначающие предсцирование признака. Глаголы, обозначающие перцепцию, умственную деятельность, оценку, местонахождения в пространстве сочетаются с именами качества только в функции прямого дополнения.

Тот факт, что глаголы некоторых семантических групп встречаются при именах качества в обеих функциях, не влияет, однако, на различие их семантических ролей. В рамках структурно-семантической модели предложения $S + V_t + O_d$ семантические роли имен качества в функции подлежащего всегда отличаются от его семантических ролей в функции дополнения. Это объясняется тем, что каждая структурно-семантическая модель предложения отображает определенный тип ситуации (предметных отношений). [4, с.142].

Общее значение модели $S + V_t + O_d$ - отношение субъекта к объекту. При этом данное отношение является всегда односторонним: дополнения с подлежащим нельзя поменять местами. Более того, в рамках данной модели, никакой трансформацией невозможно нарушить ограничения, налагаемые синтаксической функцией на семантические роли.

Таким образом, из всего, что было сказано выше, можно сделать следующие выводы:

1. В рамках структурно-семантической модели имена качества в функции подлежащего и в функции дополнения играют строго определенные и непересекающиеся семантические роли.

2. Изменения конфигурации семантических ролей имен качества относительно их синтаксической функции приводят к изменению всей структурно-семантической модели предложения.

3. Семантические типы глаголов, с которыми сочетаются имена качества в обеих функциях, не являются свойственными только этому подклассу существительных. Многие из этих глаголов могут сочетаться и с другими подклассами существительных. Это объясняется тем, что процессы, обозначаемые данными глаголами, охватывают более обширный круг явлений, нежели имена качества. Порой они охватывают практически всю материю (например, глаголы восприятия).

Библиографический список

1. Золотова Г.А. О синтаксических свойствах имен качества // Синтаксис и стилистика. М., 1973.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
4. Гак В.А. Теоретическая грамматика французского языка (синтаксис). М., 1986.

Список художественной литературы

1. Ajar - Emile Ajar. Gros Câlin. P., 1977.
2. S.B. - Simone de Beauvoir. La force des choses. P., 1972.
3. B.-N. - Boileau-Marcejac. Operation printemps. P., 1973.
4. C. - Albert Camus. L'exil et le royaume. P., 1973.
5. B.Cl. - Bernard Clavel. Le voyage du père. P., 1965.
6. Ex. - - Antoine de Saint-Exupéry. Oeuvres. M., 1968.

7. R.M. - Robert Merle. Derrière la vitre. P., 1970.
8. P. - Marcel Proust. A la recherche du temps perdu. M., 1976.
9. S. - Françoise Sagan. Des yeux de soie. P., 1981.
10. Sartre- Jean-Paul Sartre. Le S rsis. P., 1945.
11. Vian - Boris Vian. L'écume des jours. P., 1984.

А.С. Начисчионе

О ПОНЯТИИ "РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ" КАК ПРИЕМЕ ИХ ОККАЗИОНАЛЬНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РЕЧИ

В последние годы значительно повысился интерес к вопросам теории фразеологической стилистики, в особенности к исследованию семантической структуры окказионально преобразованных фразеологических единиц /ФЕ/ в речи. Одним из основополагающих теоретических вопросов является понятие приема окказионального преобразования ФЕ.

В основе каждой окказионально преобразованной ФЕ лежит готовый языковой прием, характеризуемый не только определенной внешней формой, но и определенной семантикой и стилистическим эффектом. С точки зрения марксистской диалектики стилистический прием является одним из образных средств отражения мира. Прием раскрывает сущность организации внутренней формы ФЕ. При изменении приема фразеологическая единица приобретает новую внутреннюю форму. Как показали исследования по фразеологической семантике, "структура внутренней формы ФЕ зависит от способа образования фразеологического значения" [1, с.19]. Каждый прием, являясь элементом языка, обладает определенной семантической структурой, которая обязательна для любой окказиональной формы, созданной при помощи того или иного стилистического приема. При определении приема количественный фактор должен сочетаться с семантическими и стилистическими показателями.

Выделение некоторыми лингвистами окказионального распространения фразеологических единиц как отдельного приема [2, с. 129; 3; 4; 5, с. 103-153] представляется необоснованным ввиду отсутствия общих семантических и стилистических характеристик, а также наличия разных синтаксических структур распространения. Детальный анализ каждой разновидности распространения показывает, что мы имеем дело с целой группой приемов, которые характеризуются увеличением количества компонентов и вместе с тем являются разнородными по своей семантической структуре и создаваемому стилистическому эффекту.

Обратимся к примерам. Языковой материал показывает, что для целого ряда приемов характерно распространение компонентного состава ФЕ при окказиональном использовании.

1. Фразеологическая зевгма (при структурно-семантической разновидности зевгмы, когда окказиональные элементы расширяют структуру ФЕ в речи).

to face the music

Certainly Poggartism was mad enough to look ahead, to be fundamental, and to ask the country to face its own position and the music in the bargain.

(J. Galsworthy. The Silver Spoon)

2. Контаминация (когда окказиональное распространение происходит за счет компонентов другой ФЕ).

under smb's eye

under smb's thumb

Never mind. Isabel was happy. She had her home and she had George Augustus under her eye and thumb, and she had her baby - whom she adored with all the selfishness of a pure woman...

(R. Aldington. Death of a Hero).

3. Замена (с распространением структуры ФЕ, в данном случае - эвфемистическая замена).

to cast pearls before swine

Mr. Purfleet was vexed, It was to cast pearls of sensation and eloquence before, well, Colonel's daughters.

(R. Aldington. The Colonel's Daughter)

4. Перифраз (в данном примере это метонимический перифраз компонента ФЕ).

a beggar may sing before a thief

A mans purse penniless may sing before a thiefe.

(Peele, 1593)

5. Вклинивание (в данном примере это вклинивание перенесенного эпитета).

to mend one's ways

... and one might even proceed to see her as an early victim of male chauvinism, sent to Shaftesbury to mend her wicked ways.

(J. Fowles. A Personal Note)

Приведенные выше виды окказиональных изменений объединяются одним общим признаком - количественным увеличением компонентного состава. Однако нет сомнений, что данные распространения разнородны по своей семантической структуре, и что они представляют собой стилистически разнородные явления. При выделении распространения как отдельного элементарного приема не учитывается способ образования значения окказионально преобразованной ФЕ и недооцениваются семантические и стилистические факторы при классификации приемов. При анализе приемов необходимо исходить не только из изменений структуры ФЕ и ее компонентного состава, но из типа семантических изменений и стилистического компонента значения ФЕ. Каждому приему окказионального преобразования ФЕ свойственны однотипные семан-

тические и стилистические изменения, которые носят системный характер. Марксистское положение о том, что содержание является ведущим по отношению к форме, правомерно и в области фразеологической стилистики. При выделении приема формальные признаки должны подчиняться смысловой стороне окказиональных изменений ФЕ.

Таким образом, распространение нельзя рассматривать как отдельный стилистический прием, так как оно включает в себя целую группу приемов, которые не обнаруживают общих семантических и стилистических характеристик.

Библиографический список

1. Мелерович А.М. К вопросу о типологии внутренних форм фразеологических единиц современного русского языка // Активные процессы в области русской фразеологии. Иваново, 1980. С.13-35.
2. Шадрин Н.Л. Перевод контекстуально-преобразованных фразеологических единиц как семантико-стилистическая проблема: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.
3. Шадрин Н.Л. Окказиональное распространение фразеологических единиц и отражение этого приема в переводе // Язык и стиль английского художественного текста. Л., 1977. С.142 - 151.
4. Гнатюк И.С. Трансформация традиционных фразеологизмов в языке современной украинской прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1982.
5. Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц (на материале советского фельетона). М., 1978.

О.Л. Оболинъ

О СТРУКТУРНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЕДИНИЦ В КОНТЕКСТЕ
(на материале французского языка)

В номинации вещественного признака в современном французском языке активно взаимодействуют вещественные прилагательные /ВП/, аналитические конструкции /АК/ и адъективированные существительные /АС/. Исследование взаимоотношения между указанными единицами убеждает в том, что АК и АС существуют и функционируют в языке не изолированно, а с момента появления активно вступают в различные системные отношения с уже существующими единицами, подчеркивая тем самым системный характер словообразования (аффиксального, аналитического и семантического). Системные отношения, в которые вступает разноструктурные синонимы, могут быть представлены тремя основными типами:

1. ВП могут вовсе отсутствовать: *de crin (gant)*, *de guipure (rideaux)*, *de chêne (plancher)*, *d'acajou (table)*. В таком случае ВП — единственный способ вещественной характеристики. Функционирование аналитической модели в качестве единственного способа вещественной характеристики обусловлено явлением лексического параллелизма, т.е. существованием в языке семантически соотносенных рядов однокорневых слов в составе разных частей речи [1, с. 71]. Наличие лакун в лексических параллельных рядах приводит к неизбежному функциональному замещению слов одной части речи словами другой. Ср.: *рожь* — *ржаной*, но *seigle* — *de seigle*.

2. АК имеет в языке этимологически чуждые, но семантически сходные цельнообразованные прилагательные. Данное явление в языке обусловлено незаполненностью ряда прилагательных, что порождает стремление языка заполнить образовавшуюся брешь этимологически чуждым, но семантически сходным материалом: *d'eau* — *aquatique* — *aquieux*; *de papier* — *paperier*. Подобные образования, как правило,

семантически неадекватны: *l'industrie papetière* - *nappe de papier* - *riveteuse à papier* - *franc papier*; *roche calcaire* - *mur de chaux* - *fours à chaux*; *lésion cutanée* - *sac de peau*; *ville aquatique* не эквивалентно *ville d'eau*. Несмотря на тождество дистрибуций, формальное различие в данном случае служит целям дифференциации лексического значения атрибутивных словосочетаний. Этимологически неродственные единицы, коррелирующие в отдельных ЛСВ (лексико-семантических вариантах), противопоставляются по стиливым свойствам: *vert aquatique* (термин живописи) - *vert d'eau* (художественный стиль); *eau pluviale* - *eau de pluie*, а также по дистрибутивным признакам: *plantes aquatiques* - *plantes, ver, perdrix d'eau*. ВП испытывают обычно тяготение к антецедентам, обозначающим родовые понятия, тогда как АК тяготеет к видовым понятиям. Возможно также соотношение обратного порядка: *allergie, cancer cutanés* - *maladie de peau*. Полное семантическое и дистрибутивное тождество между образованиями исследуемого типа наблюдается лишь в терминологиях: *vapeur aqueuse* / *vapeur d'eau*; *sel aurique* / *sel d'or* (химия).

8. АК имеют в языке однокоренные, этимологически родственные цельные ВП: *d'acier* - *aciéré* - *aciéreux* - *acier*, с которыми они образуют разноструктурные парадигматические ряды в системе имени прилагательного. Данный тип разноструктурных синонимов является, как показывает исследование, наиболее продуктивным. Корреляция происходит как по прямым, так и по переносным (реже) значениям преимущественно в одном ЛСВ. Преобладают параллели с полностью или частично дифференцированными единицами. Равнозначные парадигмы обнаруживают тенденцию к семантико-стилистическому размежеванию. Выделяются три типа единиц: однокоренные словообразовательные варианты (этимологически родственные, совпадающие по значению единицы, находящиеся в отношении полной эквивалентности); однокоренные синонимы (этимологически родственные, близкие по значению еди-

ницы, находящиеся в отношении неполной эквивалентности (и разные) разноструктурные параллели с семантически разными единицами).

Дублетные образования характерны для терминологических подсистем: les sels de potassium - les sels potassiques (химия). В общеупотребительном языке равнозначные формы противопоставляются по стиливым, временным и дистрибутивным свойствам. В частности, однозначные de plastique и plastique дифференцируются по дистрибутивному признаку. АК обнаруживает широкую сочетаемость с лексико-семантической группой существительных, обозначающих конкретные предметы, тогда как ВП встречается в основном с matière; cube, sac, épingles de plastique - protèse en matière plastique. Тождественные по смыслу vinylique - de/en vinyl - vinyl дифференцируются по стиливому признаку и употребительности. ВП свойственно книжному стилю: tissu vinylique. Форма с en и AC распространены в рекламе. Причем, AC фигурирует обычно в рекламном слого не требующем максимальной экономии средств и выразительности: manteau vinyl doublé. Конструкция же с en концентрирует внимание покупателя на материале, из которого изготовлен предмет: bagages de luxe en vinyl épais granit. Взаимная субституция разноструктурных единиц в таких случаях ограничена стиливым и структурным факторами, т.к. признак, выраженный существительным, может иметь свое определение и, следовательно, более всесторонне и глубоко характеризовать определяемое, что ВП не свойственно.

Изучение разноструктурной синонимии показало, что коррелирующие разнооформленные единицы находятся в отношениях супплетивности. Их наличие способствует совершенствованию коммуникативной четкости единиц и дает возможность широкого стилистического варьирования способов выражения. Наблюдения позволили установить факторы, предопределяющие в большей или меньшей степени появление той или иной формы: 1) невозможность образования от ряда именных основ цельнооформленных ВП; 2) семантическая

специализация форм; 3) стилистическая дифференциация форм; размежевание в стилевой, временной и социальной определенности; 4) дистрибутивная связанность форм (закрепленность за определенным носителем); 5) фразеологическая связанность форм (терминологичность словосочетаний); 6) условия распространения словосочетаний; 7) характер синонимических отношений. Так, анализ обнаруживает, что аналитическим формам в большей степени свойственно обозначение объектных (*production d'acier*), субъектных отношений (*chute d'eau*), отношений к предмету как носителю признака (*fraicheur d'eau*). Они являются основным носителем значения однородности вещественного состава (*maison de bois*) и назначения (*carte de pain*), единственным выразителем инструментальности (*coup de sang*) и характеристики на основе отношения целого к части (*poudre de sable*).

В свою очередь ВП указывают преимущественно на наличие качества (*vertu balsamique*), свойства (*diamant glaceux*), на отношение к объекту производства (*industrie cotonnière, lainière*), на локальный признак (*plante aquatique, aréneuse*), а также на сходство по внешним и внутренним признакам с материалом, обозначенным исходным существительным (*voix cuivrée, cotonneuse, râleur hyaline*).

Взаимная субституция тождественных ЛСВ не всегда возможна в силу стилевых и дистрибутивных размежеваний, высокой степени фразеологической связанности значения и структурных особенностей образований. Употребление синонимических разноструктурных единиц в номинации вещественного признака обнаруживает обусловленность форм фактором функциональной направленности языка. Анализ показывает, что именно приспособление к различным условиям и целям речевого общения диктует выбор языковых средств при наличии конкурирующих типов. Книжные стили с их стремлением к информативности, нейтральности используемых ими единиц обнаруживают преобладание ВП преимущественно ученого характера. Общелитературный же язык в силу нечеткости выражения в нем категории рода и числа, нейтральности морфо-

логического оформления внешних показателей существительного и прилагательного, а также по причине максимальной абстрактности, семантической обедненности французских народных суффиксов и развитой полисемии слов основного словарного фонда, обуславливающих богатство коннотативных признаков их производных, использует в основном АК. Краткость, экспрессивность АС лежат в основе его широкого использования в рекламе и технике (*phase vapeur, rayon laser, marteau vinyl doublé, gris argent*).

Библиографический список

1. Кирова Л.А. Частотность и принципы выбора морфологосинтаксических типов в сфере выражения атрибутивных отношений. Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1968.

Л.П. Олдырева

КАТЕГОРИЯ КОНТЕКСТА В АНГЛИЙСКИХ РИТОРИКАХ XVIII ВЕКА (историографический аспект)

История языкознания убеждает нас в том, что эволюция лингвистических понятий и процедур анализа, с этими понятиями связанных, протекает по-разному — в ритме, не совпадающем по фазам своего развития. Так научная рефлексия, выявляющая суть лингвистических понятий, может не совпадать по времени с практикой языковедческого анализа, в которой эти понятия применяются задолго до их теоретического осмысления. Ярчайший пример этого несовпадения — эпоха структурализма, которая вошла в историю современного языкознания как время определения и систематизации языковедческих понятий и процедур анализа, уже многие века применявшихся в филологической практике.

Ощущение аналогичного несовпадения не оставляет читателя английских риторик XVIII века, когда этот читатель, будучи современным лингвистом, знакомым с теорией контек-

ста и с разработанной в ее рамках классификацией различных видов этого явления, встречается в риторическом анализе текста XVIII - нач. XIX вв. практически все виды контекстов, отмеченных современной лингвистической контекстологией, без какого бы то ни было их определения и терминологического введения в фонд понятий риторики.

В современной лингвистике понятие контекста представлено весьма разработанной классификацией его функций и разновидностей. В ней учтены диагностическая сила контекста, его роль в выделении минимальных различительных пар в фонологии и грамматической парадигме [1, с.114], его идентифицирующая и актуализирующая функции в восприятии и толковании лексических и фразеологических единиц [2, с.10], его текстообразующие потенции и участие в интерпретации смысла высказывания [3]. Тем не менее эти дифференциальные признаки контекста, описанные в рамках современных лингвистических представлений, вряд ли применимы при анализе языковедческого сочинения, написанного в иную эпоху. В этом случае необходима реконструкция "системы связей между элементами научного знания, стоящей за данным текстом" [4, с.15].

Очевидно то, что раз в сочинении о языке XVIII века в процедуре анализа текстов и лексики применяются различные варианты контекстов, то ни само понятие контекста, ни его функции и различительные признаки нигде не оговариваются, мы имеем дело со "словарем"¹ терминов и понятий иного лингвистического мышления. О своеобразии такого лингвистического мышления применительно к категории контекста в английских риториках XVIII века² пойдет речь в данной статье.

¹ "Словарь" и "грамматика" научного текста о языке - термины историографии лингвистики, предложенные Н.Ю.Бокадовой.

² О необходимости новой историографической интерпретации риторик как языковедческого текста пишут в последнее время многие лингвисты (см., напр., 5, с.105).

Итак английские риторика XVIII века не знают эксплицитно выраженного понятия контекста, это понятие имплицитно заключено в "структуре знания" о языке [4, с.15], лежащей в основе этих сочинений. Оно как бы негласно присутствует в концептуальной канве текстов о риторике. Так идея контекстуальной нейтрализации многозначности высказывания "вычитывается" из рекомендаций риторик, направленных на преодоление двусмысленности выражений.

Этот вид рекомендаций, заимствованных из классического наследия эллинистической и римской риторических традиций, неизменно присутствует во всех английских риториках того времени [6, 7, 8]. Связан он с регламентацией самого важного в классических риториках стилистического достоинства речи - "ясности" изложения (*perspicuity* - в английской традиции¹). Это достоинство авторы английских риторик считали результатом осознанного и целенаправленно культивируемого речевого поведения, запрещающего употребление невнятных и неоднозначно воспринимаемых высказываний. Построение смысла, гарантирующего однозначность интерпретации, было проявлением воспитанного искусством красноречия чувства "риторической правильности".

"Риторическая правильность" высказывания - это целый комплекс представлений, который, как считали авторы английских риторик, не задан природой языка, а является производным от целенаправленных усилий человека, ставящих своей целью преодоление несовершенства языка. Если бы язык был совершенным средством общения, для успешного владения им было бы вполне достаточно грамматической правильности, однако, как показывает встречающийся в риториках XVIII века анализ произведений лучших английских авторов, грамматически правильная речь риторически далеко не всегда безупречна [6, с.240]. "Риторическая правильность" необходима как си-

¹ В "Риторике Аристотеля" определение ясности звучит так: "...достоинство стиля заключается в ясности (*сархе*); доказательством этого служит то, что раз речь не ясна, она не достигнет своей цели" [9, с.129].

стема правил и рекомендаций высшего порядка, корректирующая ограничения, налагаемые системой грамматики. Риторические рекомендации, выстраиваясь над правилами грамматики, контролируют правильность речи с позиций риторических достоинств речи, "отсеивая" таким образом высказывания риторически ущербные.

Понятие контекста в его идентифицирующей и актуализирующей функции нейтрализатора оказывается таким образом включенным в круг представлений и рекомендаций, связанных с понятиями "ясности" стиля и "риторической правильности". Исходя из этих понятий, выстраивался в риториках XVIII - нач. XIX вв. свод правил и рекомендаций, способствующих отработке ясности стиля. Примером такого свода может служить "Философия риторики" Дж.Кембэла (1776 год). В этом сочинении дана самая подробная и последовательная для своего времени классификация нарушений "риторической правильности" применительно к ясности изложения [6, с.240-279]. Эти нарушения сгруппированы Дж.Кембэлом следующим образом:

- 1) неясность выражения (the obscure), которая может быть результатом:
 - (а) неверного сокращения предложения (чаще всего опущения подчинительных союзов);
 - (б) разбиения предложных конструкций;
 - (в) употребления в одном предложении одного и того же слова в разных значениях (чаще всего это случается с местоимениями);
 - (г) вклинивания чрезмерно длинного вводного предложения;
 - (д) нечеткой референции в местоимениях (особенно относительных);
 - (е) неуместного употребления терминов;
 - (ж) употребления длинных предложений;
- 2) двусмысленность выражения (the double meaning), возникающая чаще всего в результате неснятия многозначности употребленных в высказывании слов и конструкций, а

также в случае неверного употребления артиклей, местоимений, неумелого опускания соединительных слов и неверного порядка слов;

- В) непонятность выражения (the unintelligible), которая может быть следствием
- (а) невнятности самой мысли,
 - (б) неуместного употребления фигур речи,
 - (в) возвышенного многословия,
 - (г) неадекватного использования ученой лексики (the learned nonsense),
 - (д) необычного употребления слов в экстравагантных суждениях.

Классификация нарушений ясности проиллюстрирована примерами из лучших английских авторов - следовательно речь в "Философии риторики" идет о принципиальной опасности невнятного слога, которая подстерегает пишущего и говорящего на английском языке именно в этих перечисленных Кембэлом случаях. Правка нарушений "риторической правильности" сводится, по сути, к одному: к созданию контекстов, нейтрализующих многозначность языковой единицы и снимающих неадекватность смысла и стиля высказывания.

В качестве конкретного примера правки Кембэла можно взять исправленный им вариант одного предложения из Свифта. В английском языке неясность высказывания часто происходит от опущения подчинительных союзов¹ и неверного сокращения предложений (см. позицию I(a) в вышеприведенной классификации Кембэла). Этому языку - благодаря обилию в нем конструкций с вторичными предикатами, динамичности артикуляции односложных слов и множеству лишенных смыслового ударения служебных слов (что создает чрезвычайно благоприятную почву для столь ценной в риториках краткости и

¹ Напомним, что с предупреждения относительно правильного употребления союзов начинается перечисление своих пяти условий ясности стиля и Аристотель, он видел в правильном расположении союзов основу основ ясно построенного высказывания [9, с.135].

энергичности слога) – свойственно стилистическое пристрастие к сжатости и компактности выражения. Однако синтаксическая компрессия и связанный с нею выигрыш в экономии языковых средств представляют соблазн, чреватый неясностью смысла – как в критикуемом Кембэлом предложении Свифта "I had several men died in my ship of calentures". Это предложение¹, действительно невнятно и должно быть распространено до приемлемого с точки зрения риторической perspicuity варианта Кембэла "I had several men in my ship who died of calenture" [6, с.244].

Анализ этого фрагмента "Философии риторики" показывает, что правя наиболее характерные для английского языка нарушения ясности, Кембэл применяет целый набор контекстов, он учитывает контексты ситуативного, культурного и структурного плана (структурного – в смысле принадлежности высказывания или предложения к определенной жанровой структуре – [II, с.95]). В этом легко убедиться, взглянув на позиции I(е), 3(б,в,г,д) его классификации. Для современных текстологических исследований дискурса интересна еще одна деталь в классификации Кембэла: им учтена контекстуальная роль местоимений, артиклей и соединительных слов. Тут рекомендации риторик XVIII в. сопрягаются с анализом текстообразующей потенции этих элементов текста (см. позиции I(в,д), 2) в современных исследованиях когезии.

Для понимания лингвистического мышления, лежащего в основе этих предупреждающих невнятность слога риторических рекомендаций, важна одна мысль – она объясняет суть проанализированных риториками XVIII века погрешностей сти-

¹ Впоследствии этот пример неоднократно появлялся на страницах английских грамматик, особенно тех из них, в которых нормативная грамматика дана в сочетании с практической стилистикой. Такой тип грамматик представлял собой синтез грамматики и риторики и был особенно популярен во 2-ой половине XIX – нач. XX вв. Так, например, это предложение Свифта на правах рекомендации – упреждения встречается в популярнейшем пособии Дж. Несфилда [10, с. 158].

ля. Выражена эта мысль с достаточной ясностью только в "Философии риторики" Кембала": причина нарушения *repercuitu* скрыта в самой природе языка - в условности связи между знаком и означаемым и в связанной с этой условностью психической природой восприятия человеком языковой семантики, легко искажаемой субъективными ассоциациями и неполнотой знания истинного значения знака [6, с.278-287].

При таком ходе рассуждений нельзя не видеть в риторике способ преодоления заложенных в природе языка препятствий к ясности слога. Если логически развить ход этой мысли, то сама риторика со всей ее системой понятий и рекомендаций оказывается в роли своеобразного лингвистического контекста, ибо именно в ней - в риторике систематизированы все функции контекста, гарантирующие смысловую и стилистическую адекватность высказывания.

Культурно-исторический престиж такого "контекста" чрезвычайно велик: *ars rhetorica* - одна из существеннейших составных частей английской гуманитарной культуры. Это создает основу для веры в лингводидактическую силу риторических рекомендаций (подобных тем, что направлены на преодоление погрешностей в ясности стиля: как в случае с правкой Кембалом вышеупомянутого предложения Свифта). Существенно в пафосе этих рекомендаций и то, что они связаны с воспитанием умения, которое Л.В.Щерба определял как "языковое чутье" - т.е. "умение создавать новые контексты и умение отличать возможные контексты от невозможных" [12, с.74]. Нетрудно видеть в идее "риторической правильности" одну из разновидностей этого чутья, помогающего риторически образованному носителю языка ориентироваться в "умении создавать контексты". В английских риториках XVIII века, пользовавшихся терминами эмпирической эстетики своего времени, это умение называлось вкусом (*taste*).

Рационализация понятия вкуса - важное интеллектуальное открытие нравственной философии (*moral philosophy*) и эстетики XVIII века [13], и все ведущие риторики того вре-

мени включали эту эстетическую категорию в свой фонд понятий, декларируя при этом воспитание языкового вкуса в качестве одной из своих насущных задач. Ориентация на вкус требовала от риторического анализа текста понятий с ярко выраженной оценочно-рекомендательной компонентой (таких как, к примеру, понятия классической риторики греко-римского образца - типа *perspicuity*, *purity*, *vivacity* - ясности, чистоты, живости). Это, очевидно, и исключало теоретическое осознание контекста как самостоятельного понятия, оно не могло войти в концептуальный фонд лингвистического мышления риторик того времени. Меж тем не вызывает сомнения контекстопорождающая миссия самой риторики в целом, и ее роль в становлении англоязычной речевой культуры еще ждет своего осмысления.

Библиографический список

1. Русский язык. Энциклопедия/ Гл.ред. Ф.П.Филин. М., 1979.
2. Лейкина Б.М. Идентифицирующая и актуализирующая функции контекста при речевосприятии//Вопросы английской контекстологии. Л., 1974. Вып. I. С.9-16.
3. Прагматика как исследование языкового контекста: сводный реферат// РЖ. Общественные науки за рубежом. Сер.6. М., 1982. № 4. С.36-41.
4. Бокадорова Н.Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII - начала XIX века. Структура знания о языке. М., 1987.
5. Ольховиков Б.А. О месте грамматики в культурной истории языка (методологический аспект историографии грамматики)//Грамматические и семантические исследования языков разных систем. М., 1986. С.105-113.
6. Campbell G. The Philosophy of Rhetoric. Lnd., 1776 (цит. по изданию N.V., 1849).
7. Blair H. Lectures on Phetoric and Belles Lettres, in 3 vls. Lnd., 1785..

8. Priestley Y. A Course of Lectures on Oratory and Criticism. Lnd, 1777 (цит. по факсимильному изданию в серии "Landmarks in Rhetoric and Public Address", Carbondale, 1965).
9. Аристотель. Риторика // Античные риторика. М., 1978.
10. Nesfield M.A. Manual of English Grammar and Composition Lnd., 1898 (цит. по 35 изданию 1954 г.).
11. Мыркин В.Л. Типы контекстов // Филологические науки, М., 1978. № 1. С.95-98.
12. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. Л., 1947.
13. Gerard Al. An Essay on Taste. Lnd., 1759 (цит. по изданию Scolar Press, 1971).

С.А.Панчук, А.А.Кадушина

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ ЯЗЫКОВОГО
ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ И ТЕМАТИЧЕСКОЙ СЕТКИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на материале романа
И.Стоуна "Жажда жизни")**

Статья посвящена дальнейшему развитию понятия тематической сетки как общего принципа анализа художественного текста в рамках стилистики декодирования, разрабатываемой профессором И.В.Арнольд и ее последователями [1].

В предыдущих публикациях [2,3] были описаны критерии установления тематического поля и тематической сетки, методика выявления тематических слов. В данной статье описывается структурно-семантическая корреляция тематического поля и тематической сетки и предпринимается попытка интерпретации художественного текста с использованием этих понятий.

Тематическое поле определяется как обладающая определенной структурой совокупность слов, выделяемых в языке по критерию наличия общего компонента в семном составе денотативных значений, относящихся к одному или разным

лексико-грамматическим разрядам; поле вычленяется на основе семантико-логического критерия, лингвистическую базу которого составляет использование лексикографических данных; основными свойствами поля являются связь элементов, упорядоченность и незамкнутость (при условии не более чем трехступенчатой трансформации объяснения); структуру поля образуют ядро и периферия.

Большинством лингвистов признано, что поле представляет собой совокупность слов, связанных определенными взаимоотношениями и образующих иерархически организованное структурное целое, в котором выделяется ядро и периферийные области.

Так, у О.Духачека [4] поля состоят из ядра, представленного термином (или терминами), наиболее широко употребляющимися для выражения данного понятия, и нескольких областей, из которых одни могут располагаться в непосредственной близости к ядру, другие - на периферии поля, причем семантическая область может и пересекаться с ядром, имея с ним общие члены, и выходить за пределы данного поля, имея общие члены с другими полями.

Ю.Н.Караулов [5] описывает логическую структуру семантического поля в терминах пяти множеств: (О - имя поля); А - синонимы к О; Б - родовое имя для О; В - видовые имена О; Г - значения, связанные с О, имеющие с ним часть одинаковых компонентов; Д - антонимы к О.

Аналогично моделируется поле в нашем исследовании: ядро его составляют синонимы, гипонимы и гиперонимы слова, называющего поле (О, А, Б, В). К ядру присоединяются близкие по значению слова (однородность значения устанавливается по тезаурусу Роже), и антоним (или ряд антонимов) к наименованию поля, образуя его периферию (Г, Д). Слово включается в поле не во всей совокупности его значений, а в своем отдельном значении.

Тематическая сетка - это выделяемая на уровне текста совокупность частых слов художественного текста, объединенных по критерию наличия общих компонентов в их денота-

тивных значениях либо по общности коннотации (узуальной или контекстуальной), которые связаны парадигматически и синтагматически, выполняют в тексте общую стилистическую функцию и отражают определенную тему художественного произведения.

Структура тематической сетки в основном совпадает со структурой тематического поля, с учетом двух поправок:

- 1) имя поля выражается парой словарных антонимов, имя сетки выражается парой контрастивов;
- 2) общность контекстуального значения как самостоятельный критерий включения слов в тематическую сетку является важнейшей характеристикой сетки, отличающей ее от тематического поля; этот критерий обуславливает наличие в тематической сетке (в отличие от поля) дополнительной группы слов, входящих в периферийную часть ее структуры:

ядро

О - имя сетки (пара контрастивов);

А - синонимы;

Б - гиперонимы;

В - гипонимы;

периферийная часть -

Г - близкие по значению слова;

Д - антонимы;

Е - слова с общностью контекстуального значения.

Другой особенностью сетки в отличие от поля, как указывалось, является то, что имя сетки выражается парой контрастивов. Контрастивы определяются в исследовании как выделяемые по критерию языковой или речевой антонимии пары слов художественного текста, регулярно в нем противопоставляемые, отражающие тему произведения и связанные семантическим повтором с группой тематических слов.

Специфика контрастивов заключается в следующем.

Противопоставляемые тематические слова как понятие не равнозначны языковым антонимам, поскольку представляют собой факт художественного текста и рассматриваются не на

уровне языка, а на уровне текста. Тематические слова нельзя полностью подвести и под понятие контекстуальной антонимии, т.к. их основной характеристикой, в отличие от одноразовых окказиональных антонимов, является регулярность их противопоставления в тексте. Не укладываются они и в такую стилистическую фигуру, как антитеза, поскольку важнейшей чертой тематических слов является отражение в их значении общей темы произведения, что не обязательно в антитезе.

В ходе исследования были описаны тематические поля, имена которых соответствуют именам основных тематических сеток, выявленных в тексте романа И.Стоуна "Жажда жизни" - Creation/Destruction, Good/Evil. (Использовался обширный лексикографический материал). Опустив это описание, отметим, что выявленная структурная и семантическая корреляция тематического поля и тематической сетки позволяет сделать следующие выводы:

1) Языковое тематическое поле является лингвистической основой тематической сетки текста.

2) Проведенное исследование свидетельствует о необходимости анализа художественного текста не с помощью полевого подхода, поскольку поле - языковая категория и метод анализа системы языка, а с помощью тематической сетки как категории текста, т.е. не непосредственно методом семантических полей, а опосредованно, с помощью текстового аналога поля - тематической сетки.

Обратимся к тексту указанного романа с тем, чтобы на примере его анализа показать практическую значимость предлагаемой методики для адекватной интерпретации художественного текста. Рамки статьи ограничивают наш анализ рассмотрением лишь некоторых линий в художественном развертывании темы Good/Evil. Повторяющиеся значения good/evil в романе И.Стоуна о Ван Гоге отражают идею о добре и зле как нравственной категории и оценку "хороший/плохой" конкретных явлений, событий, людей.

Подлинное искусство в понимании Винсента противопоставляется в романе бездарным поделкам, которые двадцатилетний Ван Гог вынужден продавать, работая в лавке Гупиля. Отрицательной оценочностью окрашены и характеристики покупателей, которые безошибочно выбирают самое скверное из того, что показывает Винсент, и так же безошибочно, с первого взгляда, отвергают все, что он считает подлинным искусством:

The woman had a sure instinct for picking out the very worst expression of the painter's art to be found in any group that Vincent showed her ... and to reject everything he knew to be authentic (LL¹, p.17).

How a man can justify himself for spending his one and only life selling very bad pictures to very stupid people? (LL, p.18).

Последний пример особо важен для интерпретации образа Винсента: открыто заявляя о своем неприятии лжеискусства и его буржуазных "ценителей", бросая лавку Гупиля, Ван Гог делает первый шаг в сторону от общества, навсегда порывая с этим его слоем.

The woman, with her puddy features and condescending puerilities, became for him a perfect symbol of middle-class fatuity and the commercial life (LL, p.17).

Мелкобуржуазная прослойка характеризуется инфантильностью, глупостью, бесцельностью существования - чертами отрицательными: по словарю Fowler: puerile-boyish, childish, trivial; fatuous-vacantly silly, purposeless, idiotic. В семантической структуре commercial нет указаний на какую-либо оценочность: "commerce-exchange of merchandise, esp. on a large scale". Однако совокупность слов с отрицательной оценочностью "puddy, puerilities, fatuity" иррадирует эту оценочность и на "commercial life", в ре-

¹ LL - I. Stone. Lust for Life. The Novel of Vincent Van Gogh. Lond.: Longmans, Green and Co., 1934.

зультате чего у этого выражения появляется окказиональная отрицательная коннотация. Поскольку значение "bad" как форма отрицательной оценки входит в категориальное понятие Evil, то вся группа рассмотренных слов и выражений входит в тематическую сетку со значением Evil: "bad pictures, worst expression of art, stupid people, pudly, puerilities, middleclass, fatuity, commercial life". Ей противопоставляется сетка со значением Good, в которую включаются "good work, good man, authentic art".

Этическое и эстетическое неразрывно связаны в реальной действительности, естественна связь понятий "добро" и "красота" в художественном произведении, тем более, если главный персонаж его - художник. Красота многолика. Это и доброта матери, и красота окружающего мира:

The broadness and wideness and goodness of her face were an eternal "Yea" to the beauty of life (LL, p.111).

Особая красота Гааги:

The Hague is perhaps the cleanest and most well-bred city in all Europe. It is, in the true Holland manner, simple, austere and beautiful. The immaculate streets are lined with trees, the houses are of neat and fastidious brick, with tiny, lovingly kept gardens of roses and geraniums in front. There are no slums, poverty stricken districts or careless eyesores; everything is kept with that efficient ascetism of the Dutch (LL, p.129).

Чтобы точно декодировать информацию, заложенную в приведенном отрывке, читатель должен знать, что в средние века аскетизм был идейным течением, мировоззрением, сущностью которого являлось отречение от своего "я" в угоду духу. В искусстве это выразилось в создании полотен, где нет движения, чувства; готических соборов, устремленных ввысь, как бы к вершинам духа, и подавляющих ничтожного перед ними человека. В холодноватой красоте Гааги, увиденной глазами Ван Гога, читатель находит отголоски того "готического" периода искусства.

Однако для понимания отношения художника к такому роду красоте необходим тщательный лингвистический анализ. С одной стороны, Винсенту нравится строгое застывшее лицо аскетической столицы Голландии, он признает своеобразную красоту города. Эта мысль эксплицитно выражена рядом словарных синонимов "clean, neat, tiny", к которым присоединяется пара контекстуальных синонимов "austere and beautiful". Но все же истинное вдохновение художник находит только в реальной жизни человека, противопоставляя аскетизму жажду жизни. Смысл своего творчества Винсент видит в том, чтобы отразить в нем жизнь, силу чувств, глубину человеческого страдания:

The only pictures in which he could find reality and emotional depth were the ones in which the artist expressed pain (LL, p.17)

He saw how exquisite suffering had made her ... Once again there flashed into his mind the old saying: "From out of pain, beauty" (LL, p.134).

"I understand what you mean about Rembrandt. He gets at the real essence of beauty, doesn't he, when he paints those gnarled old people who have suffering and defeat carved into their faces" (LL, p.30).

"He painted beautiful old women, women who were poor or in some way unhappy, but who through sorrow had gained a soul" (LL, p.30).

Понимание красоты как духовности — лишь одна из трактовок категории прекрасного в эстетике, и читатель романа не должен пройти мимо именно такого понимания красоты Ван Гогом. Верному восприятию образа способствуют повторяющиеся значения "suffering" в словах "pain, poor, unhappy, sorrow, defeat", которые обладают семантической общностью (Fowler: pain — suffering, distress; sorrow — grief, sadness, caused by loss of good or occurrence of evil; defeat — frustration, disappointment). Выражение "emotional depth" также включается в эту тематическую сетку.

поскольку "emotion" - слово-гипероним к "sorrow". Слово "soul" в индексе словаря Роже имеет отсылки к рубрикам: Life 360 (living being, soul, spirit, vitality); Spirit 447 (soul, mind, heart, personality, ego); Affections 817 (passions, emotional life, nature, character).

Следовательно, "sorrow, emotional depth, soul" также образуют семантический повтор.

Духовность выступает как сущность красоты (the real essence of beauty; from out of pain, beauty). Прямая семантическая связь между значениями "suffering" и "beauty" прослеживается через семантическую структуру "sorrow", в которой есть компонент "good", имеющийся и в структуре "beauty". На основании этой связи в сетку включается группа слов "beauty, beautiful, exquisite, real essence of beauty, reality".

Итак, мы выявили два ряда слов, связанных внутри ряда семантически: "clean, neat, tiny, loving, wellbred, simple, austere, ascetism" образуют сетку с общим значением "ascetism". Им противопоставляется группа слов "pain, suffering, emotional, depth, sorrow, beauty, reality" с общим значением "real life, real beauty". Выявленное противопоставление дает возможность верной интерпретации образа.

Пониманию сущности красоты соответствует у Ван Гога понимание сущности искусства:

Now she was a passionately suffering woman with all the richness that emotional misery can bring (LL, p.134).

Pain did curious things to him. It made him sensitive to the pain of others. It made him intolerant of everything that was cheap and blatantly successful in the world about him (LL, p.17).

Интересна пара контрастивов "richness" и "cheap" - они обращают внимание читателя на тему противопоставления подлинного искусства, отражающего богатство человеческой души, и дешевого искусства прусеяющих мазил.

Тема творчества, разумеется, важнейшая в романе, она пронизывает весь роман, как само творчество пронизывало жизнь художника:

He had the feeling that the climax of his life, the full creative power toward which he had been struggling these eight long years, was not so very far off ... perhaps there was a short stretch just ahead in which he could create those few pictures which would justify his life (LL,p.368).

If you want to create, go to life. Don't imitate (LL,p.131).

"I got to live too, Vincent. I can't live without eating". "And I can't live without painting" (LL,p.242).

Как видно из примеров, "create" и "life" встречаются вместе во многих контекстах, что является для нас критерием включения их в общую тематическую сетку (Шайкевич А.Я.). Поскольку оба эти понятия узואуально окрашены положительной оценочностью, то они (вместе с семантически близкими им словами) составляют часть тематической сетки с общим значением "Good".

На последних страницах романа тема жизни, отданной творчеству, раскрывается в контексте, богатая образность которого в значительной мере обусловлена конвергенцией стилистических приемов:

He could do without a wife, a home, and children; he could do without love and friendship and health; he could do without security, comfort and food; he could even do without God. But he could not do without something which was greater than himself, which was his life - the power and the ability to create (LL,p.378).

Конвергенция образуется параллельными конструкциями - "he could do without" повторено четыре раза; градацией в направлении возрастания важности перечисляемых объектов - "even without God" ; антиклимаксом - "but he

could not do without" ; метафорой - "the power and ability to create was his life".

Интересное проявление этой темы находим в словах Винсента:

"Theo, I want to paint ... I tell you, I'm hungry for my brushes, Theo, so hungry I could almost run away from Paris on the next train" (LL, p.363).

Анализ этого примера на более высоком уровне - уровне композиции текста - показывает, что выражение "Lust for life", стоящее в сильной позиции (заголовок романа), связывается семантическим повтором с "hungry for brushes". Таким образом, тема творчества, жажды творчества оказывается отраженной в заголовке. Выявленный семантический повтор обеспечивает связность текста, его целостность и структурное единство.

В тексте есть еще одна параллель к "Lust for life" и "lust for work":

The little family before him, with its clinging unity and joyous affection, brought him to realization that he had been hungry, desperately hungry for love all these weary months, and that it was a hunger not easily destroyed (LL, p.31).

A new formidable hunger was awakening within him. He could not tear his gaze from Kay's delicate skin, night-pool eyes... (LL, p.137).

He heeded love in his life ... love was the salt of life (LL, p.141).

Единство темы "life - work - love" реализуется в дистантном семантическом повторе "lust for life, hungry for brushes, hungry for love", который связывает эти тематические словосочетания еще и по принципу сцепления.

Выявленные тематические слова отражают в тексте тему Creation/Destruction, которая семантически связана и включается в более общую тему противоборства сил добра и сил зла.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. (Стилистика декодирования). Изд. 2-е, перераб. Л., 1981.
2. Кукушкина С.А. Исследование синтагматических связей в тексте методом тематической сетки// Синтагматическая обусловленность лексической семантики /Отв. ред. В.И.Агамджанова. Рига.,1980. С.79-86.
3. Кукушкина С.А., Лузгина С.В. Стилистическое декодирование художественного текста на уровне лексики//Вопросы семантики и методики преподавания иностранных языков. Минск, 1982. С.146-154.
4. Duchacek O. Le champ conceptuel de la beaute en francais moderne. Praha, 1960.
5. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

И.И. Пенике

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВАРИАТИВНОСТИ
АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОГОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛОКАЛИЗАЦИИ**

Полифункциональность предлогов, широкая вариативность их семантики, особая роль в оформлении словосочетания и высказывания определяют неугасающее внимание лингвистов к этой части речи. Попытка решить проблему, обозначенную в заглавии данной статьи, предполагает ответ, по крайней мере, на три вопроса: обладает ли предлог лексическим значением, многозначен ли предлог как лексическая единица, свойственна ли ему семантическая валентность. От положительного или отрицательного ответа на эти три вопроса непосредственно зависит подход к анализу и результаты описания семантической вариативности английских предлогов.

Существуют три четко выраженных мнения относительно лексического значения у предлогов.

Первое из этих мнений представлено лингвистами, которые считают, что значение предлога сводится к его структурной функции, а языковой статус не выходит за пределы служебного слова. Данная точка зрения представлена работами Пешковского А.М., Кацнельсона С.Д., Шмелева Д.М.

[1, 2, 3]. Главным аргументом в таком подходе является отсутствие возможности у предлога выступать в роли самостоятельного члена предложения. Предлог рассматривается только как выразитель структурных отношений глагольно-именного словосочетания, а семантически иногда трактуется как единое целое с глаголом или именем существительным.

Существует и другая точка зрения, согласно которой у предлога допускается лексическое значение, но оно носит контекстуально ограниченный характер [4]. В этом случае лексическое значение предлога рассматривается как явление переменное, возникающее в определенном контексте и в тесной связи со знаменательной лексикой, обозначающей реальные объекты, действия, явления. Согласно данному мнению, лексическое значение предлога исчезает вместе со сменой этого контекстуального окружения. Трактовка лексического значения предлога как только переменного семантического фактора опирается на комбинаторные возможности предлога, возникающие в синтагматике, и не учитывает его системно-парадигматических свойств.

Третье направление в изучении семантики предлогов сложилось на основе мнений таких лингвистов, как Смирницкий А.И., Ильин Б.А., Гак В.Г., Бурлакова В.В., Рейман Е.А., Варшавская А.И., Хадеева-Быкова А.М., Никитина С.Е. и др. [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12], которые считают, что предлоги имеют собственное лексическое значение. Согласно этой точке зрения, участие в построении глагольных и именных словосочетаний, выполнение синтаксических функций, не устраняет семантической самостоятельности предлогов. Предлоги объединяет не только функциональная

общность. Как и у знаменательных частей речи, значения предлогов не являются неким производным от их служебной функции в синтаксической конструкции. Их лексическое значение имеет самостоятельный характер [13, с.37].

Однако следует подчеркнуть, что предлоги остаются служебной частью речи, и их лексическая семантика не отделена от их синтаксических функций.

Рассмотрев 3500 случаев использования предлогов со значением локализации в английской художественной, научной и публицистической прозе, мы, вслед за Е.А.Рейман., считаем, что английские предлоги обладают лексическим значением, единым семантическим инвариантом, который не зависит от контекста. Контекст только актуализирует, интерпретирует, уточняет этот инвариант. Приписывание предлогам широкой полисемии является следствием того, что предлогам присваиваются значения окружающих их слов, связи которых они устанавливают. Там, где значение предлога не выделяется и дается в составе глагольных или именных словосочетаний, количество его значений становится необозримым. Например: в "Oxford Advanced Learners' Dictionary of Current English by A.S.Hornby "у предлога "in" даны 18 значений.

Инвариант анализируемых предлогов представлен семантической категорией локализованности. Выявление инварианта значения предлогов локализованности опирается на универсальность понятий пространства и времени и их объективную неразрывность. Лингвистическое описание понятия локализованности невозможно без обращения к пространству и времени как философской проблеме. Такое обращение к общим категориям философии дает возможность объяснить неразрывность пространства и времени в предложных значениях.

Пространство и время — это основные формы существования материи. В их неотделимости от материи и проявляется их универсальность, всеобщность. Согласно диалектическому материализму, пространство и время, как объективные

формы существования движущейся материи, имеют много общих характеристик, таких как бесконечность, абсолютность, относительность, объективность, прерывность и непрерывность. Но существуют и качества, выражающие специфику пространства и времени, которые отличны для каждого из этих двух элементов. К таким характеристикам относятся, например, необратимость времени, которая не имеет аналога в свойствах пространства. Или свойство изотропности пространства. Оно никак не применимо ко времени. При этом пространство имеет три измерения, тогда как время - только одно. Пространство выражает порядок расположения одновременно существующих объектов, время же - последовательность существования сменяющих друг друга явлений [14, 15, 16]. Пространство и время - одна физическая реальность. Они неразрывны и выступают как стороны единого и многообразного целого, составляя четырехмерный пространственно-временной континуум [17, 18]. Четырехмерность континуума существования материи отражается в языке. Предлоги же служат особыми средствами передачи пространственно-временных отношений в системе языка [19, с.45]. Это объясняет потенциальный характер сем пространства и времени в предлогах с инвариантным лексическим значением локализованности. Пространство и время в значениях предлогов выявляются только в контексте, как составные части импликационала лексического значения, в то время как сема "локализация" составляет интенционал предлога.

В данной статье мы говорим о категории "локализация" а не "локативность" в связи с тем, что "локативность" обозначает нахождение в пространстве, тогда как "локализация" - понятие более широкое. Оно указывает на нахождение в пределах четырехмерного пространственно-временного континуума.

Под интенционалом лексического значения слова мы, вслед за М.В.Никитиным, понимаем содержательное ядро лексического значения, структурированную совокупность семантических признаков, наличие которых помогает обяза-

тельным для денотатов данного класса" [20]. В то время как под импликационалом мы понимаем имплицитные семантические варианты значения слова, находящие эксплицитное выражение только при взаимодействии с контекстуальным окружением. На примере предлога "in", это выглядит следующим образом:-

"in" обозначает интернальное отношение, отношение внешнего предела, или, другими словами, нахождение какого-то объекта в пределах четырехмерного пространственно-временного континуума, не выходя за его границы. В зависимости от контекстуального окружения, это значение конкретизируется или в сторону пространственной локализованности, или повторяет семантический признак временной локализованности.

She reached in her purse and took out one of the bills.
(Th. Dreiser "Sister Carrie")

My friend used to get up early in the morning to practice, but had to give that plan up, because of his sister.
(Jerome K. Jerome "Three Men in a Boat")

В данных примерах актуализатором конкретного варианта значения предлога является лексический фактор. Так, если предлог "in" образует предложно-субстантивное сочетание с именем существительным, имеющим пространственное лексическое значение, то и предлог приобретает семантику пространственной локализованности, при этом усиливая пространственную семантику в именной лексике. В первом предложении слово "purse" - сумочка означает место для хранения денег. Сема "пространство - емкость, куда что-то можно положить" содержится как в слове "purse" так и в предлоге "in". Повтор этой семы уточняет инвариантную сему локализованности семантической категории пространства и предлог "in" приобретает значение пространственной локализованности. В другом же примере мы наблюдаем случай, когда тот же предлог "in" приобретает значение

временной локализованности, так как сочетается с именем существительным " the morning ", содержащим эксплицитно выраженную сему времени. Здесь мы видим, что если в состав предложно-субстантивного сочетания входит имя существительное с временным значением, то семантический признак времени появляется и в предло.е.

Мы проанализировали структурно-семантические условия вариативности английских предлогов со значением локализованности, которые имеют пространственный и временной контекстуальный вариант. В результате рассмотрения 3500 употреблений предлогов в художественной и в научной литературе, а также в периодике, и данных, полученных из разных словарей английского языка [21,22,23,24,25], мы выявили предлоги, которые сочетаются с двумя группами именной лексики: лексикой, имеющей пространственный и лексикой, имеющей временной семантический признак. Таких предлогов оказалось 20, но этот список открыт для дополнений в случае окказионального употребления предлогов в одном из этих двух вариантов значения локализованности. Это предлоги: about, after, along, (a)round, at, before, between, by, for, from, in, into, on(upon), over, past, through, throughout, to, toward(s), within.

Пространственно-временная вариативность данных предлогов осуществляется в следующих структурных моделях:
V(Adv)Prep(Num,Adj,Pron)N₂ - Green paper money lay soft within the note.

У N₁Prep(Num,Adj,Pron)N₂ - He put the slippers near her feet.

N₁(NumPrepN₂)Num - I was dressed like a rough, with a cap on my head and a handkerchief round my neck.

(V)Adj/Adv/Part I/Part II/GerPrepN₂ - Certainly she looked bluish round the mouth.

Prep(Adj, Num,Pron)N₂ - In recent years, however, they've broken that tradition and started eating bread at breakfast.

В данных структурных моделях происходит первая степеня членения предлогов с общим значением локализованности на имплицитные варианты пространственной и временной локализации. Зависимость вариативности семантики предлогов локализации от именной лексики свидетельствует о семантической валентности данных предлогов.

Под семантической валентностью мы, вслед за С.Д. Капнельсоном., понимаем "закрывающуюся в лексическом значении слова синтаксическую потенцию, т.е. способность слова присоединять к себе другое категориально вполне определенное полнозначное слово" [26], а также указание на необходимость восполнения лексического значения слова словами определенных типов в предложении. При этом семантическая валентность зависит только от значения слова и не подчиняется морфологии языка. Таким образом, семантической валентностью обладают не все полнозначные слова, а только те, которые как бы имеют "пустые места", сами по себе не самостоятельны в семантическом плане, не дают ощущения полноты высказывания. Глаголы обладают наиболее выраженной семантической валентностью, но не только они. Так как содержательной валентностью прежде всего обладают слова, лишенные семантической самостоятельности, то к ним прежде всего относятся слова, выражающие признаки, качества, отношения. К данной группе слов принадлежит и такие слова служебной части речи как предлоги, так как они выражают отношения между объектами (вещами, их свойствами, ситуациями) реальной действительности. Устанавливая смысловые отношения между словами, предлог "является предикатом (т.е. семантической единицей, имеющей "места", или валентности)". [27].

Английские предлоги, реализующие варианты с локальным и темпоральным значением, обладают содержательной валентностью в силу абстрактности и лексического значения. Валентность предлогов реализуется в условиях действия закона семантического согласования. Семантическое согласование лексического значения предлога проявляется как повтор одной

и той же семы во всех членах словосочетания. Ярче всего такой повтор семы наблюдается в правостороннем окружении предлога. Это место в контексте предлога обычно занимает именная лексика. Так если сочетание выражает пространственные отношения, то семантический признак пространственной локализованности будет наблюдаться как в имени существительном, так и в предлоге. Например, в структуре Adj Prep N₂ :

Green paper money lay soft within the note.

(M. Dreiser "Sister Carrie"),

где note - заметка, запись, записка под влиянием предлога актуализирует потенциальный признак, невключенный в интенционал note. Здесь слово note употребляется в пространственном значении, которое эксплицитно в словарных определениях не представлено. Предлог within выводит на поверхность значение места, и в данном контексте слово note выступает в значении "сложенная бумага, место, куда что то можно вложить". Имя существительное, в свою очередь, тоже влияет на лексическое значение предлога, дополняя его значение семой места.

Английские предлоги со значением локализованности реализуют свои валентные свойства в правостороннем окружении. Предлог занимает "место", заполняемое существительным, при этом сам занимает "место", предусмотренное семантической валентностью глагола. Таким образом, предлоги пространственной и временной локализованности вместе с именной лексикой занимают места открываемые, например, статическими abide, be, exist, feel, hold, keep, last, lie, live, remain, sit, sleep, stand, stay, subsist, survive, wait:

She was sitting by the bath dipping the towel in the water, uttering little throaty cries of satisfaction. (G. Durrell "A Zoo in my Luggage")

и динамическими глаголами accomplish, arrive, behave,

break, bring, catch, come, dip, do, find, function, go, make, open, pursue, reach, return, seek, serve, start, take, throw, walk, work:

Once he threw a pencil in her face.
(H.D. Lawrence "Sons and Lovers")

и тем самым становятся средством экспликации семантических категорий "место" и "время" в составе лексических значений этих глаголов. Например, место:

Harvey sat at his writingtable, set against the wall of the main room in his little house. (M. Spark)

время

Another day she sat at sunset whilst he was painting some pine - trees which caught the red glare from the west (H.D. Lawrence)

В данных предложениях предлог at выявляет значение локализованности в глаголе to sit. В первом случае выявляется значение пространственной, а во втором - временной локализованности. Предложно-субстантивное сочетание "at his writingtable" - "за письменным столом" - актуализирует в значении глагола to sit - "сидеть" потенциальную сему локальности - сидеть где-то, около чего-то, в каком-то месте. В случае предложно-субстантивного сочетания "at sunset" - "на закате" - глагол to sit приобретает оттенок лексического значения временной локализованности и выявляет свое имплицитное значение (импликационал) - сидеть когда-то, в какое-то определенное время, отрезок времени. В приведенных примерах глагол выступал в роли определяемого слова, а предложно-именная группа - в качестве определителя.

В качестве определяемого предлог выступает в сочетании с именной лексикой, обычно занимающей правостороннее контекстуальное окружение предлога. Валентные свойства предлога проявляются в сочетаниях с предметной лексикой в составе обстоятельства места или времени в предложении.

В данном случае именная лексика выступает в роли уточнителя лексического значения предлога. В зависимости от того, какую семантическую категорию представляет имя существительное - место или время - предлог соответственно реализует свой локальный или темпоральный вариант.

Итак пространственно/временная вариативность английских предлогов со значением локализованности, осуществляется в составе нескольких структурных моделей:

У (Adv) Prep (Num, Adj, Pron) N₂

V N₁ Prep (Num, Adj, Pron) N₂

N₁/Num Prep N₂/Num

(V) Adj/Adv/Part I/ Part II/ Ger Prep N₂

Prep (Adj/Num/Pron) N₂

На синтаксическом уровне предлог, обладающий данным значением, входит в состав обстоятельства места или времени. На семантико-синтаксическом уровне предлог указывает на место существования какого-то явления, место совершения какого-то действия или на время существования какого-то явления реальной действительности, время совершения какого-то действия. Данные семантико-синтаксические структуры и их лексическое наполнение образуют типовой контекст предлогов со значением локализации. Такое лексико-синтаксическое окружение составляет инвариантную структуру, заданную семантической категорией локализации.

Валентная актуализация - это первая степень актуализации лексического значения предлогов. Полную семантическую актуализацию данных частей речи мы можем наблюдать в более обширном контексте - в предложении, но анализ такого уровня не является целью настоящей статьи.

Библиографический список

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 7-е изд.
2. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.

3. Шмелев Д.Н. Проблемы семантики анализа лексики. М., 1978.
4. Буслев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
5. Смирницкий А.И. Проблемы тождества слова. М., 1954. Т. IV.
6. Ильин Б.А. Значения предлогов в современном английском языке // Уч. зап. Лен. пед. ин-та им. А.Герцена, 1958. Т. 157. С. 8-13.
7. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка // Морфология. М., 1986.
8. Бурлакова В.В. К вопросу о лексическом значении предлога // Исследования по английской филологии. Л., 1971. Вып. IV. С.177-188.
9. Рейман Е.А. Английские предложные значения и функции. Дис. ... докт.филол.наук. Л., 1984.
10. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка. Л., 1984.
11. Хадеева-Быкова А.М. Предложные обстоятельства в современном английском языке. Ярославль, 1971.
12. Никишина С.Е. О семантическом варьировании русских предлогов // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С.108-148.
13. Рейман Е.А. Английские предложные значения и функции. Дис. ... докт.филол.наук. Л., 1984.
14. Karņovics E. Kas ir telpa un laiks? Rīga, 1960.
15. Абасов А.С. Пространство. Время. Познание. Баку, 1986.
16. Ярская-Смирнова В.Н. Время и пространство. Свердловск, 1969.
17. Философская энциклопедия. М., 1967. - Т.4. С.892-897.
18. Философский словарь. М., 1987.
19. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986.

20. Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1983.
21. Kaškevičs J., Sosāre M., Tilenciņi. Angļu-latviešu vārdnīca. Rīga, 1976.
22. Уилсон Е.А. Англо-русский учебный словарь. М., 1985.
23. Hornby A.S. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English. Oxford, 1980.
24. Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield, 1984.
25. Charlton G.Laird. Webster's New World Thesaurus. NY, The New American Library, 1975.
26. Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. М., 1987. № 3. С.20 - 33.
27. Никитина С.Е. О семантическом варьировании русских предлогов // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С.113

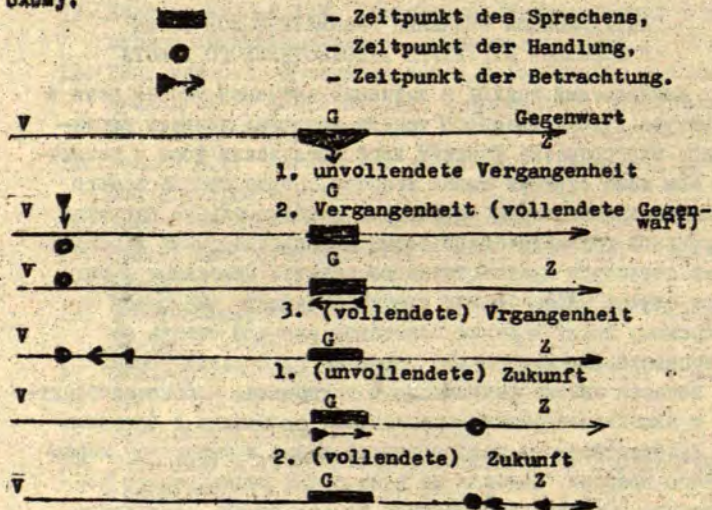
В.А. Соколова

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ В СЮЖЕТНОЙ СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Комплексный подход к изучению значений частей речи в структуре художественного текста позволил выявить достаточное многообразие функций морфологических форм в различных или даже сходных типах текстов. Целью предлагаемого исследования является проследить функциональную нагрузку глагольной грамматической формы плюсквамперфекта в организации структуры художественного текста. Описанные в ряде работ случаи употребления плюсквамперфекта относятся к авторскому плану ведения повествования, что отнюдь не исчерпывает функциональные потенции глагольной формы. Как показал анализ фактического материала, плюсквамперфектные и плюсквамперфектно-претеритные включения в организацию художественного целого входят также в структуру персонажного времени, выделяя ее в качестве рельефного конституента сюжетной перспективы повествования. Акцентиро-

данность плюсквамперфектного способа ведения повествования прослеживается во всем комплексе и семантико-синтаксических элементов структуры микро- и макроконтраста повествования.

Возможность выделения определенных планов повествовательной перспективы описана в работе И. Майера [1], в которой предлагается связать выбор и употребление определенных временных форм с так называемым "моментом наблюдения" (Zeitpunkt der Betrachtung) с учетом "момента говорения" и "момента действия". Схема, которая используется автором для иллюстрации рассуждений, представляет собой 6 векторных прямых, соответствующих видовременному представлению семантики глагольных форм немецкой темпоральной системы. Так, план прошлых и будущих времен представлен оппозицией незавершенности/завершенности действий в прошлом и будущем. Направление движения при этом задается углом зрения наблюдателя, выявляющемся в синтагматическом плане рассмотрения. Целесообразно привести описываемую схему:

Замечание автора о нахождении точки отсчета действий для всех временных планов только с точки зрения настоящего момента говорящего относится, очевидно, к определению значения временных форм, реализующихся в синтагматике без учета субъективного фактора организации авторского и персонажного авторского повествования в структуре художественного текста. Следует заметить, что попытка Майера заменить момент речи моментом наблюдения не является столь существенной с точки зрения обозначения действий; однако, она несомненно, указывает на возможность построения видовременной темпоральной системы языка. Ограничить исследование только синтагматическим планом наблюдения над реализацией значений плюсквамперфекта значило бы их неправомерно сузить, хотя обращение к аспектуальным характеристикам временных форм немецкой темпоральной системы оправдано. Так, плюсквамперфект, рассматриваемый в контекстуальном окружении в качестве детерминатора завершенного прошлого, имеет и другие аспектологические характеристики: длительность, мгновенность и повторяемость, - выявить которые позволяет привлечение к анализу семантики глаголов, образующих аналитическую конструкцию, а также учет структурообразующих факторов организации художественного текста.

Подобные исследования функциональных потенций плюсквамперфекта предполагают нахождение в тексте определенного угла зрения или определенной перспективы повествования (*Erzählerperspektive*) являющихся критериями для точки отсчета сюжетных событий. Представляется, что повествовательная перспектива не является однородной. В качестве составляющих ее элементов рассматривают по принадлежности к точке зрения авторскую и персонажную перспективы. Соответственно следует подходить к определению перспективы повествования с точки зрения автора и с точки зрения персонажа; кроме того, существует и так называемая авторско-персонажная перспектива изложения событий и действий в тексте. Плюсквамперфект может выступать в передаче

трех указанных точек зрения по-разному, но при обязательном соотношении с сюжетным временем свершения действий, со всей структурой изложения, а также с композиционно-стилистическими особенностями художественного текста.

Исследование структурной организации сюжетного времени позволяет отметить следующие функции завершающего плюсквамперфекта в тексте: обозначение завершенности (результата) действий в сюжетном и досюжетном прошлом.

Под досюжетным прошлым понимается время завершения событий авторской повествовательной перспективы относительно хода сюжета, это - переданные в сжатой форме предистории, являющиеся нередко завязкой сюжета и выделяемые автором с целью всестороннего освещения сюжетных событий; доистории предваряют сюжетное действие повествования и служат в содержательном плане тематическим указателем причинно-следственных связей в изложении событий. Досюжетные авторские контексты, выделенные композиционно, как показал фактический материал, в отдельный абзац или фрагмент текста, входят в структуру художественного текста как элементы композиции произведения, к примеру, в качестве пролога к основному повествованию.

Реализующая здесь ретроперспективная функция завершающего плюсквамперфекта имеет претеритальную поддержку контекста, так как акцепционные авторские включения такого типа оформляются коррелирующими претеритом и плюсквамперфектом. Относительная сюжетная самостоятельность таких включений связана с наличием собственной точки отсчета для передачи досюжетных действий, что и позволяет предположить возможность выделения в структуре текста особого временного ретроперспективного плана.

Вторичный композиционно-временной план текста, прослеживающийся в соответствии с анализом средств, создающих многомерность структуры текста, одним из которых является ретроперспекция повествования, имеет особую временную организацию. Соотносясь непосредственно с углом зрения автора и входя в общую повествовательную перспективу,

связанную с сюжетным временем изложения событий и действий, ретроспекция находит лингвистическое выражение в морфологических, лексических и синтаксических средствах языка. Функциональное взаимодействие перечисленных выше языковых средств и определяет ретроспективность как категорию художественного текста.

Как уже отмечалось, основными средствами выражения ретроспекции в немецком языке являются временные формы глагола. Для выражения ретроспективных отношений в тексте наиболее часто выступают три глагольные формы: исторический презенс, претерит и плюсквамперфект, общим значением которых можно считать разобщенность с моментом речи и с точкой отсчета реального протекания действия. Вопрос об участии исторического презенса в передаче завершенных событий затрагивался в работах ряда исследователей, занимающихся изучением темпоральной семантики презенса (В.А.Жеребков, М.С.Веденькова, Г.Н.Россихина) и его стилистико-композиционных функций (Л.М.Нюбина). Полисемантичность презенса определяет его полифункциональность в структуре художественного текста (см., к примеру, выделяемые Л.М.Нюбиной сюжетно-композиционные функции презенса в структуре немецкой новеллы XX века). Способность исторического презенса к синхронной передаче завершенных к моменту повествования действий позволяет отнести временную форму к одному из средств выражения ретроспекции в тексте (см. работы Л.М.Нюбиной, М.Н.Борисенко, Н.В.Брусковой, Э.Н.Иванниковой).

Претеритальный план повествовательной перспективы связан с окружающим его контекстом: это обуславливают законы художественного времени, объясняющие фиктивность протекания изображаемого действия как такового, которое допускает известную условность в выборе изначального плана повествования. Несколько другая точка зрения представлена в работах К.Гамбургер, отождествляющей претеритальный план повествовательной перспективы и настоящее по-

вестование с фиктивным, т.е. вымышленным, "здесь" и "теперь" автора. Вероятно, такой подход к определению основного плана изложения событий связан с отсутствием в работах ученого объективной оценки протекания времени художественного как перцептуального, имеющего в основе объективные временные характеристики.

В связи с преимущественно претеритальным обозначением перспективы повествования в художественном тексте допустимо говорить о том, что различие планов сюжетного времени происходит относительно претеритального плана текста. Следовательно, функциональные значения временных глагольных форм в структуре текстового целого определяются направлением претеритального плана и задаются именно последним. Рассмотрение цельного претеритального плана в качестве критерия для определения перспективы повествования позволяет достоверно проследить перемещение основных планов повествования. Разграничение указанных планов происходит только с учетом взаимодействия единиц всех уровней языка.

Определяя роль претерита в структурной организации авторского плана художественного текста, большинство исследователей указывает на возможность с помощью временной формы обозначать план "тогда" (см.: Brinkmann [2, с.338-341]), т.е. на ретроспективные способности формы. Примечательна в этом плане точка зрения, изложенная в работах по русской грамматике, согласно которой план текста, или фоновый план развития действия, образуется глаголами несовершенного вида и представляет собой линейную цепочку развертывания действий или событий в тексте. Б.А.Успенский указывает на то, что оппозиция: совершенный/несовершенный вид глаголов - выражает оппозицию ретроспективного и синхронного показа действия. Тогда претеритальный план повествования, признанный нами в качестве ретроспективного по отношению к моменту создания произведения, можно рассматривать как указатель на вероятное углубление

перспективы повествования с помощью глагольной формы, которая обязательно коррелирует с претеритальным планом текста и своей функциональной семантикой оставляет за собой право передачи многосмерности в структуре текста. Такой глагольной формой в немецком языке является плюсквамперфект.

Изучение актуализации основных текстовых значений плюсквамперфекта предполагает:

1. Выделение планов сюжетного времени.
2. Определение направления повествовательной перспективы в тексте.
3. Указание угла зрения повествователя (point of view).
4. Нахождение точки свершения событий в плане вторичного композиционно-речевого уровня художественного текста, который организуют, как правило, плюсквамперфектные и плюсквамперфектно-претеритные включения.
5. Описание стилистического потенциала глагольной грамматической формы - плюсквамперфекта.

Библиографический список

1. Meyer J. Über den Sinn der grammatischen Zeiten. Sprachpflege. 1961. II.1. S. 5-6.
2. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf; Schwann-Verlag, 1962.

Н.В. Фамина

ФАКТОРЫ ПОЛЯРИЗАЦИИ ОБОЗНАЧЕНИЙ ЧИСЛА КАК ОДНОГО ИЗ ВИДОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ВАРИИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ

Чрезвычайно распространен в речи процесс семантического варьирования обозначений числа, названный поляризацией [1, 2, с.10-11]. Суть его в том, что при распределении по предметам счета к числовому значению нередко

присоединяется компонент количественной оценки - "много" или "мало", являющийся потенциальным в значении числа. Этот компонент выступает в данном случае в виде двух денотативно-прагматических полюсов, к которым стремятся числовые значения. Например:

(1) Five times in the next hour Mrs Legendre tried to get Hampstead on the phone [3, с.103].

(2) "We've got a flat - at last ! ... It's dirt cheap. Eighty pounds a year!" [4, с.21-22]

Легко видеть, что в приведенных отрывках обозначения числа *five* и *eighty* как бы расходятся по противоположным полюсам в семантическом поле, выражая понятия "много": "мало", соответственно.

Поляризация не имеет себе соответствий в кругу математических понятий [5]. Сами понятия "мало" и "много" носят прагматический характер; они устанавливаются обществом и различны для разных классов исчисляемых объектов. Направление поляризации определяют следующие факторы:

1) оценка квантификатора (то есть обозначения числа). Здесь большую роль играет близость денотата обозначения числа к нулю или бесконечности (абсолютный фактор). Например, к группе "мало" можно отнести обозначения числа, недалекие от нуля в ряду положительных чисел, поскольку для большинства ситуаций такое количество предметов или явлений считается малым. Числа же от 100 и более являются реально большими для основной массы жизненных ситуаций (по крайней мере для собранных нами примеров);

2) оценка квантификата (предмета счета), которая производится на основе опыта говорящих в данном языковом коллективе (тезаурусная количественная характеристика, или прагматический фактор). Имеется в виду то, что для разных объектов и явлений окружающей действительности обществом устанавливаются разные масштабы счета, или различная количественная мера, соответствующая большинству жизненных ситуаций. Так, например, разные масштабы приме-

няются к обозначениям повторяемости и длительности. Рассмотрим два примера:

(3) ... when he trod, helplessly, for the fifth time upon her foot she stopped still ... [2, c.76]

(4) "That doesn't matter, it'll (the mattress) dry in five minutes once it's put outside". [7, c.80]

В обоих фрагментах употреблено обозначение числа *five*. В первом случае, в кванти-группе *five times* оно выражает повторяемость событий и имеет в значении сему "много" (и действительно: наступить пять раз подряд человеку на ногу это даже слишком много). Во втором случае, сочетаясь с *minute*, числительное *five* обозначает темпоральную величину, а поскольку в обиходе минута - это кратчайшая единица времени, то все сочетание получает оценку "мало";

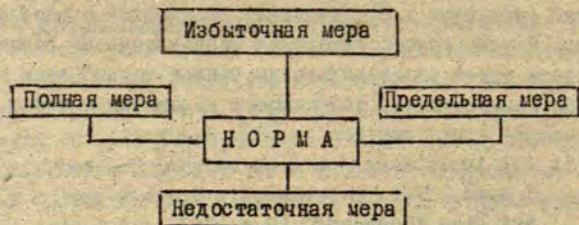
3) оценка конкретной речевой ситуации употребления обозначения числа. В целом ряде случаев оценка по квантификатору и квантификату недостаточна для определения направления поляризации. Здесь необходим учет конкретных условий (языковых и ситуативных) употребления всей квантигруппы. В этом случае смысловая направленность обозначения числа будет определяться на основе расшифровки всего отрезка коммуникации, содержащего обозначение числа, то есть микро- и макроконтеста [8]. Например:

(5) "It looks like you'd be working for me",
I said. "This Governorship doesn't pay
but five thousand". [9, c.112]

Здесь квантигруппа "пять тысяч долларов" по денотативному и прагматическому фактору (имеется в виду точка зрения среднеобеспеченного человека) ближе к понятию "много". Однако в данной конституции это - малая сумма (имеется лексическое указание на "мало": *doesn't ... but - "всего лишь"*).

В процессе поляризации обычно сочетается действие различных факторов, но ведущую роль, очевидно, играет

именно прагматический фактор, поскольку он служит реальной основой, на фоне которой производится оценка количества как "малого" или "большого". В этой связи важно отметить работу А.Н.Полянского, который пишет о выражении понятия количественной меры в русском языке. Автор дает интересную схему распределения количества по признаку меры и совершенно справедливо указывает, в какой огромной степени мера зависит от конкретной жизненной ситуации. Языковую меру А.Н.Полянский представляет как систему, в центре которой находится "норма", точка отсчета для понятия меры, которая обусловлена контекстуальной ситуацией. Относительно "нормы" полярно располагаются избыточная и недостаточная меры количества. Предельная мера при этом связывается с "нормой" по оси возможности, а полная мера по оси желательности [10, с.37-38]. Показателями языковой меры могут служить различные адвербиальные определители типа "много", "с избытком", "мало", "немного", "достаточно" и др. Схема языковой меры количества у А.Н.Полянского имеет следующий вид:

Рассуждения автора в принципе не вызывают никаких возражений. Однако хотелось бы уточнить некоторые термины. Так, представляется, что не совсем удачен термин "контекстуальная ситуация" в применении к понятию меры. Контекст традиционно связывают с языковыми фактами, здесь же имеется в виду действительность, оценка явлений в рамках общества. В этом смысле уместнее говорить не просто о "норме", а о "прагматической норме".

Интересно, что З.Т.Тухтаходжаева приходит к аналогичным выводам, исследуя количественные значения английских отменных прилагательных. Эти значения сводятся к следующим основным понятиям:

- 1) имеющий в норме, в достаточном количестве (having enough, in norm);
- 2) имеющий меньше, чем достаточно (having less than enough);
- 3) имеющий больше, чем достаточно (having more than enough);
- 4) имеющий (очень) большое количество (having very much/very many);
- 5) имеющий слишком большое количество (having too much/too many);
- 6) имеющий небольшое количество (having little/few);
- 7) не имеющий (not having) [II, с.8].

Эту классификацию количественных градаций, так же как и схему А.Н.Полянского, основанную на том же принципе, мы применим для построения модели поляризации обозначений числа. Мы считаем более целесообразным прежде всего "перевернуть" схему А.Н.Полянского, разместив основные понятия на горизонтальной шкале, подобно тому, как в математике числа размещаются на числовой оси. Центральное место на оси поляризации займет понятие "прагматической нормы". Относительно нормы будут полярно расположены два денотативно-прагматических полюса "мало" и "много" (+ и -, соответственно) с соответствующими градациями между ними. При этом понятие "мало" будет стремиться к нулю (0), а "много" - к бесконечности (∞) в ряду положительных чисел. Таким образом, модель поляризации обозначений числа примет следующий вид:

Итак, претерпевшая в речи процесс поляризации, обозначения числа перемещаются относительно прагматической нормы между двумя денотативно-прагматическими полюсами по оси, изображенной выше. Степень поляризации при этом зависит от места на оси.

Нетрудно видеть, что наша ось поляризации составлена по образцу числовой, но принципиально отличается от нее. Как известно, центром числовой оси является нуль, числа, находящиеся на числовой оси справа от нуля стремятся к бесконечности (∞), а слева - к минус бесконечности ($-\infty$). В нашу же модель отрицательные числа не входят вообще. Сам нуль (отсутствие числа) является одновременно пределом и начальной точкой отсчета, но не позицией на оси поляризации (в нашем материале таких значений нет). (Заметим, что у Э.Т.Тухтаходжаевой нуль - "не имеющий" - входит в классификацию как одно из значений).

Точка прагматической нормы в нашей модели формально занимает место нуля, влево от нее идет уменьшение, вправо - увеличение. Но это, разумеется, не нуль в традиционном смысле, а ограничительный признак, на котором основано противопоставление понятий "много"/"мало". Еще раз напомним, что знак минус (-) в нашей схеме используется лишь для обозначения понятия "мало", мы имеем дело только с положительными числами. Строго говоря в нашей модели используется лишь модуль числа.

В своем анализе поляризации числовых значений мы учитываем изменчивость прагматической нормы. В этом отношении классификация Э.Т.Тухтаходжаевой является слишком жесткой, слишком ориентированной на число. Даже в схеме А.Н.Полянского недостаточно учитывается изменчивость прагматической нормы. Конкретный материал показывает, что прагматическая норма может сильно варьировать в индивидуальных случаях, так что один и тот же элемент числовой оси может занимать в разных контекстах разные места на оси поляризации. Это, кстати, отмечает и А.Н.Полянский,

приводя такие примеры: "У профессора мало опубликованных работ, всего пять" и "Этот студент еще на третьем курсе, а у него уже пять опубликованных работ" [10, с.36-37]. И все же понятие нормы, выдвинутое этим автором, представляется нам слишком статичным. Характерно, в частности, такое утверждение А.Н.Полянского: "Видимо в сознании человека существует некая количественная норма, которая обуславливается традициями и характеризует количество чего-либо, соответствующее конкретной ситуации" [10, с.36]. То, что прагматическая норма существует, - это несомненный факт. Однако в нашем понимании эта норма представляет собой как бы инвариант, имеющий в речи неопределенно большое количество индивидуальных вариантов. Итак, в данной работе прагматическая норма мыслится как средняя количественная мера, установленная обществом для различных квантификаторов (предметов, явлений, действий), соответствующая большинству жизненных ситуаций. Оставаясь постоянным, собирательным понятием языка, в речи прагматическая норма существует в виде бесконечного ряда индивидуальных вариантов, поскольку окружающий нас материальный мир имеет массу различных проявлений.

Библиографический список

1. Фамина Н.В. Поляризация обозначений числа в речи и ее контекстовые условия // Контекстуальная семантика. Рига. 1982. - С.103-117.
2. Фамина Н.В. Вариативность значений числа в английской речи и ее контекстовые условия: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. Л., 1986.
3. Fitzgerald F.S. Selected Short Stories. Moscow, Publishers, 1979..
4. Christie A. Selected Stories. Moscow, 1974.
5. Выгодский М.Я. Справочник по высшей математике. М. 1969.

6. Drabble M. Jerusalem the Golden. Harmondsworth (M'dd'x), 1967.
7. Stewart M. The Gabriel Hounds. New York. 1967.
8. Колшанский Г.В. О понятии контекстной семантики // Теория языка. Англистика. Кельтология. М. 1976, с. 69-75.
9. Warren R.P. All the King's Men. Moscow, 1979.
10. Полянский А.Н. План содержания категории количества в русском языке // Филологические науки. М., 1984. № 1. С. 34-41.
11. Тухтаходжаева З.Т. Выражение категории квантификации и оценки в словообразовательной системе современного английского языка (на материале производных прилагательных): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1982.

Л.К. Халликова

КОНТЕКСТУАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА "BUSINESS"

Слово *business* принадлежит к разряду слов широкой семантики¹, или к такому слову лексики, который, являясь носителем категориального значения, по уровню абстрактности занимает промежуточное положение между грамматической категорией и лексической категорией. Исследование единиц этого слоя особенно затруднительно, в силу таких их свойств как: 1) широта смыслового объема; 2) неригидность границ вычленения ЛСВ; 3) зависимость от контекста. Имея высокую степень обобщения и абстракции признака, положенного в основу их значения, слова широкой семантики не поддаются исследованию с помощью традиционных методик.

В данной статье рассматривается возможность вывода компонентов значения слова широкой семантики *business* с

¹ Библиографию работ по исследованию слов широкой семантики см. в диссертации Колобаева В.К. [1].

помощью семантико-синтаксического анализа, дополненного процедурой заполнения пропуска в тексте¹ как способа выявления состава слова на основе вариантов, предложенных информантами. Наша задача состоит в том, чтобы показать этот процесс на примере употребления слова *business* в тексте одной статьи², а также заполнения пропуска этого слова гражданами Великобритании. В заполнении пропуска участвовали 20 информантов: 14 студентов третьего года обучения университета г. Лидс и 6 специалистов разных профилей из того же города. Текст этой статьи предъявлялся информантам тремя порциями: I предъявление - начало первого предложения текста, содержащее пропущенное слово и представляющее собой законченное высказывание (*British... spends vast amounts of time and money recruiting bright graduates, but then demeans them by giving them low-grade jobs to perform*), окончание этого предложения (*according to a new group sponsored by the Industrial Society*) не включалось в первое предъявление, во избежание интерференции слова *Industrial*, поскольку в предварительном опросе в другой группе это слово было избрано большинством участников заполнения пропуска; II предъявление - первые шесть абзацев текста; III предъявление - весь текст. Предполагалось, что такая процедура предъявления текста, расширяющая контекст для восстановления пропущенного слова, позволит проследить процесс выбора участниками опроса слова-заполнителя пропуска.

Для прогноза вариантов значений пропуска был произведен контекстуальный анализ текста первого предъявления, поскольку именно контекст формирует состав семантических признаков лексико-семантического варианта слова, действуя на основе речевой вариативности, базирующейся на частич-

¹ Лингвистический анализ и восстановление пропущенного слова нами проводилось с использованием процедуры, предложенной В.И. Агаджановс [2].

² См. полный текст статьи, использованной в данном исследовании, в приложении.

ном тождестве синтаксически связанных слов. Выявление семантических признаков пропущенного слова проводилось на основе констатации структурно-синтаксической и семантико-синтаксической моделей и далее - выделения рамочного итеративного признака лексики предложения [2, с.9-16]. Данные контекстологического анализа представлены в следующей таблице:

Состав актуализируемых семантических признаков		Средства актуализации семантических признаков
Лицо/лица, направленно действующее (-ие)	spends recruiting demeans giving	Направленное действие
на лица	graduates them x2	Лица, на которые направлено действие
и объекты (обеспечивающее (-ие) занятость работой)	money time jobs	Объект, на который направлено действие
с определенной целью	to perform	Цель направленного действия
в определенной стране	British	Место направленного действия

Семантический признак "лицо" может быть представлен как "лица", или "группа лиц", или "множество лиц", т.к. субъект действия в данной синтаксической конструкции может быть выражен собирательным именем, также согласующимся со сказуемым в третьем лице единственного числа настоящего времени.

Результаты контекстологического анализа позволяют прийти к выводу, что при первом предъявлении значение пропущенного слова может быть восстановлено на уровне следующих семантических признаков: лицо/лица, которое/-ие/ тратит/-ят/ время и деньги, принимает/-ят/ новых членов,

предоставляет/-ют/ им работу и унижает/-ют/ их.

Таким образом, слово-заголодитель пропуска должно иметь в своем составе следующие семантические компоненты: лицо/лица + тратить время и деньги + принимать новых членов + предоставлять работу + унижать, т.е. "тот, кто предоставляет работу, занимает рабочую силу" [3, с.519], за определенную плату = "работодатель"; employer = one who gives work to , usu. for payment [4, с.286]. Актуализатором этого значения является лексико-семантическая модель "Лицо" + "направленное действие" + "объект направленного действия" как интерпретация синтаксической модели S + P + O.

Расширение контекста при втором предъявлении текста вводит следующие существительные, имеющие в своем составе категориальный признак "работодатель": companies (x2), organisation's , Durham University, sales division of ... company in Manchester, banking (area), industry. Из этих вариантов следует исключить два с конкретными географическими названиями, поскольку определение, стоящее перед пропущенным словом, относит его ко всем британским работодателям. При третьем предъявлении этот список пополнился еще четырьмя существительными: universities , polytechnics, government, industry и, таким образом, вариантами для заполнения пропуска слова, имеющими в своем составе семантический признак "работодатель", в тексте являются: company, organization, banking, industry, university, polytechnics, government. Однако только три из них, banking , industry , government, удовлетворяют позиции подлежащего. Сочетающегося со сказуемым в единственном числе настоящего времени. При этом варианта для однозначного восстановления пропущенного слова текст не дает.

Сравним эти варианты с теми, которые получены в результате опроса информантов:

I предъявление	II предъявление	III предъявление
industry (XII)	industry (XII)	industry (XII)
government (2)	industrialist(s) (2)	industrialist(s) (2)
gas (2)	gas (3)	medicals (I)
rail (2)	banking (I)	commerce (I)
airways (I)	companies (I)	management (I)
steel (I)	management (I)	banks (I)
businessman (I)	petroleum (I)	petroleum (I)
		rail (1)

Примечание: 8 информантов (40%) слово industry простиавили во всех трех предъявлениях, т.е. не изменили вариант заполнения пропуска, избранный ими при первом предъявлении.

Как видно из таблицы, более 50% (84 варианта из 60) составляет слово industry, а если брать в расчет и слово industrialist(s), то это составит 61%. Эта статистика подтверждает наш прогноз, поскольку слово industry является наиболее частотным в цепочке повторных наименований, имеющих в своем составе семантический признак "работодатель" (4 наименования из 10), кроме того слова industry с учетом всех его словоформ (industrial, industrialists) является наиболее частотным словом текста (10 словоупотреблений).

Семнадцать вариантов (или 28%), предложенных информантами, в тексте вообще не встречаются. Из них 12 являются сокращенными названиями британских компаний (gas (5), rail (3), airways(1), steel(1), petroleum(2)). Появление этих вариантов при заполнении пропуска информантами особенно интересно, т.к. подтверждает мысль о полиденотативности слов широкой семантики, "заряженности" их всеми возможными денотатами, поскольку в основу их значения "кладется не самый важный для характеристики индивидуального предмета признак, ... но он широко распространен, присущ огромному количеству предметов и явлений" [I, с.41],

каким в нашем случае является признак "работодатель".

Применение этих процедур к исследованию значения слова *business* на примере одной статьи позволяет сделать предварительный вывод о том, что слово широкой семантики *business* является элементом лексического поля "работодатель", актуализируемого типовым контекстом "Субъект + Направленное действие + Объект", который является категориальной базой для реализации лексических значений слов, имеющих в своем составе семантические признаки "лицо" (или "множество лиц"), "направленно действующее/-ие/" на "других лиц" или "объекты". А компонент "работодатель" является, таким образом, скрытым признаком лексического значения слова *business* и не получил эксплицитного выражения в словарных дефинициях.

Однако сам факт возможности вычленения такого признака, который не является самым важным для характеристики индивидуального предмета, но присущ множеству предметов и явлений, выраженных словом широкой семантики, ставит под сомнение вывод об их синкретизме [I, с.38-40], неразложимости на составляющие признаки. Видимо, правильнее будет говорить о необходимости разработки специальных процедур для выделения компонентов значений слов широкой семантики. Опрос информантов, на наш взгляд, может стать одним звеном в ряду таких процедур, поскольку с его помощью можно получить то множество слов, которое составляет фрейм или лексическое поле, элементы которого заполняют позицию некоей концептуальной схемы, именуемой типовым контекстом.

NEW ORGANIZATION AIMS TO SAFEGUARD GRADUATES

British ... spends vast amounts of time and money recruiting bright graduates, but then demeans them by giving them low-grade jobs to perform, according to a new group sponsored by the Industrial society.

The Graduate Industrial Society, formed to protect the interests of degree-holders in their first employment, attacks companies for giving graduates routine "Noddy round" tasks.

Anita Jones, the organization's 26-year-old leader, said yesterday that 80% of graduates found themselves in jobs where it was difficult to get the relevant training.

Ms Jones, a modern language graduate of Durham University, on secondment from the sale division of the audio and video tapes company BASF in Manchester, said she expected most degree holders would have to find out what it was like at the bottom of industrial pile, but some companies took it too far.

"In the banking area, for instance, people often find themselves performing non-fulfilling clerical work during the day and studying for exams at night".

She added: "Within the first few weeks of our existence, we have found that graduate resources are often under-utilized, and nearly always poorly trained. We want to get away from Noddy and believe that bringing high-flying young people together will help us improve our effectiveness, and the lot of graduates in industry as a whole".

The group hopes to attract members by offering a wide range of speakers at meetings, together with practical training and social events.

The first national conference of the Graduate Industrial Society, with the theme "The Quest for Excellence", is being held in London on 15 and 16 November.

Universities and polytechnics are to join forces to create a new forum, with industrialists, to promote links between higher education and industry.

The new group, given the go-ahead by university vice-chancellors last Friday, and actively pursued by heads of polytechnics, will work in tandem with the existing Council for Industry and Higher Education, chaired by Jim Prior, a former Cabinet Minister, to inform the Government and nation about national priorities.

The new group, as yet unnamed, and without a location, will enable industry and higher education to swap notes about each others' needs and interests and may lead to changes in entry requirements and courses offered in universities and polytechnics, to make them more relevant to industry's needs.

by Barry Clement, Labour Reporter, "The Independent",
Nov. 10, 1986.

Библиографический список

1. Колобаев В.К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (на материале медицинских публикаций) Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
2. Агамджалова В.И. Итеративность семантических признаков лексики предложения // Синтагматическая обусловленность лексической семантики. Рига, 1980. С.3-17.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка М., 1987.
4. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 1978.

Х.Н. Шеломова

ЯЗЫКОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДТЕКСТА В АНТИФАШИСТСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Основная цель данной статьи выявить художественное воплощение идеи в сатирическом произведении, текстуальную природу его, функционирование отдельных частей речи (их актуализацию на уровне автор - рассказчик - персонаж), определить паралингвистические компоненты в создании политической карикатуры и тем самым раскрыть лингвостилистические и вместе с тем общие идейно-художественные особенности сатирического произведения.

Актуальность и публицистическая заостренность антифашистской сатирической прозы Л.Фейхтвангера связаны с резким развенчанием действительности Германии 30-40-х годов нашего века.

Политическая карикатура, созданная писателем в его романах "Успех" (1930), "Дже-Нерон" (1936), "Братья Лаутенган" (1943) и в новеллах "Рассказ о психофизиологе д-ре Бл." (1929), "Смерть Нерона" (1942), явившимися одним из источников сатирических романов, - одно из главных достоинств этих произведений.

Карикатуре является неотъемлемым элементом сатирического гротеска, без которого не существуют памфлет, роман-памфлет, сатирическая новелла-притча, сатирическая пьеса-парабола и некоторые другие жанры. Сатирический гротеск - жанрообразующая доминанта этих произведений.

В прозе Л.Фейхтвангера, как правило, нелицо две стороны отражения мира - трагическая и сатирическая. Сатира направлена на виновников общественной трагедии. В своих произведениях писатель создает целый ряд карикатурных образов, в определенном смысле дополняющих друг друга.

Развенчание персонажа строится на разрушении собственных представлений последнего о своей избранности и связанных с ней притязаний на духовное завоевание мира.

Многообразие сатирических приемов развенчания (сатирическая статистика, пародия, сатирический групповой портрет и др.) помогает писателю развенчать фашизм и силы его породившие. Диапазон развенчания противника очень широк: от едва уловимой насмешки до сатирического гротеска.

Сатира возникает в антифашистской прозе тогда, когда автор показывает процесс движения буржуазного общества вниз, от момента деградации отдельного мещанина до изображения целого общества, открывшего путь фашизму. Сатира неразрывно связана с "чужим словом" [1, с.194], отражающим противостоящий автору мир. Эта "внеэстетическая действительность" [2, с.36] находит свое выражение в системе карикатурных образов различного масштаба и наполнения (в "Успехе", например, это и единичная карикатурная зарисовка, и групповая карикатура, и буффонада, и сниженное карекаваллизованное представление, и сатирически-гротескные фигуры носителей фашистской власти). Слово в этих случаях на уровне жаргона. Часто возникающий баварский диалект передает и местный колорит родины фашизма.

Политическая карикатура создается и автором-рассказчиком, и в форме двойной карикатуры, возникая в передаче другого, уже ранее окарикатуренного персонажа; и в виде карикатур-двойников. Мотив сатирически сниженного двойника лежит и в основе "Дже-Нерона". Эта карикатура строится с помощью экстремальных средств сатиры и гротеска. Так в "Успехе" возникает метонимия при изображении "вождя истинных германцев": "жалкий шут... с огромным легким и пустой головой", "его неутомимая глотка была лучшим достоянием партии". Высокие понятия о духовном, творческом начале, носителем которого видит себя Оскар Лаутензак, сочетаются в его сознании с низкой обыденностью и вульгарным натурализмом: одаренность - тайком удирать из квартиры, "голоса

Цезаря" - "голова комедианта", Икар, творческое - спасть с женщиной, завоевать город - вылететь из школы и пр. В экспозиции романа "Братья Лаутензак" эти сочетания, построенные по принципу оксюморона, в определенном отношении предваряют композицию всего романа-памфлета.

Оксюморон, особое построение диалога, когда отсутствует комментарий повествователя и происходит известная драматизация прозы, в новеллах и романах Л.Фейхтвангера отражают регрессивное развитие образа, его снижение, вплоть до морального и физического уничтожения.

Особую роль в создании карикатуры может играть глагол, в особенности глаголы говорения и движения и их синонимические варианты, построенные на сниженном значении глаголов.

Показательна в этом отношении новелла Фейхтвангера "Смерть Нерона", позволяющая глубже осмыслить корни антифашистской сатиры, псевдоисторический сюжет новеллы и связанного с ней романа-памфлета "Дже-Нерон", где, как и в новелле, глагол выполняет эстетическую и мировоззренческую функции.

Исторический Нерон стал для человечества мифом, аллегорией преступления, кровавого властителя, окутанного ореолом ужасного. Поэтому и ассоциировался этот образ с другими преступными диктаторами. Однако Фейхтвангер не жалеет приравнять Гитлера к Нерону потому, что тот был властителем, утвердившимся в историческом времени. Уже создавая трилогию "Зал ожидания", писатель даже одним заглавием проводит мысль о том, что время диктаторства Гитлера преходяще. Эта уверенность определила и принципы сатирического изображения у Фейхтвангера и в "Дже-Нероне".

Преходящее время должно было отразиться в образе, живущем в ложном пространстве и времени. Осуществить этот замысел и помогает вдвойне развенчиваемый образ ложного диктатора.

Новелла "Смерть Нерона" носит характер сообщения, репортажа. Точно указывается время действия - с 19-го марта по 9 июня I века до н.э. Первая дата связана с получением Нероном известия о начавшемся во Франции восстании; последняя - ночь гибели Нерона.

Рассказчик повествует об императоре, которого не могут потрясти никакие политические неурядицы, описывается внешнее поведение Нерона. При этом оказывается, что Нерон только говорит. Самые широкие синонимические варианты глагола "говорит" возникают в новелле: "получить известие, объявить, сказать, взвесить, объяснить, выступить, сообщить, говорить, добавлять, попросить, орацовать с речью, призвать, повторять множество раз, доводить до сведения, выражать мнение, держать речь, в необузданных выражениях велеть, потребовать, распорядиться, призвать, предложить, декламировать с особым пафосом, зачитать речь, много говорить, созвать, ответить, размышлять вслух и т.д.

Откуда такой наплыв глаголов, выражающих говорение? Это следствие того, что персонаж не способен ни на какое действие и заменяет его театральным словом, театрализованной позой. Так объясняет это и сам рассказчик, сообщая читателю в форме несобственно-прямой речи о желании императора через десять дней вновь выступить в театре, "нет у него настроения транжирить свое дыхание и свой голос на такую ересь, как это безумное восстание во Франции" [8, с.37-38].

Но как же совместить с уже ставшим мифическим образом Нерона его слова в новелле: "Слова сильнее оружия", - тем более, что Нерон, как отмечает рассказчик, повторяет их несколько раз?

И здесь-то оказывается, что вся внешняя "простота" новеллы скрывает в себе исторический подтекст, так как чи-

татель никак не может поверить, что Нерон мог придерживать-ся взглядов гуманиста Фейхтвангера.

Смысл этого высказывания проясняется рассказчиком, который сообщает, что Нерон был не только самовлюбленным актером, что император "Вообще-то носился с досужими романтическими проектами. Говорил, например, что надо бы подвергнуть экзекуции все неблагонадежное население города Рима, по крайней мере, все население французского происхождения" [3, с.39-40].

Таким образом оказывается, что ранее произнесенная фраза - очередная роль необычного актера, его утверждение - ничем не заполненная форма, ложное слово.

Невозмутимости императора-актера приходит конец, когда рассказчик деловито, сжато сообщает, что "8 июня в Рим пришли известия о том, что ... части североитальянской армии примкнули к восставшим". [3, с.41].

Спокойствие покидает Нерона, впервые он проявляет себя в действии: он разорвал делешу в ключья, "опрокинул стол и швырнул оба своих любимых бокала так, что они разбились вдребезги и с диким криком повелел своим гостям разойтись". Мнимое величие актера исчезает, единственный поступок становится развенчанием разнузданного тирана.

Теряя способность играть, Нерон утрачивает и свою царственность. Его пространство - это только подмостки, когда он их лишается, он лишается всего. То же произойдет позже с Оскаром Лаутензаком в последнем романе-памфлете Л.Фейхтвангера.

Актером Нерон так и останется до последнего мгновения жизни. Бегство на виллу Фаона, как и сам ритуал самоубийства - все это для него театральное действо с передеванием в каждой сцене. На смену голоса-позы во второй части новеллы приходит пантомима, отраженная на сей раз в глаголах движения, создающих новую карикатуру низвергнутого императора: бессловесный, он сидел, безвольно, лени-

во встал, беззвучно ехали верхом, ползти на четвереньках, опустился на корточки, сидел тут на корточках, можно было проползти на четвереньках, заполз...

Резко контрастное развенчание создает гротескный образ императора, низведенного в ранг жалкого существа. Претендующий на величие сбрасывается вниз, в грязь в полном смысле этого слова. Последняя игра убийцы своей матери, учителя и жены - сцена самоубийства в присутствии зрителей с вошедшей в легенду фразой: "Какой актер во мне умирает", - сцена, собственно, пародирующая самоубийство.

Не случайно обращение антифашистских писателей к одному и тому же историческому материалу, к одному и тому же историческому лицу (ср. изображение Нерона в романе Деже Костолани "Нерон - кровавый поэт", в сатирических произведениях Э.Вайнера, Б.Брехта и др.). Мотивы, которыми руководствовались оба писателя были одни и те же: это непосредственная реакция на политические события того времени: в начале 20-х годов была потоплена в крови революция в Венгрии, а в начале 30-х годов произошел гитлеровский переворот в Германии.

Историческая новелла Фейхтвангера построена на историческом факте, в ней выдержано историческое время. Однако мифологическая ассоциация, вызывающая в связи с упоминанием имени Нерона образ страшного убийцы, тирана и маниакального актера, позволяет автору развенчать носителя власти и сделать недвусмысленный намек на 30-е годы.

Исторический материал, облеченный в сатирическую форму, становится той основой, которая позволяет автору разоблачить свое недолжное историческое время (фашизм и его носителей) путем отстранения, приемов отчуждения. Этот путь решения проблемы в антифашистской сатирической литературе представляется художественно емким, активным, действенным.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
3. Фейхтвангер Л. Собр. соч.: В 12 т. М., 1968. Т.8.

Е.Р. Шульц

ПРЕДЕЛЫ ВАРИАТИВНОСТИ
ПОРЯДКА СЛОВ В АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Пословицы - это бриллианты народной мудрости. Они творения философии и искусства языка. Англичане их считают мудростью целых веков и поколений - *proverbs are the wisdom of ages*. Разные народы по-разному оценивают пословицы: англичане считают, что пословицы говорят правду - *proverbs say truth*, латыши, что пословицы не врут - *sakām vārds jau nemelo*, немцы, что ценность пословицы в ее краткой форме. Выражая логику народа, пословицы содержат в себе также элемент философии и языка индивидуума.

По форме пословицу характеризует живописное, концентрированное выражение, высказанное одним простым или сложным предложением. Пословицы обычно выражают обобщенное, часто философское суждение, созданное на основе жизненных наблюдений, типизируя различные явления в природе и обществе. Это суждение, оформленное как самостоятельное простое или сложное предложение, можно понять в прямом или переносном значении, или чаще всего - в обоих - *make hay while the sun shines*.

П. и М. Биркертс считают, что пословицы в художественном и научном смысле отточенное выражение (изречение), в которых народ высказывает одну из своих жизненных мудростей или философских мыслей. [I, с.6].

Э. Кокаре описывает пословицы как распространенные в народе короткие и меткие, обычно понимаемые в переносном значении предложения, которые выражат обобщенные выводы опыта народа о труде, взаимоотношениях классов, моральных и житейских нормах [2, с. 10].

Р. Ридоут и К. Уиттинг определяют пословицу как популярное короткое изречение с целью совета или предупреждения [3, с. 7]. Такая дефиниция, конечно, не дает возможности идентифицировать пословицы с какой-либо степенью надежности. Ключевым словом в этой дефиниции является "популярное", но насколько популярным изречение должно быть, чтобы стать пословицей?

В основном можно согласиться с определением пословиц А. В. Кунина, который считает, что "под пословицами обычно понимаем афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме" [4, с. 300].

Пословица всегда является предложением. Она преследует дидактическую цель — продолжает А. В. Кунина.

Так как английские и американские фразеологические словари не проводят разграничений между пословицами, поговорками и другими фразеологическими единицами, в нашем анализе использовался "Англо-русский фразеологический словарь" А. В. Кунина, [5, с. 25-845], в котором все пословицы (согласно определению пословиц автором данного словаря) отмечены условным сокращением — посл. Словарь состоит из 20 000 фразеологических единиц и после просмотра их всех для изучения были отобраны только те единицы, которые в словаре отмечены сокращением — посл. Таких единиц словарь А. В. Кунина насчитывает 850. Они и будут объектом анализа данной статьи, в которой рассматриваются некоторые закономерности порядка слов в английских пословицах. Механизм порядка слов составляет один из важнейших параметров функционирования языка и является обязательным фактором структурного оформления любого предложения. И так как каждая пословица состоит из одного законченного предложения, то представляется, что совокупность этих 850 пословиц-предло-

жений является благодарным материалом для анализа.

Каждый язык имеет определенный порядок линейной последовательности слов в предложении. В английском языке, который является аналитическим по своему строю, этот порядок слов более стабилен, чем в языках синтетического строя, как, например, в русском или латышском.

Многочисленные английские грамматики и лингвистическая литература дают различные модели взаимного расположения членов предложения, но из всего этого многообразия можно отобрать определенное количество базисных или нормативных моделей, которые, описаны в тех или иных терминах, фигурируют почти у всех авторов в силу того факта, что они являются как бы эталоном сравнительно стабильного порядка слов английского языка.

В данной статье для анализа порядка слов в английских пословицах будут использованы 10 моделей предложения, ранее описанных более подробно автором. [6, с.88-90]. Анализ проведен исходя из бинарного членения предложения, в котором субъект является одной из двух частей предикации, т.е. субъект получает некоторую предикацию в форме слов, которые его детерминируют. Иначе говоря, субъекту приписывается некоторое качество, признак, свойство, действие, мера и способ его действия и т.д., которые выражены в сочетающихся с ним словах.

Следовательно, настоящий анализ основан на 10 основных моделях, состоящих из субъекта (С) и различных детерминант (Д), уточняющих содержание субъекта. Приводим 10 моделей в их сокращенной форме с примерами.

1. С - Д активности (или Д признака)
Extremes meet. Apperances are deceptive.
2. С - Д активности (или Д признака) - Д пространства
The weakest goes to the wall.
A cock is valiant on his own dunghill.
3. С - Д активности (или Д признака) - Д времени
No man is wise at all times.

4. С - Д активности (или Д признака) - Д объекта
Time works wonders.
Man is a wolf to man.
5. С - Д активности - Д признака
A new broom sweeps clean.
6. С - Д активности - Д объекта - Д объекта
Despair gives courage to a coward.
7. С - Д активности - Д объекта - Д пространства
Pleasure has a sting in its tail.
8. С - Д активности - Д объекта - Д признака
Idleness makes the wit rust.
9. Д времени - С - Д активности - Д объекта
A stitch in time saves nine.
10. С - Д активности - Д времени - Д пространства
Friendship cannot stand always on one side.

Из всех 850 пословиц, находящихся в словаре А.В.Кунина, распределить по 10 упомянутым моделям можно 430 пословиц, что составляет немного больше половины всех пословиц словаря. Анализ другой половины пословиц, не входящих в 10 моделей, будет сделан в последующих статьях автора.

Эти 430 пословиц распределяются по 10 моделям очень неравномерно, как показывает следующая таблица:

Нумерация моделей по порядку	Количество пословиц
1.	94
2.	27
3.	31
4.	206
5.	18
6.	16
7.	8

8.	4
9.	21
10.	5
<hr/>	
Всего 10 моделей	Всего 430 пословиц

Таблица показывает, что больше половины пословиц (300) приходится на модели 1 и 4 и наибольшим количеством пословиц представлена модель 4, т.е. модель, состоящая из субъекта и двух детерминант: активности (или признака) и объекта; и модель 1, состоящая из субъекта и детерминанты активности (или признака). Это указывает на крайнюю лаконичность, сжатость формы и краткость словесного выражения английских пословиц.

Пословиц, состоящих из субъекта и трех детерминант (модели 6, 7, 8, 9, 10, т.е. половина всех моделей), насчитывается только 54 из общего количества пословиц - 430. Следовательно, на первые пять моделей (1, 2, 3, 4, 5) приходится 376 пословиц, что также указывает на большую сжатость формы пословиц.

Далее несколько слов о вариативности расположения субъекта и детерминант в пословицах. Создается впечатление, что вариативность можно определить как совокупность вариантов возможной дислокации субъекта и детерминант. Максимальное количество этих вариантов сводится к вполне конкретному конечному числу. Предел вариативности можно установить как математически максимальное количество различных вариантов при конкретном числе варьируемых элементов. Известно, что наличие двух элементов дает максимально 2 варианта, т.е. элементы А и В могут варьировать только как АВ и ВА, три элемента дает 6 возможных вариантов, четыре элемента - 24 варианта. Это теоретически и математически возможный предел вариативности порядка слов предложений, состоящих из 2, 3 и 4 элементов. Но нас интересует не статистически возможный предел вариативности элементов, а языковой предел вариативности, т.е. реально в

пословицах обнаруженное количество вариантов, обусловленное структурными особенностями английского языка.

Соотношение математического и языкового пределов вариативности элементов в английских пословицах показывает следующая таблица:

Модели по порядку	Количество варьируемых элементов	Количество вариантов математического предела	Количество вариантов языкового предела
I.	2	2	1
2.	3	6	3
3.	3	6	4
4.	3	6	2
5.	3	6	2
6.	4	24	2
7.	4	24	4
8.	4	24	2
9.	4	24	4
10.	4	24	2

Рассмотрим языковой предел вариативности элементов конкретно во всех 10 моделях. Так в модели I, где имеются только два элемента - субъект и детерминант активности (или признака), все 94 пословицы, относящиеся к этой модели, являются нормативными и наличествует один вариант из двух возможных, Этот вариант - С - Д активности - является нормативным для английского языка.

Модели 2, 3, 4, 5 состоят из субъекта и двух детерминант, т.е. из трех элементов, значит математический предел их вариативности - 6 вариантов. Но реально в пословицах насчитываем только 3 варианта в модели 2, 4 варианта в модели 3, 2 варианта в модели 4, 2 варианта в модели 5. Следовательно, ни одна из моделей, состоящих из трех элементов, не имеет максимального количества - шести-вариантов.

Количество вариантов моделей, состоящих из четырех варьируемых элементов (модели 6, 7, 8, 9, 10), в пословицах не многочисленнее количества вариантов моделей, состоящих из трех элементов, хотя их математический предел намного выше 24 вариантов.

Следовательно, данный анализ пределов вариативности английских пословиц позволяет сделать следующие выводы. Английские пословицы отличаются очень высокой нормативностью расположения своих элементов. Эта высокая нормативность вероятно связана с их вековым развитием, т.е. длительным периодом времени, в течение которого пословицы видоизменялись, становились все более сжатыми, точными, ясными, не допуская какого-либо нечеткого, двусмысленного их истолкования. Точность и ясность мысли нашли свое отражение в адекватно точной, нормативной форме языкового выражения пословиц.

Самые подвижные элементы в пословицах - детерминанты времени и пространства - фактически не нарушают их высокой нормативности, т.к. подвижность данных элементов является закономерной для английского предложения в целом.

Если сравнить пределы вариативности порядка слов в английской поэзии и пословицах, то можно сказать, что они являются диаметрально противоположными. Подавляющее большинство предложений в поэзии носит индивидуализированный и структурно-нестандартизированный характер, как было исследовано автором данной статьи [6, с.91-95]. Любая поэзия является творчеством поэта-индивидуума. Каждый поэт старается придать своей стихотворной речи неповторимую, отличную от других форму выражения. Пословицы же являются коллективным, народным творчеством и, находясь в употреблении столетиями, шлифуются в сторону их смыслового уточнения, что соответствует краткой, сжатой и строго нормативной форме их выражения.

Библиографический список

1. Birkerts P. un Birkerte M. Latviesu sakāmvardi un parunas. Rīga., 1927.
2. Kokare E. Latviesu sakāmvardi un parunas. Rīga, 1957.
3. Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969.
4. Кунин А. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986.
5. Кунин А. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.
6. Лиопа Е. Семантическая обусловленность порядка слов в стиховой речи // Синтагматическая обусловленность лексической семантики. Рига, 1980. С. 87-95.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вариативность единиц языка всех уровней в зависимости от контекста ставит новые задачи при разработке практических учебных пособий, т.к. предполагает необходимость выделить инвариант (вместо принятого повсеместно недифференцированного описания многочисленных случаев использования той или иной единицы языка), на фоне которого развиваются варианты, количество которых принципиально неограничено.

Статьи отражают результаты работы специалистов Латвийского, Ленинградского, Калининградского университетов и других вузов страны, координируемой планом научно-исследовательских работ по проблемам высшей школы на 1966-1990 годы.

Статьи по публикуемым темам авторами не депонировались.

СОДЕРЖАНИЕ

Агамджанова В.И. (г.Рига). Функции актуализирующего контекста.	4
Асаналиева Г.К. (г.Ленинград). Контекстуальное варьирование указательных наречий образа действия и их эквивалентов в конструкциях с глаголами речи в новоанглийском языке.....	13
Байкова З.М. (г.Рига) Контекстуально обусловленные варианты значений английских временных форм.....	20
Банкав А.Я. (г.Рига) Синонимическая избирательность галлицизмов латышского языка.....	26
Бродович О.М. (г.Ленинград) Языковая переменная и контекст: факты и следствия для лингвистической теории.	30
Возняк Л.А. (г.Рига) Атрибутивное словосочетание "прилагательное(причастие) + существительное" в немецком языке.	37
Воронин С.В. (г.Ленинград) Из инструментария фоносемасиолога: модель и фонемотип	42
Гусева Т.А. (г.Рига) Вариативность языковых средств номинации при образовании суффиксальных имен существительных абстрактного значения	49
Данченко Н.Н. (г.Рига) Варьирование компонента фразеологизма в языке и речи	55
Заботкина В.И. (г.Калининград) Прагматическая вариативность новой лексики современного английского языка	61
Зеленщиков А.В. (г.Ленинград) Семантическое варьирование дизъюнктивных конструкций.....	69
Кевита И.В. (г.Рига) Условия восстановления семантико-синтаксической структуры незаконченного высказывания	76
Краже С.Г. (г.Рига) Прагматический аспект теории текста и импликации.	82

Кричевская В.И. (г.Рига) Взаимодействие общего смысла высказывания и значений составляющих его слов	87
Кутасина Е.С. (г.Рига) Вариативность функционирования словосочетаний в современном немецком языке (на материале субстантивных групп).....	97
Лисагор О.П. (г.Рига) Атрибутивное словосочетание как идентифицирующий контекст терминологического значения многозначного слова.....	105
Лихтерова Б.Л. (г.Рига) Прагматика парентезы.	113
Масленникова А.А. (г.Ленинград) Влияние семантики прилагательного на образование конструкции For + Infinitive	119
Моркунас Г.И. (г.Ленинград) Семантико-синтаксические роли имен качества в модели $S + Vt + O d.$	126
Начисчионе А.С. (г.Рига) О понятии "распространение фразеологических единиц" как приеме их окказионального преобразования в речи.	134
Озолинь О.Л. (г.Рига) О структурной вариативности единиц в контексте (на материале французского языка)	138
Олдырева Л.П. (г.Рига) Категория контекста в английских риториках XVIII века (историографический аспект)	142
Панчук С.А., Кадушина А.А. (г.Минск) Структурно-семантическая корреляция языкового тематического поля и тематической сетки художественного текста (на материале романа И.Стоуна "Жизнь жизни").	150
Пенике И.И. (г.Рига) Структурно-семантические условия вариативности английских предлогов со значением локализации.	160
Соколова В.А. (г.Рига) Актуализация значений грамматической формы в сюжетной структуре художественного текста	171

Фамина Н.В. (г.Москва) Факторы полтеризации обозначений числа как одного из видов семантического варьирования лексических единиц в речи	177
Халлимова Д.К. (г.Рига) Контекстуально обусловленная вариативность лексического значения слова "business"	184
Шеломова Х.Н. (г.Рига) Языковая актуализация исторического подтекста в антифашистской сатирической прозе	192
Шульц Е.Р. (г.Рига) Целлы вариативности порядка слов в английских пословицах	198

КОНТЕКСТУАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

Сборник научных трудов

- Рецензенты: Е.Айзбалт, канд.филол.наук, доц.каф. иностранных языков РПИ;
 О.Г.Путорская, канд.филол.наук, зав.каф. французского языка Свердловского педагогического ин-та;
 Е.И.Гомберг, канд.филол.наук, доц.каф. иностранных языков ЛГУ им. П.Стучки.

Редакторы: В.Агамджанова, Р.Павлова
 Технический редактор С.Линия
 Корректор И.Балоде

Подписано к печати 08.02.1989. Ф/б 60x84/16.
 Бумага №1. 13,5 физ.печ.л. 12,6 усл.печ.л. 10,0 уч.-изд.л.
 Тираж 500 экз. Зак. № 275 Цена 2 р. 10 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
 226058 Рига, б. Райниса, 19
 Отпечатано в типографии, 226050, Рига, ул.Вейденбаума, 5
 Латвийский государственный университет им. П.Стучки

399117

532

2р. 10к.

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509004846